

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Вятский государственный гуманитарный университет»

***СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО:
НОВОЕ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ***

Коллективная монография

Научный редактор Л. А. Мосунова

КИРОВ
2015

УДК 002.2
ББК 76.1
С 57

*Печатается по решению редакционного издательского совета
Вятского государственного гуманитарного университета*

Научный редактор: Л. А. Мосунова, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования ВятГГУ

Рецензенты: А. А. Дырдин, доктор филологических наук, профессор УлГТУ, академик РАН;

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор ВятГГУ

Авторы: Л. В. Баёва, Ю. В. Булдакова, Е. В. Динер, О. И. Колесникова, Л. В. Краснова, Л. А. Мосунова, А. С. Попова, С. Н. Русских

С57 Современное издательское дело: новое в теории и практике: коллективная монография / науч. ред. Л. А. Мосунова. – Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. – 152 с.

ISBN 978-5-906544-79-7

В коллективной монографии обобщены результаты исследований, выполненных на кафедре издательского дела и редактирования ВятГГУ в последнее время. Современное издательское дело в России рассматривается с точки зрения обновлённых подходов к его теории и практике. Традиционные вопросы книжного дела осмысливаются в современном контексте, с позиций новых реалий и научных данных. Внимание авторов направлено от анализа современных определений книги и новых форм документальных источников к теоретическому переосмыслению деятельности современного редактора; завершает монографию раздел, рассматривающий новые явления в практике издательского дела, требующие своего дальнейшего изучения и научного описания. Адресуется научным работникам в области гуманитарного образования, книговедам-исследователям, библиотекарям, студентам, изучающим книжное дело.

УДК 002.2
ББК 76.1

ISBN 978-5-906544-79-7 © Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2015
© Баёва Л. В., Булдакова Ю. В., Динер Е. В., Колесникова О. И., Краснова Л. В., Мосунова Л. А., Попова А. С., Русских С. Н., 2015
© ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАДИЦИОННЫМ ВОПРОСАМ ТЕОРИИ КНИЖНОГО ДЕЛА	
1.1. Концептуальные решения в проблеме определения книги: книга как тип документа (Динер Е.В.).....	6
1.2. Современные формы представления документов в фондах библиотек как новые источники изучения книжного дела (Русских С.Н.)	27
ГЛАВА 2. АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ КНИЖНОГО ДЕЛА	
2.1. Перспективные направления в изучении провинциального книжного дела (Краснова Л.В.)	41
2.2. Новые аспекты анализа летописей в исследовании православной книги Вятского края (Баева Л.В.)	57
ГЛАВА 3. НОВОЕ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ	
3.1. Функции редакторского языкового сознания и речевое портретирование как способ редакторского анализа (Колесникова О.И.)	73
3.2. Структурно-функциональный подход к редактированию и система подготовки к нему студентов (Мосунова Л.А.)	93
ГЛАВА IV. НОВЕЙШИЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА	
4.1. Анализ феномена фан-фикшн (Булдакова Ю.В.)	114
4.2. Учебный словарь поэтического языка для младших школьников – новый вид школьного словаря (Попова А.С.)	129
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	142
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	152

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе настоящей книги лежат два направления, которые авторы разрабатывали на кафедре издательского дела и редактирования в течение десяти лет: теория книжного дела, в том числе теория редактирования, и практика современного книгоиздания. Если рассматривать современное издательское дело как динамично и нелинейно развивающуюся сферу культурной коммуникации, то в целом они составляют, как видно из книги, единое целое. Первая глава посвящена анализу новых подходов к традиционным вопросам теории книжного дела; здесь делается попытка пересмотра структуры книговедения и его ключевых понятий – книги и документа – под углом зрения, очерченным в диссертационных исследованиях авторов и связанным с новыми контекстами книговедческой науки. Вторая глава освещает перспективные направления в изучении истории книжного дела, прежде всего провинциального, ресурсы исследования которого, по мнению учёных, остаются до сих пор не исчерпанными. Третья глава рассматривает вопрос обновления теоретических основ в современной практике редактирования, как бы синтезируя взгляды, ранее изложенные в других работах; категории языкового сознания личности и смыслового понимания текстов здесь впервые анализируются в структуре специфической деятельности редактирования. В четвёртой главе содержится описание новейших явлений в практике издательского дела в целом – феномена фан-фикшн и совсем нового вида школьного словаря, актуально зарождающихся в условиях современного книгоиздания.

Вместе с тем у монографии есть и другая задача. Мы стремимся не просто описать современное издательское дело, как мы его понимаем, но и показать, как складывались наши взгляды на него, какая научная логика привела к данной концепции. Иными словами, мы попытались вписать нашу коллективную монографию не только в контекст книговедческой теории, но и в контекст истории книжного дела и гуманитарного знания вообще.

Концепция, излагаемая в настоящей книге, в целостном виде представлена впервые. Однако некоторые её фрагменты публиковались ранее. Перечислим наиболее существенные из этих публикаций (они были широко использованы нами при написании книги): Динер (Саутина) Е. В. Теоретико-методологические основы электронной книги // Книга и книжное дело в России: историко-типологический аспект: коллективная монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014; Колесникова О. И., Козлова Е. А. Прагмаэстетическая стратегия убеждения в деловой прессе: монография. Саарбрюккен, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013; Краснова Л. В. Региональное вузовское книгоиздание (на примере Вятского государственного гуманитарного университета) // Наука о книге. Традиции и инновации: к 50-летию сб. «Книга. Исследования и материалы». М.: Наука, 2009; Мосунова Л. А. К вопросу о совершенствовании подготовки редакторов: проблема понимания текстов // Известия высших учебных заведений. Научно-технический журнал Проблемы полиграфии и издательского дела. 2009. № 4; Мосунова Л. А. Проблемы вузовской подготовки издателей //

Полиграфист. 2013. № 2; Репертуар печатной продукции вятского региона (1917–1945 гг.): библиографический указатель / сост. С. Н. Русских. Киров: ИД «Герценка», 2014.

Пожалуй, как и предыдущая наша коллективная монография «Книга и книжное дело в России: историко-типологический аспект» (Киров, 2014), данная работа писалась прежде всего в расчёте на студентов. Книга будет полезна в качестве совсем свежего учебного пособия по курсам «Современное издательское дело», «Проблемы регионального книгоиздания», «История книжного дела», «Методы обучения редактированию текстов», «Активные процессы в редакционно-издательской сфере» и др. для бакалавров и магистрантов, так как в имеющихся учебниках отсутствуют разделы, трактующие вопросы современного издательского дела с точки зрения новейших аспектов его теории и практики. Но вместе с тем это гораздо больше монография, чем учебное пособие, так как представленные здесь идеи носят во многом дискуссионный характер, а полученные авторами факты требуют дальнейшего осмысления. Отсюда её композиция и обильное цитирование взглядов анализируемых авторов, особенно тех, кто обычно не попадает в поле зрения студентов-издателей. Поэтому книга рекомендуется как научное издание научным работникам в области гуманитарного образования, книговедам-исследователям, библиотекарям, студентам, углублённо изучающим книжное дело. В целом же монография имеет широкую направленность и адресуется всем, кого интересует жизнь Книги в социуме, кого волнует загадочная способность традиционной книги выживать в условиях общества потребления и массовой культуры, а также её не менее удивительное свойство вне обстоятельств оставаться носителем и хранителем человеческой цивилизации.

В настоящей коллективной монографии не освещается собственно экономическая проблематика издательского дела, поэтому позволим себе отослать заинтересованного читателя к прекрасным работам Е. М. Дрогова – в особенности к его статьям «Книгоиздание в Кировской области: региональный аспект» // Региональное книгоиздание в России (М., 2010) и «Местное книгоиздание: особенность или приговор?» // Вятская книга. 2008 (Киров, 2010).

Авторы приносят глубокую и искреннюю благодарность всем, кто способствовал выходу этой книги, а в особенности редакционно-издательскому отделу ВятГГУ, сделавшему возможным само появление книги.

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАДИЦИОННЫМ ВОПРОСАМ ТЕОРИИ КНИЖНОГО ДЕЛА

1.1. Концептуальные решения в проблеме определения книги: книга как тип документа

Методологические аспекты проблемы

В современном книговедении всё более укрепляется мнение о том, что книгу следует рассматривать как определённого рода документ, обладающий специфическими признаками. Однако изучение книги с позиций документологического подхода требует решения задач, главными из которых являются следующие: а) определение места книги в системе документивной коммуникации (книга – это вид или тип документа); б) определение свойств книги, присущих ей как документу. Эти проблемы пока не нашли достаточного освещения ни в рамках книговедения, ни в рамках документологии.

Попытка решить вопрос о месте книги в системе документивной коммуникации присутствует, например, в трудах Г. Н. Швецово-Водки. Определяя круг объектов, имеющих отношение к документу, автор выделяет восемь значений слова «документ», одно из которых соответствует книге как объекту коммуникации, однако не соотносится ни с видами, ни с типами документа. В рамках «Документа IV», к которому, согласно Швецово-Водке, относится и книга, дается классификация литературных изданий по признакам, имеющим характер классообразующих в большинстве книговедческих работ: социальному назначению, возрастному признаку (читательскому адресу), языковому признаку (оригинальное или переводное). Более подробная классификация производится автором на основе понятия «жанр литературного произведения» и является традиционной классификацией изданий (Швецова-Водка, 2010). В учебно-практическом пособии «Документ в свете ноокоммунологии» Швецова-Водка отмечает, что типологическая характеристика книги охватывает разные её категории и в этом плане «типологию книги можно рассматривать как подраздел типологии документа» (Швецова-Водка, 2011, с. 266), но это положение в её трудах не получило дальнейшего развития.

Н. Н. Кушнарченко в учебнике «Документоведение» определяет книгу как вид, разновидность документа (Кушнарченко, 2000, с. 161). Эти понятия она употребляет в качестве синонимов, что неверно, так как вид – более широкое понятие, чем разновидность. Автор отмечает, что в системе документивной коммуникации самым широким является термин «документ», он поглощает понятия «книга» и «издание». Термин «книга», согласно Кушнарченко, уже, чем термин «издание» (там же, с. 162). Однако это положение противоречит существованию книги в пространственно-временном континууме. Как объект коммуникации, она может распространяться в качестве издания, если прошла редакционно-издательскую подготовку и имеет выходные сведения, а может быть опубликована, то есть обнародована, например, в авторской редакции и не иметь выходных сведений как таковых. Если согласиться с логикой рассуждений Кушнарченко, то к книге нельзя отнести рукописную книгу, депонирован-

ное произведение, аудиокнигу, электронную книгу, распространяющуюся через Интернет, а это существенно сужает круг документов, относимых к книге в современном коммуникационном пространстве.

Определяя видообразующие свойства книги, Кушнарченко рассматривает её как документ:

1) текстовый; если содержание документа, отмечает автор, передано другими знаками, а их процент превышает буквенные, он не может считаться книгой (в таком случае к книге нельзя причислить, например, издания для детей 3–5 лет, так как большая часть информации передана в них с помощью иллюстраций, по этой же причине мы не можем причислить к книге издания, содержащие репродукции художественных полотен и т. д.);

2) вербально-письменный (это свойство реализуется далеко не во всех объектах книжной коммуникации, например учебное пособие по математике или физике может состоять из множества формул, они, как известно, не относятся к вербальным средствам, значит, такое издание, согласно автору, книгой считаться не может);

3) человекочитаемый;

4) визуальный;

5) опубликованный;

6) печатный;

7) бумажный;

8) блочно-кодексовый (там же, с. 168).

Последние три свойства позволяют причислить к книге только книгу-кодекс и оставляют за её рамками другие книжные формы. Такая позиция не соответствует современному состоянию книжной коммуникации, поэтому при выделении типологических свойств книги за основу её брать нельзя.

Перспективной с позиции решения обозначенной проблемы является теория документа, представленная в работах Ю. Н. Столярова. Её применение к исследованию книги как частного случая документа позволяет выделить не только свойства, сближающие её с документом, но и специфические, присущие только книге. Исходя из теоретических положений, выдвинутых Столяровым, становится возможным: а) рассмотреть книгу в качестве *типа документа*, то есть как обширную группу документных объектов, которые отличаются друг от друга множеством признаков, но тем не менее обладают свойствами, позволяющими объединить их; б) исследовать структуру книги в соотношении со структурой документа и на этой основе выделить типобразующие свойства книги (Саутина, 2014).

Возможность исследовать книгу как *тип*, а не вид документа может быть обоснована положениями, содержащимися в теории нечётких множеств, которая, согласно законам логики, является основой типологии как метода исследования. Одно из исходных положений нечёткой логики заключается в следующем: методы анализа систем, основанные на высокой точности, не способны охватить всё многообразие объектов, принадлежащих к этим системам, в свою очередь использование понятий нечёткой логики позволяет изучить системы, состав которых представлен огромным множеством разнообразных объектов (Заде, 1976, с. 10).

В основе понятия нечёткого множества лежит представление о том, что составляющие данное множество элементы, обладающие общим свойством, могут обладать им в различной степени и, следовательно, принадлежать к данному множеству с различной степенью. При таком подходе высказывания типа «такой-то элемент принадлежит данному множеству» теряют смысл, поскольку необходимо указать, насколько сильно или с какой степенью конкретный элемент удовлетворяет свойствам данного множеств (Штовба, 2001). Поэтому нечёткая логика предполагает иной уровень мышления, благодаря которому творческий процесс моделирования в рамках систем происходит на наивысшем уровне абстракции.

С целью изучения таких систем в рамках нечёткой логики вводится понятие «лингвистической переменной», которая представлена не числом, а словом или словосочетанием и является менее конкретной, чем численная величина. Совокупность значений этой переменной составляет «терм-множество», способное иметь неограниченное количество элементов, каждый из которых может быть выражен в численном эквиваленте: $1 + 2 + 3 + 4 + 5 \dots 100 \dots$. Это является так называемой базовой переменной лингвистической переменной (там же).

Лингвистическая переменная может быть составной и состоять из нескольких компонентов. В книге «Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближённых решений» Л. Заде приводит пример для лингвистической переменной «Джон», которая состоит из таких компонентов, как возраст, внешность, рост и т. д. В этом случае каждый компонент будет представлен определённой базовой составляющей, значения которой располагаются в соответствующем ей интервале: «возраст» – молодой, среднего возраста, старый; «рост» – высокий, средний, низкий и т. д. В свою очередь значение каждого компонента, например «молодой» является названием некоторого нечёткого ограничения на базовую переменную, например «возраст». Смысл этого ограничения определяется функцией его совместимости (Заде, 1976, с. 14).

Понятие совместимости в нечёткой логике отлично от понятия вероятности и характеризуется тем, что все значения переменной, расположенные в промежутке от 0 до 1, в той или иной степени относятся к доминанте множества, а все выходящие за эти рамки – нет. «Любую нечёткую переменную, – пишет Заде, – можно уподобить саквяжу не с твёрдыми, а с мягкими стенками. Множество предметов, которые можно поместить в этот саквяж, является нечётким по своей природе и определяется функцией совместимости. Она ставит в соответствие каждому предмету число из интервала от 0 до 1, символизирующее степень лёгкости, с которой этот предмет можно поместить в саквяж» (там же, с. 17).

Пользуясь этой аналогией, исследователи характеризуют лингвистическую переменную как твёрдый саквяж, в который можно поместить мягкие саквяжи с ярлыками. На каждом из них будет приведено описание нечёткого ограничения на множество предметов, которые можно поместить в соответствующий мягкий саквяж (там же).

Если такой подход применить к книге, то лингвистическая переменная «книга» может характеризоваться как составная и включать в себя множество компонентов. Каждый из них будет иметь свои значения, скажем, компонент «материальный носитель» будет состоять из базовой переменной, включающей в себя значения «электронный», «нонэлектронный». В свою очередь каждый компонент базовой составляющей также может быть представлен своими значениями. Например, компонент «электронный» может быть представлен так: «имеет печатный аналог», «не имеет печатного аналога» и т. д.

Таким образом, совокупность значений базовых составляющих будет представлять нечёткое, «размытое» множество предметов, расположенных в интервале «книга – не-книга». Количество предметов, включённых в это множество, не ограничено. Чтобы его определить, необходимо найти те главные признаки, которые отличают книгу от не-книги, то есть отграничивают её от другого типа документа. Они и будут типологическими. Определение таких признаков позволит выделить книгу из документивной системы и всесторонне исследовать её с точки зрения современного коммуникационного процесса.

Возможность рассмотрения книги в качестве типа документа подтверждается исследованиями по методологии познания (Горский Д. П., 1984, Подкорытов Г. А., 1988, Баранцев Р. Г., 1983, Москвитин А. Ю., 1999), где определена моделирующая функция типологии, позволяющая выстроить группировку объектов на высоком уровне обобщения, то есть создать модель, образ того или иного понятия. Обоснование этого положения содержится и в работах по книговедению, в которых книга рассматривается в качестве научной категории, имеющей высокую степень обобщения, и выстраивается типологическая модель книги (Беловицкая А. А., Омилянчук С. П., 1979, Беловицкая А. А., 1986, Гречихин А. А., 1989).

Свойства, присущие книге как документу

Рассматривая книгу как тип документа, правомерно предположить, что, как и любой документ, она обладает свойствами, присущими документу в целом, и выполняет ту же функцию, что и документ. В трудах А. М. Иоффе, А. И. Барсука, Е. Л. Немировского, И. Е. Баренбаума, И. Г. Моргенштерна, В. Б. Ленского, А. А. Беловицкой, А. В. Соколова, Г. Н. Швецовой-Водки и других отмечено, что книга участвует в коммуникационном процессе и призвана передать ту или иную информацию во времени и пространстве. В этом плане коммуникативная или информационно-коммуникативная функция книги является универсальной и соотносится с функциональной характеристикой документа. Положения о том, что содержание книги, как и документа, закреплено в определённом материальном носителе, который может иметь и волновую природу, а информация передаётся с помощью знаков, изучены и обоснованы во многих трудах по книговедению и документологии (Е. Л. Немировский, И. Г. Моргенштерн, И. Е. Баренбаум, Ю. Н. Столяров, Г. Н. Швецова-Водка, Н. Н. Кушнарченко) и в настоящее время сомнения не вызывают.

В теории документа, разработанной Ю. Н. Столяровым, содержится также положение о том, что понятие «документ» является условным, относительным и конвенциональным. Оно выдвинуто и в трудах Г. Н. Швецовой-

Водки. Принимая во внимание многозначность термина «документ» и применяя один из фундаментальных методов философии – метод восхождения от абстрактного к конкретному, Ю. Н. Столяров полагает, что соотношение теоретического, абстрактного и практического представления о документе может быть выражено в терминах «субстанциональный документ» и «функциональный документ». В субстанциональном смысле документ – это информация, записанная на материальном носителе, способом, созданным человеком, могущая служить единицей в процессе социальной коммуникации; в функциональном смысле это материальный объект, используемый для чтения необходимой информации, то есть выполняющий функцию субстанционального документа» (Столяров, 1999, с. 55). Если такой подход применить к книге, то условность, относительность, конвенциональность как сущностные свойства документа будут присущи и ей. В этом случае можно утверждать: понятие «книга», как и понятие «документ», имеет субстанциональное и функциональное значения. Первое присуще книге как категории, отражающей главные типологические свойства всех объектов, к ней причисляемых. Второе характеризует конкретный материальный объект, в котором реализуются данные свойства, но тем не менее он отличается своеобразием.

Подтверждение этого положения содержится в работах по книговедению. Например, Е. Л. Немировский, А. А. Беловицкая, С. П. Омилянчук, А. А. Гречихин, И. Г. Моргенштерн рассматривают книгу как абстрактное понятие, высшую книговедческую категорию, выражающую общие признаки объектов, которые могут быть к ней причислены, то есть в её субстанциональном значении. И. Г. Моргенштерн в статье «Динамика и статика книги», определяя категорию стабильности содержания книги, указывает на необходимость «предварительно разделять понятия «абстрактная книга» (книга как понятие), «реальная книга», «конкретное издание книги», «экземпляр книги» (Моргенштерн, 2002, с. 151).

Такой подход позволяет устранить и противоречия в определении понятия «книга», что является одной из главных задач современного книговедения. Многие книговеды отмечали невозможность дать точное определение термина «книга», объясняя это его широкой обобщённостью. Именно поэтому некоторые дефиниции распространяются на круг предметов, выходящих за общее, традиционное представление о книге. Например: книга – «важнейшая исторически сложившаяся форма закрепления и передачи во времени и пространстве многообразной информации в виде текстового и иллюстративного материала» (Немировский, 1986); «книга – это диалектическое единство содержания (социальная информация), семиотической (язык, жанр) и материально-конструктивной формы» (Гречихин, 1989, с. 56) и т. д. Исходя из других определений, к книге можно причислить лишь книгу-кодекс: «Книга... есть интегративный результат воплощения издательско-полиграфическими средствами организованной особым способом авторской текстовой и другой информации в такую тиражируемую трехмерную (книжную) форму, которая обеспечит удобное и эффективное восприятие этой информации читателем» (Кравченко, 1984, с. 70); книга – это «произведение письменности или печати, имеющее

любую знаковую форму (идеографическую, алфавитную, нотную, цифровую), зафиксированное на любом материале (камень, глина, кожа, папирус, шелк, доска, бумага, синтетические материалы), выполняющее одновременно ряд функций (информационно-коммуникативную, идеологическую, познавательную, эстетическую, этическую и иные) и адресованное реальному или абстрактному читателю» (Баренбаум, 1999, с. 11). Взгляд на книгу как тип документа, характеризующийся относительностью, условностью и конвенциональностью, позволяет снять это противоречие. Эта позиция даёт возможность определить термин «книга» как в широком, субстанциональном, значении, так и в узком, функциональном, соответствующем конкретному семантическому процессу, в котором участвует та или иная книга.

Условия современной коммуникационной системы таковы, что определить точное отношение объекта коммуникации к книге иногда очень сложно. Согласно теории нечётких множеств, тип «книга» – это размытое множество предметов, но отдельные его объекты могут обладать лишь некоторыми сущностными свойствами книги или только одним, что может затруднить процесс типологизации. В этом случае конвенциональность понятия «книга» позволит договориться о том, какие конкретные объекты мы к ней причисляем, а какие нет. Например, можно договориться о том, что электронная книга распространяется, скажем, только на художественную литературу. Тогда появляется возможность стандартизировать термин «электронная книга», а все объекты, причисляемые к нему, классифицировать по определённым признакам.

Исходя из сказанного можно сделать вывод: книга как тип документа обладает следующими свойствами: а) закреплённостью информации на определённом носителе; б) знаковой формой; в) относительностью; г) условностью; д) конвенциональностью. Важнейшей для книги, как и для документа в целом, является функция передачи информации во времени и пространстве.

Типообразующие признаки книги

С целью определения сущностных свойств, на основе которых может быть выделен такой тип документа, как «книга», целесообразно обратиться к структуре документа, характеристика которой представлена в трудах Ю. Н. Столярова. Исходя из положения о том, что любой документ, в том числе и книга, может быть рассмотрен в соответствующей системе коммуникации с позиции его структуры, справедливо предположить следующее: отличительные свойства книги, которые могут стать основой её типологической характеристики, необходимо определять с учётом того, как они проявляются в главных её составляющих.

1. *Номинационная составляющая книги*, к которой относится её определение как типа документа. Дефиницию понятия «книга» как типа документа представляется возможным дать только после рассмотрения других элементов её структуры.

2. Анализируя *семантиционную, то есть информационную составляющую книги*, следует исходить из того, что содержание книги, какой бы сферы оно ни касалось, – это продукт духовной деятельности человека, которая определяется как «форма активного отношения человеческого сознания к окру-

жающему миру» (Философия, 2002, с. 579). Её результатом являются: «...а) новые идеи, образы, представления, ценности, воплощающиеся в философских системах, научных теориях, произведениях искусства, моральных, религиозных, правовых и иных воззрениях; б) духовные общественные связи индивидов; в) сам человек» (там же). Духовное содержание книги, согласно И. Г. Моргенштерну, является определяющим её сущность компонентом (Моргенштерн, 2002).

Однако книга – это не только продукт духовной деятельности, но и мощный фактор её развития, выполняющий функцию воздействия на интеллектуальную и эмоциональную сферу читателя. Оценивая роль книги в социокультурном развитии общества, академик А. М. Панченко назвал её «духовным руководителем», «вместилищем вечных идей» (Панченко, 1984, с. 168). Такая позиция отражена в многочисленных книговедческих исследованиях (М. Н. Куфаев, Н. М. Сикорский, Е. Л. Немировский, В. П. Ляхов, А. И. Барсук, В. И. Васильев, Б. В. Ленский, В. В. Добровольский, М. П. Ельников, Е. П. Шеметова и др.), где книга рассматривается как объект культуры и искусства, как «социальный артефакт», «аккумулятор и преобразователь знаний и культуры вообще» (Шеметова, 2010, с. 67). Таким образом, семантиционная составляющая книги как результата духовной деятельности человека тесно связана с её функциями в социуме.

На тринадцатой международной конференции по проблемам книговедения (апрель 2014 г.) было отмечено, что по своим основным функциям книга в культурном, образовательном и информационном пространстве является:

«...– источником знаний, просвещения и прогресса, базой для формирования массива национальных литератур;

– основой вхождения России в мировую цивилизацию, источником культурной жизни в настоящем и через настоящее в прошедшем и будущем;

– хранительницей высших смыслов отечественной культуры, главным её строительным материалом;

– действенным инструментом формирования новых культурных ценностей, инструментом, с помощью которого шло преобразование русской культуры;

– средством познания языка и сохранения его чистоты и национальной самобытности» (Васильев, Ленский, Воропаев, 2014, с. 14).

Такой подход позволяет разграничить книгу и другую печатную продукцию, в этом смысле книга – это тип документа, к которому уже нельзя причислить трамвайный билет, банкноты, афиши и т. д., так как эти документы существуют в отличных от книжной коммуникационных системах и выполняют другие функции.

Необходимо учесть и то, что духовная деятельность, к которой принадлежит книжная культура, заключается в передаче определённых смысловых структур. Создаваемые в ней предметы, хотя и имеют материальное выражение, выступают лишь формой и носителем нематериальной смысловой информации. В этом плане семантиционная составляющая книги как типа документа тесно связана с сущностью понятия «информация». Идеи, ставшие содержи-

ем книги, остаются в сознании человека через их образное и чувственное восприятие, которое, в свою очередь, зависит от системы социокультурных и психических обстоятельств, формирующих это восприятие. Иными словами, информация, являясь результатом «восприятия, то есть выделения сигнала из окружающей среды; его распознавания (идентификации); верификации, то есть расшифровки значения...» (Столяров, 2000, с. 59), порождает в сознании читателя определённый смысл, который человек приписывает данным на основании известных ему правил представления в них фактов, идей, сообщений. Информация не может быть выражена никак, кроме знака, поэтому смысловое содержание книги читатель постигает, воспринимая, декодируя знаки, использованные в ней для передачи информации.

Анализируя семантиционную составляющую книги, необходимо отметить и то, что в некоторых книговедческих и документологических исследованиях в качестве одного из главных признаков, характеризующих книгу как объект коммуникации, выделяется стабильность её содержания (Яновский, 1929; Немировский, 1977; Ельников, 1995). Однако даже в печатной книге это качество реализуется далеко не всегда. Например, постоянно изменяется содержание справочной литературы; в различных изданиях одной и той же книги могут иметь место изменения, касающиеся комментариев, системы иллюстраций, содержания и т. д. В статье «Динамика и статика книги» И. Г. Моргенштерн, отмечая способность книги к изменению, пишет, что идея «вечной энциклопедии», высказанная Г. Уэллсом, С. Лемом, как раз и заключается в постоянном обновлении содержания книги (Моргенштерн, 2002, с. 152). Автор также признаёт, что изменимость содержания присуща прежде всего электронной книге, и это является вполне оправданным: для того, чтобы обновить её содержание, не требуется переиздания. Однако далее, определяя условия для признания электронного документа книгой, он пишет: «...признаком электронной книги, так же как и традиционной, является стабильность её содержания и статичность знаковой формы. Электронная книга принципиально защищена от изменения её текста пользователем базы данных и доступна только для прочтения» (там же, с. 157). В части того, что книга является документом, созданным только для прочтения, с автором можно согласиться. Но признак неизменности содержания и знаковой формы книги нельзя считать типологическим, так как с его помощью не всегда можно отличить книгу от других типов документов, например, управленческих, юридических и т. д. Скажем, в содержание принятого юридического закона читатель также не может внести никакие поправки.

Таким образом, принимая во внимание условность, относительность и конвенциональность книги как типа документа, можно сделать вывод: с позиции семантиционной составляющей книга – это документ, как правило, представляющий собой не только продукт духовной деятельности, но и социальный объект, сохраняющий и преумножающий духовные и культурные ценности. В этом плане книга может быть уникальным документом, объектом культуры и искусства.

Так как информационная сущность книги связана с передачей заключённых в ней смыслов, она имеет семиотическую форму. Под термином «семиотическая форма» нами понимается не жанр или язык произведения (А. А. Гречихин), а та сигнационная (знаковая) составляющая, в виде которой может быть реализовано содержание книги.

3. *Сигнационная составляющая книги* характеризуется тем, что информация, переданная в ней, является внешней по отношению к книге. С этой позиции книгу можно характеризовать как неаутентивный документ. Однако это утверждение также является относительным. Если иметь в виду книгу, используемую для чтения, получения информации, то это действительно неаутентивный документ. Если же говорить, например, о старославянской книге, выставленной в музее, то это документ, самостоятельно передающий о себе информацию, то есть обладающий аутентивностью. Таким образом, аутентивность/неаутентивность как свойство книги является относительным и зависит от социальной системы, в которой функционирует книга.

Чтобы разграничить книгу и другие неаутентивные документы с позиции сигнационной составляющей, её необходимо рассматривать и с учетом того, что содержание книги может быть передано с помощью различных искусственных, изобретенных человеком знаков. Например, Е. Л. Немировский отмечает, что многообразная книжная информация может иметь вид текстового и иллюстративного материала, для передачи информации может использоваться «совокупность визуально воспринимаемых шрифтовых знаков или графических изображений» (Немировский, 1977, с. 5). И. Е. Баренбаум считает, что книга может иметь «любую знаковую форму (идеографическую, алфавитную, нотную, цифровую)» (Баренбаум, 1999, с. 5). А. А. Беловицкая, давая определение понятия «книга», пишет, что к ней может быть отнесено литературное, музыкальное, изобразительное произведение, существующее в форме письменного документа (Беловицкая, 2002, с. 20). Согласно этому в книге могут быть использованы как иконические, так и символные знаки.

Условия современной книжной коммуникации показывают, что в книге наряду с текстовой и иллюстративной информацией могут быть представлены видео- и аудиофайлы, мультимедийные изображения, которые относятся к иконическим знакам. Однако специфика книги как типа документа заключается в том, что её информационную основу составляют всё же знаки-символы, среди которых языковые являются «системообразующими» (Кравченко, 1985, с. 52), именно с их помощью передаётся большая часть содержания книги. Значение этих знаков для развития общества и цивилизации в целом трудно переоценить: основанные на соотношении предмета, явления, действия, признака и т. д. с устным или письменным словом, они создают абстрактный образ действительности, способствуют осознанному восприятию информации и воплощают «понятия с такой полнотой и глубиной, которая недоступна изобразительному... представлению содержания» (Червинский, Зберский, 1981, с. 17).

Не случайно в работе «Экзистенциальные графы» Ч. Пирс пишет: «Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует как образ памяти. Индекс существует в настоящем опыте. Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто определённо будет воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия. А именно, если символ окажет влияние на мысль и поведение его интерпретатора. Каждое слово есть символ. Каждое предложение – символ. Каждая книга – символ. Ценность символа в том, что он служит для придания рациональности мысли и поведению и позволяет нам предсказывать будущее» (Якобсон, 1983, с. 116). В этом смысле языковые знаки, составляя сигнационную основу книги, определяют и её функции в обществе.

На основе классификации знаков, представленной в рамках семиотики, где к знакам-символам относятся и языковые единицы устной речи (Никитина, 2006), к книге как типу документа относится и аудиокнига. В семиотике зрительные, слуховые, осязательные и обонятельные знаки выделяются параллельно с иконическими, индексными и символными и не исключают друг друга, то есть зрительные могут быть как письменными, так и иконическими, а устные – как символными, так и индексными (там же). В этом плане нельзя согласиться с утверждениями тех документологов, которые характеризуют современную книгу только как объект, имеющий письменный план выражения (Кушнарченко, 2000).

Утверждение, что книга – это тип документа, содержание которого передаётся в основном языковыми знаками-символами, соответствует большей части объектов книжной коммуникации, однако в некоторых случаях является спорным. Как быть, например, со сборником репродукций художественных полотен, содержание которого передаётся в основном иконическими знаками, а символные являются вспомогательными; можно ли причислить к книге детские издания, состоящие в основном из иллюстраций, то есть иконических знаков, и т. д.

Устранить это противоречие вновь помогает конвенциональность понятия «книга». Это свойство, как отмечает Ю. Н. Столяров (Столяров, 2007, с. 314), теснейшим образом связано с сигнационной составляющей документа. Если учесть духовную сущность таких документов, их функциональные характеристики и другие признаки, позволяющие отнести их к книгам, то договорённость о том, что они являются книгами, будет вполне обоснована и вопроса об их месте в составе книжной продукции больше не возникнет. Наоборот, можно условиться не считать книгой документ, основу которого составляет только видеоматериал: несмотря на то что видеoinформация воспринимается визуально, этот процесс не связан с абстрактным мышлением, которое является главным при восприятии символной знаковой информации.

Таким образом, с позиции сигнационной составляющей книга – это, как правило, неаутентивный документ, семиотическая форма которого организована при помощи разнообразных знаков, однако основное её содержание переда-

ётся с помощью знаков-символов. Проблема разграничения книги и не-книги с позиции знаковых систем тесно связана с понятием конвенциональности.

4. *Синтаксионная составляющая книги*, определяющая закономерности построения и оформления документа в целом, имеет два проявления. Первое реализуется через целесообразность, рациональность построения её структуры и инфраструктуры. Структуру книги организуют особенности её художественного оформления, шрифтового и иллюстративного комплексов, а также их гармоничное сочетание, принципы которого достаточно полно изучены во многих книговедческих трудах (В. П. Ляхов, В. Ф. Кравченко, М. П. Ельников, С. Г. Антонова и др.), но по отношению к печатной книге.

Так, В. Н. Ляхов определяет структуру книги как «закономерную организацию её материальных элементов и их связей, взаимоопределённых общей функцией целого» (Ляхов, 1971, с. 63). Исходя из того, что главная функция книги коммуникативная, автор рассматривает книгу в качестве целостного материально-духовного комплекса, имеющего не только планы выражения – информацию и материальные средства её передачи, но и планы восприятия: «...утилитарный (книга – приспособление для чтения, средство передачи информации) и эстетический, связанный с оценкой материальной формы книги с точки зрения идеала прекрасного» (Ляхов, 2002, с. 77).

В соответствии с этим в структуре книги автор вычленяет две принципиально различные организации: а) смысловую информацию, которая реализуется в текстовом комплексе книги как главном объекте внимания читателя; б) приспособления, обеспечивающие наиболее эффективное взаимодействие читателя с книгой (там же, с. 79). Согласно Ляхову, они реализуются как службы, в состав которых входят: а) служба смысловой организации текстового сообщения; б) служба материально-конструктивной организации книги; в) служба зрительной ориентации книги; г) служба наглядной информации; д) рекламно-пропагандистская служба (там же, с. 81). Такой подход отражён и в трудах В. Ф. Кравченко.

В соответствии со структурной характеристикой документа, содержательная, то есть смысловая часть книги как типа документа, относится к семантической составляющей. Знаковое разнообразие, с помощью которого выражен смысл, заключённый в книге: иллюстрации, схемы, рисунки, графики, формулы, аудио- и видеофайлы и т. д., – характеризует сигнационную составляющую. Поэтому к синтаксионной составляющей с позиции документологического подхода можно отнести те элементы, которые используются с целью организации всех знаков в общий текст книги. К ним, исходя из положений, выдвинутых в книговедческих исследованиях, следует отнести:

1) «аппарат зрительно-смысловой структуризации текста: пробелы, интерлиньяж, абзацные отступы, втяжки и т. д.;

2) аппарат смысловой рубрикации, к которому относятся словесные или цифровые заголовки, он «организует внимание читателя, направляет его на улавливание внутренней связи частей»» (Ляхов, 2002, с. 81);

3) аппарат смысловой акцентировки отдельных моментов в тексте, к нему относятся подчёркивания, разрядки, смены кегля, гарнитуры, цвета и т. д. Ляхов отмечает, что эти элементы книги играют роль «интонации голосового жеста в устной речи» (там же);

4) аппарат пространственной развёрстки текста сообщения и книжной конструкции, главный принцип строения которого «нарезка сообщения на отдельные равные “порции”» (там же, с. 88), удобные для зрительного восприятия: строки, полосы, страницы и т. д.;

5) аппарат зрительной ориентировки в книге, состоящий из таких элементов, как колонтитулы, колонцифры, рубрики, оглавление и т. д.

Инфраструктура определяется книговедами как обязательный элемент общей модели книги. В. Ф. Кравченко характеризует её как содержание сопровождающего текста, которое составляет вспомогательная информация, призванная передать общие сведения об издании, помочь читателю ориентироваться в нём, сообщить дополнительные сведения и т. д. (Кравченко, 1984). В. Н. Ляхов относит её к материально-конструктивной «службе» книги. Он отмечает, что в книге содержится не одно текстовое сообщение, «она состоит из “гнезда”, в котором несколько текстовых сообщений, разнохарактерных по функциям (основной текст сообщения, к нему вспомогательные и служебные тексты, далее сопровождающие издательские тексты и т. д.). Сложность состава текстовых сообщений в книге является следствием различного их назначения» (Ляхов, 2002, с. 85). Их значимость, а также соподчинённость усугубляются по отношению к книге как к конкретному изданию.

Согласно этому в инфраструктуре книги следует выделять два элемента: а) вспомогательные и служебные тексты, призванные дополнить и/или пояснить информацию, содержащуюся в основном тексте: библиографические списки, ссылки, разного рода указатели, перечни, глоссарии, содержание книги, приложения и т. д.; б) сведения об издании, которые помещаются на обороте титульного листа и служат для облегчения деятельности таких социальных институтов, как библиотеки, книготорговые и книгораспространительские, архивные и другие организации: индексы ББК, УДК, ISBN, библиографическое описание, библиографическая аннотация и т. д. Первые являются необходимым атрибутом книги, если её рассматривать в субстанциональном плане. Известно, что эти элементы использовались уже в древнерусских богослужебных книгах для удобства работы с основным текстом. Например, отсылки или указания, где можно найти предназначенный для той или иной службы отрывок текста, содержатся в одном из самых древних памятников русской книжности – «Остромировом Евангелии». В процессе эволюции книги содержание и оформление этих элементов изменялось и совершенствовалось, а в современной книге многие из этих элементов являются обязательными. Сведения об издании не являются атрибутом книги как таковой. Они могут отсутствовать, например, у книги, распространяемой через Интернет, их нет у рукописной книги и т. д. Эти сведения используются для идентификации издания, а также с целью продвижения информации о нём в социальной среде. Данные элементы обязательны для депонированной книги, несмотря на то что она не является издани-

ем. Правила их составления и организации определены государственными стандартами в области книжного дела.

Таким образом, к существенным свойствам книги можно отнести наличие тех элементов инфраструктуры книги, которые помогают работать с основным её текстом. Элементы, используемые для идентификации издания, к таким признакам не относятся.

Другим проявлением синтаксической составляющей книги являются закономерности объединения её структурных и инфраструктурных компонентов. В этом объединении гармонично сочетаются содержание книги и форма его воплощения.

Особенности использования всех элементов синтаксической составляющей книги определяются её социальным назначением и читательским адресом. Например, кегль шрифта в книге, предназначенной для детского чтения, отличается от кегля в книге для взрослых, от возрастной категории читателей зависит и количество буквенных знаков на странице, и количество иллюстраций. Необходимым атрибутом научной книги являются библиографические ссылки, в учебной литературе в качестве обязательного элемента используется глоссарий. С учётом этого определяются содержание и оформление приложений, оглавления и т. д.

На синтаксической составляющей современной книги качественно отражаются изменения, вызванные научно-техническим прогрессом. Электронный набор текста позволяет использовать неограниченное разнообразие всех элементов книги, добиваясь наиболее эффективного понимания смысла текста читателем. Однако необходимо заметить, что и синтаксическая составляющая книги тесно связана с понятием конвенциональности, так как структуру и инфраструктуру мы можем выделить не только в таком документе, как книга, но и в управленческом, законодательном и других документах, где синтаксическая составляющая также зависит от особенностей адресата (Столяров, 2007; Плешкевич, 2005). Поэтому считать издание Конституции РСФСР книгой или нет, будет зависеть от нашей договорённости.

Вопросы, касающиеся синтаксической составляющей, крайне актуальны для электронной книги. Принципы целесообразности и рациональности её построения должны быть реализованы не только в организации структуры содержания или инфраструктуры, но и в реализации гиперссылочных связей, в построениях, касающихся интерактивного характера, в выборе видео- и аудио-файлов, мультимедийных элементов и т. д. Очень важной в плане эргономичности и реализации смысловой структуры текста является проблема выбора шрифтового разнообразия электронной книги, так как ее читатель имеет возможность настраивать шрифт «под себя», а также выделять с его помощью различные части текста. Рациональность структуры электронной книги зависит и от настройки параметров страницы, и от величины электронного листа, которая связана с гипертекстовой структурой электронного формата, и от процентного соотношения различных знаковых систем, в ней используемых. Эти вопросы требуют своего решения с позиции как теоретического изучения, так и практического воплощения.

Таким образом, принимая во внимание синтаксическую составляющую, книга – это, как правило, документ, имеющий организованную структуру и инфраструктуру, характер которых напрямую зависит от её социального назначения и читательского адреса. Типологическим признаком книги является наличие в её инфраструктуре вспомогательных текстов, призванных дополнить или пояснить основное содержание книги.

5. *Прагматическая составляющая книги* проявляется в том, что она как тип документа обладает духовной, эстетической, учебной и другой ценностью. Характеризуя ценностный аспект документа в целом, Ю. Н. Столяров отмечает, что этот признак выступает в качестве важнейшего для отграничения документов от не-документов. Однако понятие ценности является относительным: то, что для одного пользователя представляет высокую ценность, другого может оставить равнодушным. Поэтому прагматическая составляющая более всего отражает связь документа и потребителя. Ценность документа, согласно автору, включает в себя понятия значимости и достоверности документа (Столяров, 2007, с. 321).

Следует отметить, что в книговедческих трудах проблема ценности книги изучается по отношению к её структуре в целом, поэтому отдельно данный компонент не выделяется. Но ценностная сущность книги рассматривается книговедами также с позиции социальной значимости. Так, А. А. Гречихин считал социальную значимость книги научной категорией, отражающей качественную избирательность социальной информации, заключённой в конкретной книге, то есть её новизну, полезность и т. д. (Гречихин, 1989, с. 130). Он характеризовал это качество как одно из основных, участвующих в типологизации книги: «Именно ценностную обусловленность книги как способа информационного общения мы считаем возможным положить в основу её систематизации на высшем, типовом уровне» (там же, с. 113). Это, отмечал автор, соответствует принципу деятельности, суть которого в том, что книга как универсальный способ духовного общения придает человеческой деятельности необходимый общественный характер. Она выступает как бы опосредствующим звеном в перераспределении информационного результата, человеческой деятельности в совокупную общественную деятельность, то есть общественное сознание (там же, с. 84).

Такой подход отражён и в трудах книговедов, где ценностная сущность книги тесно связана с понятием книжной культуры. Например, Е. П. Шеметова, подчёркивая деятельностную сущность книги, характеризует её как особый артефакт, обеспечивающий взаимодействие «как внутри субъектно-деятельностного образования “автор – издатель – читатель”, так и в окружающем социокультурном пространстве» (Шеметова, 2010, с. 67). Социальную значимость, согласно автору, книга приобретает в процессе книгоиздания и книгораспространения, так как «изменяет форму своего существования и в результате становится социальным артефактом», то есть своего рода источником культуры, системой новых ориентационных ценностей (там же, с. 68). «Путь» оценки социальной значимости книги, согласно автору, соотносится с определённой областью знаний, что позволяет наметить критерии определения недостатков и

достижений. Книга рассматривается через призму той или иной науки, затем включается в систему междисциплинарных связей, что, в конечном счёте, помогает охарактеризовать её место «во всей системе тех ценностей, на пересечении которых она находится» (там же). Понятие «книжная культура» распространяется книговедами как на содержание книги, так и на её материальное воплощение. Не случайно Шеметова связывает ценностную составляющую книги с принципом ответственности, имеющим этический смысл. «Именно принцип ответственности, – пишет она, – пронизывает собой все аспекты книжного дела и позволяет любой из них возвысить до уровня книжной культуры» (там же).

Этот аспект книги как объекта социальной коммуникации взаимосвязан с эстетической функцией, которую, согласно Г. Н. Швецово-Водке, книга выполняет в большей степени, чем любой другой документ (Швецова-Водка, 1995). Автор отмечает, что из неизданных произведений эта функция присуща лишь художественным, изобразительным и музыкальным произведениям, но любая книга-издание, в том числе и аудиальное, машиночитаемое, «должна быть выполнена по законам эстетики, законам искусства книги» (там же, с. 92). Такую же позицию занимал В. Н. Ляхов, который писал, что эстетическая функция книги является постоянным фактором, «воздействующим на весь процесс её создания» (Ляхов, 1971, с. 66).

Оригинальную точку зрения на проблему ценностной составляющей книги высказал В. П. Леонов в статье «О гравитации печатной и электронной книги». Подвергая анализу понятие гравитации по отношению к книге, автор приходит к выводу, что каждая книга имеет свою силу «притяжения» для читателя, так как отвечает не на те вопросы, которые задавал себе автор, а на те, которые волнуют конкретного читателя. Поэтому благодаря книге читатель может заглянуть в себя, делает шаг вперёд, обгоняя время, «отпущенное ему природой для жизни», «заглянув в свою душу, человек делает (благодаря книге) выбор и тем самым выступает против человеческой ограниченности» (Леонов, 2014, с. 65). Гравитацию, или «притяжение», книги Леонов считает одной из новых форм её познаваемости (это свойство он считает типологическим) и отмечает, что сила гравитации книги – это «путь, прожитый и реально пройденный книгой во времени» (там же, с. 67). Автор высказывает очень важную мысль о том, что свойство гравитации присуще как печатной, так и электронной книге. Поэтому изучать это свойство, согласно его позиции, следует через процессы чтения. В этом случае проблема ценностной составляющей книги будет решаться с учётом особенностей психологии чтения, существующих на том или ином этапе развития общества.

Отличительным признаком книги как типа документа является то, что книга имеет не только общественную ценность, но и стоимость, то есть представляет собой определённый товар. Г. Н. Швецово-Водка считает товарную функцию специфической, важнейшей для книги как частного случая документа (Швецова-Водка, 1995, с. 92). Иными словами, это свойство следует считать типобразующим. Однако в современной системе книжной коммуникации оно реализуется далеко не всегда. Например, распространение книг через Интернет может протекать путём простого «скачивания». Поэтому ценностная сущность

книги нуждается в разработке мер её защиты. Проблемы авторского права по отношению к книге стоят сейчас очень остро, особенно для издательств, работающих с книгой электронной, и нуждаются в скорейшем решении.

Следует также отметить, что социальная ценность книги может проявляться как её «нужность» в определённый момент времени. Например, сборник анекдотов с позиции социальной ценности нельзя сравнить с бессмертными произведениями классической художественной литературы, но он призван развлечь читателя, выполнить функцию релаксации, заполнить время в дороге и т. д., то есть в определённое время читатель тоже чувствует в нём необходимость. Социальная ценность таких книг проявляется «здесь и сейчас» в зависимости от потребностей читателя. Это свидетельствует о том, что прагматическая составляющая книги взаимосвязана с её субстанциональным и функциональным аспектами. В субстанциональном плане книга выполняет главную для неё коммуникационную функцию. В функциональном у каждого объекта, относящегося к книге, могут быть и другие функции. Например, Г. Н. Швецова-Водка выделяет среди них функцию преобразования общественного сознания (она присуща книгам, содержащим произведения литературы, науки, искусства), эстетическую (её чаще всего выполняют книги-издания), познавательную, культурную, мемориальную, управленческую, гедонистическую, рекреативную функции (Швецова-Водка, 2010, с. 222). От них будет зависеть и степень социальной значимости книги.

Таким образом, прагматическую составляющую книги следует рассматривать как её социальную значимость. Сила воздействия книги на читателя и на общество в целом является типобразующим свойством книги. Социальную значимость можно определить через оценку новизны, полезности, достоверности, нужности заключённой в книге информации, а также через функциональную характеристику книги. Прагматический аспект книги глубоко взаимосвязан с её материальной составляющей как типа документа. В этом плане типобразующим свойством книги является и её способность быть объектом товарно-денежных отношений, материальным объектом хранения, выдачи, имеющим финансовое выражение.

б. Изучение *темпоральной составляющей книги* является актуальной задачей для современного книговедения, так как определить движение книги в пространственно-временном континууме – значит четко разграничить понятия «книга», «произведение», «издание». В современном книговедении это весьма важная проблема, которая решается далеко не однозначно.

Книговеды традиционно определяют произведение как авторский экземпляр (вариант) будущего издания, который, чтобы стать таковым, должен пройти редакционно-издательскую подготовку. В ГОСТе 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения» дана следующая дефиниция понятия «издание»: это «документ, предназначенный для распространения содержащейся в нём информации, прошедший редакционно-издательскую обработку, самостоятельно оформленный, имеющий выходные сведения» (ГОСТ 7.60–2003, 2009, с. 122). В связи с этим возникает вопрос, книга – это произведение, написанное автором, или издание? Многие книговеды считают, что подлинной

книгой можно назвать только изданное произведение (А. И. Барсук, В. Ф. Кравченко, И. Г. Моргенштерн, А. Я. Черняк и др.). Однако в этом случае к книге нельзя причислить, например, её рукописные варианты, аудиокнигу или произведение в авторской редакции, обнародованное через Интернет.

Против отождествления книги и книжного издания выступал А. А. Гречихин. Он исходил из того, что в любой книге заключено информационное сообщение, и ссылаясь на Ю. С. Зубова, который выделил следующие уровни «информационного общения между людьми»: а) уровень дискретной информации; б) уровень литературы – совокупность информационных сообщений; в) уровень массовой коммуникации, или информационного общения, он тесно связан с печатью, а его сущность проявляется в способности создавать единые ансамбли сообщений и произведений (Зубов, 1979). Согласно этому книгой Гречихин считал документы второго и третьего уровня. Произведение, документ, издание он характеризовал как основные исторические типы книги (Гречихин, 1989, с. 99).

Г. Н. Швецова-Водка также отмечает необходимость разграничения основных категорий книги. Автор относит к ним произведение, литературное произведение, произведение печати, издание и литературу (Швецова-Водка, 1983). Она отмечает, что издание – это единица издательской продукции, разновидностью которой является печатная книга. Оно может состоять из одного или нескольких произведений. Произведения же – «литературные, изобразительные, идеографические, сигнально-графические – могут существовать как в печатной, так и в непечатной (допечатной) форме». Их совокупность больше, чем совокупность изданий (там же, с. 50). Если учесть, что произведение является основной категорией книги, в нём заключается её содержание, то можно сделать вывод, что неизданное, то есть не прошедшее редакционно-издательскую обработку произведение автор характеризует как книгу. Такой подход отражён и в трудах по информатике, где книга характеризуется как «любое печатное или рукописное воспроизведение текста или графических изображений» (Михайлов, Чёрный, Гиляревский, 1976, с. 205).

Исходя из этого, вновь возникает необходимость выделить в понятии «книга» субстанциональный и функциональный аспекты. В функциональном плане книгой можно назвать как конкретное неизданное произведение, так и конкретное издание. Однако для того, чтобы произведение выполнило главную функцию, присущую книге, оно должно быть опубликовано, в противном случае о нём никто не будет знать, кроме автора.

«Публикацией, – пишет Ю. Н. Столяров, – именуют документ, доступный для безадресного массового пользователя. Опубликование или выпуск в свет считается частным случаем обнародования» (Столяров, 2007, с. 319). Публикация документа не предполагает обязательную редакционно-издательскую обработку и наличие у документа выходных сведений, в то время как издание – это документ, предназначенный для распространения содержащейся в нём информации, прошедший редакционно-издательскую обработку,

самостоятельно оформленный, имеющий выходные сведения. Таким образом, издание следует отличать от публикации. Такой вывод можно сделать и по отношению к книге как типу документа.

В функциональном плане изданная книга независимо от материального носителя включает в себя авторское произведение, прошедшее редакционно-издательскую обработку, которая осуществлялась посредником (издательством) и имеет выходные сведения. Опубликованная, но неизданная книга может быть обнародована в авторской редакции и не иметь выходных сведений как таковых. Подтверждение этому мы находим в работах Г. Н. Швецовы-Водки, которая пишет: «...Книга, по своему существу, является документом опубликованным, независимо от формы опубликования (издание или депонирование), свойств материального носителя, знаковой системы выражения информации, канала её восприятия» (Швецова-Водка, 1995, с. 86). Такой подход позволяет причислить к книге не только печатный, но и электронный вариант произведения, распространяемый, например, в Сети, рукописный, депонированный, так как его обнародование происходит с помощью аннотирования или реферирования и т. д. Отсюда, определяя темпоральную составляющую книги, можно сделать вывод: в пространственно-временном континууме книга, как правило, существует в качестве опубликованного, то есть обнародованного документа.

В соответствии с темпоральной составляющей книга в функциональном значении может существовать как первичный или вторичный документ. Первичным является авторское произведение, опубликованное впервые, первое издание какого-либо авторского произведения и т. д. Вторичным документом по отношению к книге может быть названо переизданное произведение, произведение, опубликованное вторично, электронная копия печатного произведения и т. д. С точки зрения темпоральной составляющей книга в функциональном аспекте может быть представлена как синхронный и диахронный документ. По Ю. Н. Столярову, диахронным документом является, например, печатная книга: она существует безотносительно к моменту её воспроизведения. Экранную реализацию книги принято характеризовать как синхронный документ, так как его существование на дисплее компьютера совпадает со временем воспроизведения (Столяров, 2007).

Таким образом, с точки зрения темпоральной составляющей книга – это, как правило, опубликованный (обнародованный) документ, существующий во времени и пространстве в виде авторского произведения и издания.

7. Материальная составляющая книги, как и любого документа, имеет отношение к носителю информации. Как известно, эволюция книги в процессе исторического развития общества шла по пути смены материального носителя. Эта проблема являлась самой обсуждаемой в начале 2000-х годов, так как именно в её контексте решался вопрос о судьбе печатной книги. Появление электронных носителей информации и новых информационных технологий вызвало к жизни термин «информационная революция», который до сих пор употребляется для обозначения научно-технических процессов, связанных с информатизацией всего общества. Однако в настоящее время в научном сообществе отношение к этому термину является неоднозначным. Описание общественных

процессов как «революций» некоторым учёным кажется односторонним. Так, А. Грунвальд отмечает, что термин «революция» предполагает внезапный переход в новую социальную действительность и может быть употреблен в отношении политических изменений, однако социальные изменения скорее носят эволюционный характер. «Техническим инновациям, – пишет автор, – требуется время для того, чтобы они приобрели общенациональный масштаб и привели к реальным переменам в жизни всего общества» (Грунвальд, 2001, с. 58). Аналогичную точку зрения высказывают шведские учёные А. Бард и Я. Зодерквист, которые отмечают: «Революционность любой технологии становится явной по завершении инкубационного периода. Последствия изобретения печатного станка стали очевидны лишь 300 лет спустя, когда это привело к драматической перетряске основ социального устройства и к появлению новой парадигмы: капитализма» (Бард, Зодерквист, 2004, с. 31). М. Маклюэн в книге «Галактика Гутенберга» также говорит об эволюции информационно-коммуникационной системы, которая определяет социально-исторический путь развития общества (Маклюэн, 2004).

Среди отечественных учёных такую позицию занимают Р. С. Гиляревский, Ю. Н. Столяров, И. Г. Моргенштерн, В. П. Леонов и др. К примеру, отмечается, что каждый вид документа, определяемый носителем информации, однажды возникнув, продолжает существовать до тех пор, пока имеет хотя бы одно преимущество по сравнению с другими, то есть большинство видов носителей информации успешно сосуществуют друг с другом. Поэтому термины «информационная революция», «революция в смене информационных технологий» являются «нестрогими», так как предполагают скачок в развитии общества, природы или познания (Столяров, 2010, с. 287). В случае с изменением информационных технологий автор предлагает использовать термин «фуркация», так как при фуркации (лат. *furkatus* – разделённый) предполагается сосуществование членов деления. Документские фуркации, согласно Столярову, являются движущей силой цивилизационного процесса. Он выделяет пять таких фуркаций, последняя из них была связана с появлением электронных средств коммуникации и привела к появлению ещё одной разновидности человека – *Homo Informaticus* (человека информационного) (там же, с. 287). Из этого следует, что появление нового носителя информации не уничтожает созданные ранее, а лишь способствует возникновению новых коммуникационных средств. Вот почему вопрос о судьбе печатной книги в современном книговедении решается уже более взвешенно. В настоящее время многие книговеды (Р. С. Гиляревский, И. Г. Моргенштерн, С. Н. Лютов и др.) отмечают, что распространение электронной книги вовсе не означает исчезновение печатной, тем более что большинство читателей и сегодня предпочитают традиционную книгу электронной. Несмотря на стремительное распространение в обществе и определённые преимущества, электронная книга может заменить печатную в каких-то сегментах книжного рынка, но не вытеснит её повсеместно.

Исходя из положения о том, что материальный носитель информации распадается, как минимум, на два компонента: материал основы записи и вещество записи (Столяров, 2003), материальную составляющую книги как типа до-

кумента следует рассматривать в этих двух аспектах. Однако на протяжении многих веков эволюционировали не только основа и вещество записи, но и способ записи информации, содержащейся в книге. Учитывая современное состояние развития технических средств, можно говорить о волновом, то есть энергетическом способе записи информации. Именно он используется для передачи информации, которая содержится в электронных книгах, существующих в Интернете. При этом изначально информация обязательно должна быть записана на материальном носителе, «зафиксирована в жёсткой памяти компьютера и перекодирована в человековоспринимаемую» (там же, с. 34). Рассматривая материальную составляющую книги в контексте развития технических средств информации, следует отметить, что основа и вещество записи могут быть любыми, ограничения в этом нет, однако они должны соответствовать друг другу, в противном случае записать, передать или сохранить информацию будет невозможно. Например, по отношению к электронной книге носителем информации может быть съёмный накопитель, жёсткий диск и т. д. Содержание печатной книги может быть передано на бумаге, коже, полимерных материалах и т. д. Материалом записи могут быть чернила, типографская краска, для электронной книги – «преобразованное тем или иным способом вещество материала носителя» (Виноградова, 2014, с. 67).

Проблема выбора основы и вещества записи книги решается в зависимости от её целевого назначения и читательского адреса. Принимая во внимание динамику развития научного знания в современном мире, для учебной книги удобнее выбирать волновую, то есть энергетическую основу, так как в этом случае гораздо легче внести изменения в её содержание: переиздания книги не требуется. Это положение может быть отнесено и к справочной литературе. Однако если целевое назначение книги связано с её реализацией как произведения искусства, то в этом отношении непревзойдённой является книга, выполненная на хорошей, высококаландрированной бумаге, имеющая красивый переплёт, и т. д.

Таким образом, материальная составляющая книги как типа документа может быть самой разнообразной и зависит в основном от целевого назначения и читательского адреса книги. Этот вывод позволяет отнести к книге и ту информационную продукцию, материальная основа и вещество записи которой ещё будут когда-нибудь изобретены.

Из всего сказанного можно вывести главные *типологические признаки книги*. К ним относятся следующие:

1) книга – это тип документа, главными свойствами которого являются относительность, условность и конвенциональность, проявляющиеся в характеристике всех элементов системы книги;

2) это документ, выраженный в объективной форме, переданный в (на) любом материальном носителе, выбор которого определяется его целевым назначением и читательским адресом;

3) это документ, как правило представляющий собой, с одной стороны, продукт духовной деятельности, с другой – хранилище духовных и культурных ценностей;

4) это документ, как правило имеющий социальную значимость, степень которой определяется функциональным аспектом книги;

5) это документ, являющийся материальным объектом хранения, выдачи, имеющий финансовое выражение;

6) это, как правило, неаутентивный документ, содержание которого представлено в семиотической форме с помощью искусственно созданных знаков, основу которых в большинстве случаев составляют знаки-символы;

7) это документ, имеющий организованную структуру и инфраструктуру, характер которых, а также закономерности их взаимосвязи напрямую зависят от его социального назначения и читательского адреса;

8) это опубликованный документ, существующий во времени и пространстве в виде авторского произведения и/или издания.

Объединяя самые существенные типологические свойства книги, можно вернуться к номинационной составляющей книги, то есть вывести её определение как типа документа.

Книга – это неаутентивный опубликованный документ, имеющий организованную структуру и инфраструктуру, представленный в объективной форме в (на) любом материальном носителе. Его содержание имеет семиотический характер, преимущественно выраженный знаками-символами. Книга является продуктом духовного творчества человека и содержит в себе ценную общественную информацию. В пространственно-временном континууме она существует в виде авторского произведения и издания.

Следует отметить, что это определение не претендует на абсолютную точность и универсальность. Но нельзя не согласиться и с тем, что попытки дать точную дефиницию книги, предпринимаемые в рамках методологии книговедения, не привели к ожидаемому результату. Причина этого в относительном, условном, конвенциональном характере понятия «книга». Поэтому об отношении того или иного коммуникационного объекта к книге членам научного сообщества необходимо договариваться.

Подводя итог сказанному, подчеркнём, что изложенная позиция является дискуссионной и требует обсуждения, однако она кажется разумной, так как позволяет рассмотреть понятие «книга» как в субстанциональном, так и в функциональном значениях. Такой подход не отрицает и духовного значения книги в развитии общества, он вполне позволяет изучить её в рамках культурологической или феноменологической концепций. Но в этом случае возникает возможность всесторонне исследовать те объекты коммуникации, которые причисляются к книге в современном обществе.

1.2. Современные формы представления документов в фондах библиотек как новые источники изучения книжного дела

Сохранение документного культурного наследия и обеспечение широкого доступа к нему в условиях информационного общества являются важнейшей задачей современности. Эта проблема становится сегодня одной из центральных для всех структур системы социальных коммуникаций и в первую очередь библиотек как крупнейших фондодержателей уникальных документных собраний.

В настоящее время в региональных библиотеках исследователь книжной культуры Вятского региона найдёт большое количество уже имеющихся трудов по истории местной книги. Известный вятский краевед Е. Петряев еще в 1972 году очертил задачи, которые стояли перед местными исследователями: «Вятское краеведение имеет древние традиции и немалые достижения. Но культурное прошлое края известно пока лишь в самых общих чертах. Еще слабее изучены такие стороны местной жизни, как развитие просвещения и науки, литературных и художественных связей, накопления книжных богатств и произведений искусства. Поэтому немало достойных имен и славных дел остаются неизвестными для истории культуры...» (Петряев, 1972, с. 15). Эти слова в целом справедливы и для настоящего момента. Чаще всего исследователи обращают внимание на разработку таких направлений, как особенности развития образования, культурного развития региона (Помелова, 2005), изменения административного аппарата Вятской губернии, работы чиновничества (Мерзлякова, 1997).

За некоторыми более ранними исключениями серьезное изучение вятской книжности началось во второй половине XIX века. Работа велась небольшой группой любителей вятской старины. Центральной фигурой в этом деле являлся А. С. Верещагин, благодаря которому в начале XX века была основана Вятская ученая архивная комиссия (Макарихин, 1994, с. 3–7). Верещагину принадлежит большинство источниковедческих работ о ранних памятниках вятской письменности, особенно о вятских исторических сочинениях. Он настойчиво разыскивал рукописи в местных библиотеках и у частных лиц. Исследованию выявленных им памятников мешали пробелы в вятских собраниях справочной литературы. Кроме того, краевед не всегда мог должным образом изучать вятский материал в центральных хранилищах, так как время его работы там было ограничено. Тем не менее благодаря Верещагину и другим местным учёным значительное количество важнейших исторических источников о вятской истории до 1917 года было опубликовано и тщательно исследовано (Чудова, 1993).

Традиции изучения местной культуры, заложенные в дореволюционное время, были практически уничтожены в советский период. «Местные книжные собрания были распроданы или разукомплектованы. Антирелигиозная политика большевиков привела к исчезновению не только книг, хранившихся в церковных библиотеках, но и самих библиотек» (Уо, 2003, с. 18–22). Серьезная работа по изучению вятской книжности возобновилась только в 50-х годах XX века.

Для изучения книжной культуры Вятки много сделали археографические экспедиции, организованные Академией наук СССР (Бубнов, 1973, с. 465–484), Уральским государственным университетом и другими центральными академическими учреждениями. Они работали в Кировской области с 1953 года по 1970-е годы. Их участники составляли обзоры коллекций редких книг и рукописей в местных библиотеках, приобретали книги у частных владельцев. Объектом собирания и изучения были издания и рукописи преимущественно XVI–XIX веков.

Современный американский ученый Д. К. Уо заинтересовался Вятскими рукописями XVII–XVIII веков. В одной из своих работ «Вятка и “несовременность” в русской культуре петровского времени» (Уо, 2003) он изложил результаты исследования «Анатолиевского сборника» с точки зрения кодикологии и текстологии. Сборник был составлен в начале XVIII века в г. Хлынове (с 1781 года – Вятка). Среди прочего исследователь пришел к выводу о необходимости более подробного изучения региональной истории, в частности книжной культуры Вятского региона.

В последние годы изучением дореволюционной Вятки активно занимается кировский историк А. Г. Мосин. Его работы посвящены систематизации материала о церковных библиотеках Вятки, определению местонахождения вятских книг в разных собраниях (Мосин, 1986).

Большой вклад в изучение печати Вятской губернии XIX – начала XX века внёс А. А. Вахрушев. В область его научных интересов входят такие вопросы, как история библиотечного дела региона в XIX веке, значение библиотек в развитии культурного уровня провинциального читателя (Вахрушев, 1994).

Эти же вопросы рассмотрены в кандидатской диссертации Н. Г. Валеевой «Земское библиотечное дело в уездах Вятской губернии. 1867–1917» (Валеева, 2002). В докторской диссертации исследователь продолжает изучение выбранной темы, а также раскрывает основные вопросы книгоиздания: «Библиотечная и издательская деятельность земств Казанской и Вятской губернии: 1865–1917 гг.» Н. Г. Валеева реконструирует «книгоиздательскую программу Вятского земства, явившуюся результатом библиотечной деятельности и вобравшую исторический опыт издателей-просветителей начала – середины XIX века, Московского и Санкт-Петербургского комитетов грамотности» (Валеева, 2006, с. 25).

К исследованиям второй половины XX века относится работа местного историка Ю. Г. Карачарова. В ней он рассматривал формы и методы руководства местной печатью в годы Великой Отечественной войны, основные печатные органы, принципы работы в условиях военного времени (Карачаров, 1974). Характеризуя местную периодику и отчасти читательскую аудиторию, исследователь не касался вопросов развития книжной культуры региона.

В единственном издании, полностью посвящённом книжному делу в Кировской области – «Из истории книгоиздательского дела в Кировской области», Г. С. Черняховского и В. В. Заболотского, рассматривается история местного книгоиздания от истоков до 1964 года. Авторы выполнили важную задачу. Они кратко обозначили основные вехи истории книжной культуры региона. О дея-

тельности таких значимых местных издательств, как Вятское паевое товарищество «Труженик» и Кировское областное издательство, дана минимальная информация. Эти сведения скорее обозначают наличие и функционирование издательств в принципе, нежели подробно характеризуют их деятельность. В рамках своих задач авторы не уделили внимания таким составляющим книжной культуры региона, как традиции книгоиздания, работа полиграфических предприятий, книжная торговля, библиотечное дело и читатель.

По следам изданной книги в местной газете «Кировская правда» была опубликована статья «Книгопечатание в нашей области» (Черняховский, Заболотский, 1964, с. 3), приуроченная к 400-летию русской печатной книги. Это материал обзорного характера, в котором вкратце раскрываются основные вехи работы издательств региона. Следует признать, что никаких новых сведений к предыдущему изданию этих авторов статья не добавляет.

Местный краевед А. В. Сергеев занимается изучением читательских интересов вятчан в XIX–XX веках.

В кандидатской диссертации «Культурное развитие в Вятской губернии в 1917–1920 гг.» исследователь Ю. А. Борчина рассматривает культурно-просветительскую работу органов образования среди разных категорий населения региона. Она уделяет большое внимание деятельности Народного комиссариата просвещения и его структурных подразделений на местах.

Отдельные сведения, проливающие свет на некоторые стороны книжной культуры региона, встречаются в ряде изданий, выпущенных областной научной библиотекой имени А. И. Герцена. Так, в путеводителе по книжно-иллюстративной выставке «Вятка. 1930-е годы» кратко упоминается о работе Кировского областного издательства, магазина Когиза в областном центре, даются некоторые сведения о читательских предпочтениях и работе областной библиотеки.

Благодаря постоянному интересу, большой работе и многочисленным публикациям сотрудников областной научной библиотеки имени А. И. Герцена, её история на сегодняшний день изучена довольно тщательно. В этом направлении много сделала Г. Ф. Чудова – кировский библиограф-краевед. Ею был составлен генеральный краеведческий каталог «Летопись Кировской области», подготовлено большое количество библиографических указателей. Кроме того, Чудова была автором серии биобиблиографий о выдающихся людях Вятской губернии и Кировской области. Она координировала деятельность различных краеведческих организаций области и трудилась над разработкой теоретических вопросов библиотечного краеведения. Большой интерес для исследователей представляют неизданные труды Чудовой, хранящиеся в фонде документальных источников (фонд «Д»). Именно в её исследованиях отражается не только история Кировской областной универсальной научной библиотеки им. А. И. Герцена, но и вся библиотечная сеть региона в 1930-е годы и в годы Великой Отечественной войны (Чудова, 1947). Итогом всей её деятельности по изучению истории вятского краеведческого движения стала книга «В те далекие годы».

В многотомном издании «Энциклопедия земли Вятской», авторами которого являются местные авторитетные историки и краеведы, показаны опорные факты и даты для исследования книжной культуры Вятского региона.

Ряд историко-географических особенностей, которые оказали заметное влияние на местное книгоиздание на современном этапе, описан Е. М. Дроговым (Дрогов, 2010а, б).

Большое количество работ, посвящённых изучению книжной культуры, хранится в КОУНБ имени А. И. Герцена. В настоящее время они доступны для читателей только в печатном виде, за исключением исследовательских материалов, опубликованных в альманахе «Герценка: Вятские записки». Это издание выставляется в электронном виде на сайте библиотеки в свободном доступе. Фонды областной библиотеки богаты не только историографическими материалами по краеведению, но и большим массивом источников, которые представляют большую ценность для исследователей региональной книжной культуры. Источники представлены широким видовым спектром. Материалы можно разделить на опубликованные и неопубликованные. К первой группе относятся законодательные и актовые материалы, библиографические пособия, статистические источники, материалы периодической печати, источники личного происхождения (мемуары, эпистолярные материалы), фотодокументы.

Документальную основу изучения книжной культуры Вятского региона обеспечивают нормативно-правовые, делопроизводственные материалы. Приказы, уставы, инструкции, договоры и иные подобные материалы законодательно определяют развитие книгоиздательского дела, работы полиграфического комплекса, библиотечной сети. Точные даты открытия издательств, типографий, библиотек, их официальное название, имена руководителей и сотрудников, даты вступления в должность и другие сведения имеют принципиальное значение для обеспечения достоверности исторического исследования. Некоторую часть перечисленных источников удалось выявить благодаря работе по реконструкции репертуара печати Вятского региона 1917–1945 годов (Репертуар, 2014; Русских, 2014). Важную часть источникового комплекса составляют организационно-распорядительные документы: протоколы, отчёты, ведомственная переписка и другие делопроизводственные материалы. В них отражаются сведения, которые часто не упомянуты в других источниках. Полнее всего в них представлена история книгоиздательств и полиграфических предприятий Вятского региона: условия их работы, состояние оборудования, качество работы сотрудников. Ценность организационных документов состоит также в том, что они позволяют проследить заданный руководством вектор развития издательств и типографий, их основные цели и задачи деятельности.

Из библиографических пособий, послуживших источниками для данного исследования, важно отметить библиографические издания КОУНБ им. А. И. Герцена. Они содержат сведения по истории практической деятельности как отдельных личностей (деятели книжной культуры Вятского региона), так и по функционированию издательств, типографий, всей библиотечной сети. Особая значимость библиографических пособий заключается в том, что

в них аккумулируется основной массив данных по реконструкции репертуара Вятского региона.

Проследить динамику развития книжной культуры позволяют статистические источники. Это результаты переписей населения, а также результаты Всероссийской переписи работников полиграфического производства. Конечно, нельзя считать эти источники абсолютно точными и достоверными, так как по ряду причин в подобного рода документах допускались ошибки. Часто сведения в них неоднородны: первичные документы заполнялись от руки разными людьми не всегда чётким и понятным почерком. Тем не менее, при известной степени погрешности, они позволяют составить представление о кадровом составе полиграфической промышленности и книготорговых организаций, выявить уровень образования сотрудников, их стаж работы, возраст, а также ряд других уникальных сведений, которые до настоящего момента не были известны.

Одним из важнейших источников для осмысления особенностей развития книжной культуры является периодическая печать. Среди изданий общей периодики следует отметить «Вятскую правду», «Известия Вятского губисполкома», «Блокнот агитатора», «Кировскую правду». На страницах газет печатались как отчёты, так и выступления руководителей или работников предприятий книжного дела, приуроченные к различным праздникам или круглым датам. В рубрике «Книжная полка» «Вятской правды» нередко приводились сведения о только что вышедших из печати изданиях или о новых поступлениях в книжных магазинах, а также об открытии новых торговых точек.

Из специальной периодики следует отметить газету-многотиражку «Вятский полиграфист», которую выпускали рабочие Вятской типографии. Она является одним из немногочисленных источников изучения развития полиграфической промышленности региона в 1930-е годы. На страницах газеты освещались вопросы организации труда полиграфистов, производственные и финансовые планы и призывы к их досрочному выполнению. Большую ценность для характеристики квалификации кадров представляют статьи о передовиках производства и самодеятельных изобретателях – работниках, которые предлагали способы оптимизации производственных процессов и усовершенствования работы печатного оборудования.

Источники личного происхождения представлены прежде всего мемуарами работников КОУНБ им. А. И. Герцена. Материалы этой группы в известной степени субъективны. Однако часто они содержат такие факты о книжной культуре региона, которые не отражаются в других видах источников. Особую ценность для исследования работы библиотек и характеристики читательской аудитории Вятского региона представляют неопубликованные воспоминания директора Кировской областной библиотеки им. А. И. Герцена К. М. Войханской. Они хранятся в фонде документальных источников краеведческого отдела КОУНБ им. А. И. Герцена. Особенности работы библиотекарей в госпиталях отражены в воспоминаниях Н. М. Пантелеевой. Документы воен-

ного времени очень эмоциональны, в них выражается стремление людей к самоотверженному выполнению своих обязанностей. Материалы содержат подробные характеристики читателей, их предпочтений, показывают большую потребность населения в книге, несмотря на трудности и лишения военного времени.

Особую значимость для исследователей представляют эпистолярные источники – письма читателей, опубликованные в газетах, а также найденные нами в архивных документах 20 писем читателей и читательских отзывов (О детской литературе...). Это ценнейший исторический материал. Именно эпистолярные источники передают неприкрытые эмоции, атмосферу того времени, в котором они были созданы. Самое же главное – именно они важны в плане анализа востребованности или, наоборот, невостребованности той или иной печатной продукции. Для объективной оценки книжной культуры региона письма читателей являются незаменимым источником, в котором находит отражение степень удовлетворения потребностей в книжной продукции. Изучение писем читателей позволяет понять «степень осознания роли книги» (Добровольский, 2004, с. 47), индивидуальную и групповую культуру чтения.

Ещё одним источником, благодаря в которому можно найти сведения о большом массиве изданий, является карточный каталог местной печати по годам, хранящийся в краеведческом отделе Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена. Информационное, научное, общекультурное значение сбора и сохранения изданий, выпускающихся на территории региона, понималось ещё до революции. Для этой цели в 1909 году в КОУНБ им. А. И. Герцена был создан отдел местного края, а из основного фонда выделены фонд краеведческой литературы и местной печати. С 1919 года отдел стал получать местный обязательный экземпляр. В 1984 году был организован краеведческий отдел, в котором хранятся депозитарный фонд краеведческих изданий и коллекция местной печати. На сегодняшний день в объединённом фонде насчитывается более 75 тыс. экз.

Это делает особенно актуальным вопрос о современных видах и типах документальных источников по изучению книжного дела, а также о современных формах представления документальных фондов библиотек.

В настоящее время, в связи с усложнением информационной среды, возникло много новых видов и типов информации и её носителей, которые уже сейчас накапливаются в библиотеках. Речь идёт как об электронной информации, созданной самими учреждениями культуры (библиотеками, архивами, музеями и другими институтами) в результате оцифровки своих фондов, создания баз данных и каталогов, подготовки электронных изданий, так и об исключительно виртуальной, зарождающейся и существующей только в Интернете. Например, сайты библиотек, форумы, которые иницируются библиотеками, веб-страницы в социальных сетях и т. д.

Электронная информация включает в себя ресурсы, появившиеся в результате оцифровки материалов на традиционных (карты, фотографии, бумаж-

ные издания) и аналоговых носителях (аудиозаписи на магнитных лентах, грампластинки, фильмы на пленке), а также сразу созданные в цифровом виде. Это тексты статические, движущиеся и трёхмерные изображения, аудио- и видеофайлы, базы данных, электронные каталоги, программы, электронные издания на оптических дисках, электронные книги, аудиокниги, произведения медиаискусства, веб-страницы, порталы, сайты, блоги, форумы, чаты, видеоконференции, электронная переписка и т. д., существующие в самых различных форматах. При этом новые формы электронной информации появляются постоянно.

В «докомпьютерную» эпоху основными производителями информации по истории книжного дела были крупные государственные, частные структуры, научные учреждения, издательства. В настоящее время количество производителей и хранителей информации увеличилось за счёт появления контент-провайдеров, электронных издательств, электронных СМИ, электронных структур, которые занимаются продажей электронного контента, частных лиц, использующих компьютер и Интернет. Можно констатировать следующий факт: количество производителей и хранителей информации на современном этапе стало практически необозримым.

Библиотечные фонды по отношению к подходам по их оцифровке условно разбиваются на 3 категории.

I категория – «Раритеты»: книжные памятники (до 1830 года), особо ценные и редкие книги, рукописи. Это издания, соответствующие определению «книжные памятники»: рукописные книги или печатные издания, которые обладают выдающейся духовной, материальной ценностью, имеют особое историческое, научное, культурное значение и в отношении которых установлен особый режим учёта, хранения и использования. (ст. 1 Федерального закона № 78-ФЗ «О библиотечном деле»). В эту категорию также включаются все рукописи и печатные издания, созданные до 1830 года.

II категория – «Художественно-культурные ценности и социально значимые издания»: издания, представляющие особую художественную и культурную ценность, содержащие авторские иллюстрации и рисунки, а также издания, имеющие большую социальную значимость.

III категория – «Информационно значимые издания»: тиражная литература, которая представляет ценность только как информация, а не как оригинальное издание. В данную категорию помимо книжных изданий могут быть включены периодические издания.

В качестве основных форматов представления цифровых образов отсканированных материалов обычно используются TIFF, JPEG и PDF.

Формат представления оцифрованных материалов

Название формата и цель использования	Программы, которые могут открывать файлы	Метод сжатия
TIFF (Tagged Image File Format) для мастер-копий	Большинство растровых редакторов и настольных издательских систем; векторные редакторы, поддерживающие растровые объекты	Сжатие LZW (без потери качества)
JPEG (Joint Photographic Experts Group) для пользовательских и просмотрových копий	Большинство графических программ, интернет-браузеры	Степень сжатия с сохранением 80% качества исходного файла
PDF (Portable Document Format) для пользовательских и просмотрových копий	Межплатформенный формат файла, переносимый на компьютеры любых систем. Для просмотра файла нужна программа Acrobat Reader или аналог, в том числе плагин браузера	Оптимизация для WEB, сжатие JPEG до 50%, понижение разрешения до 150 DPI

Для I и II категории фондов каждый экземпляр цифровой копии библиотечных материалов представляется в трёх вариантах.

1) Файлы мастер-копии в виде набора цифровых образов в формате TIFF (LZW compressed). Мастер-копия представляет собой электронную копию документа, предназначенную для воссоздания максимально точной бумажной копии документа. Эта копия содержит максимально возможное количество информации. Она используется для восстановления объекта в случае его утраты, для полиграфических целей, для некоторых видов исследований и как основа для изготовления других цифровых копий, включаемых в пользовательские и просмотровые массивы. К файлам, содержащим мастер-копии, не применяются алгоритмы сжатия с потерями. Данные копии предполагается размещать на носителях с длительным временем существования. В целях охраны авторских прав доступ к копиям данного типа ограничен, а пользователям они предоставляются только в особых случаях.

2) Файлы пользовательской копии в виде набора цифровых образов в формате JPEG с сохранением 80% качества при сжатии. Пользовательская копия представляет собой электронную копию документа, оптимизированную для

максимально удобного просмотра на локальном компьютере. Эта копия изготавливается из мастер-копии для ценных и редких объектов или путём прямой оцифровки для тиражных изданий. Она предназначена в основном для предоставления пользователям в электронных читальных залах библиотек. Допускается применение алгоритмов сжатия с потерями, но при этом должна сохраняться читабельность текста и возможность различения деталей графических элементов. Объём файла должен соответствовать пропускной способности внутренней компьютерной сети (изображение должно загружаться не более 3–5 секунд).

3) Файл просмотровой копии в виде единого многостраничного цифрового документа в формате PDF с распознанной автоматически подложкой для возможности контекстного поиска. Просмотровая копия представляет собой электронную копию документа, оптимизированную для просмотра с помощью удалённого доступа с использованием интернет-технологий. Эта копия изготавливается из пользовательской копии. Она предназначена для выставления на web-сайте и для предварительного просмотра при поиске по локальной компьютерной сети, в том числе для предоставления пользователям в электронных читальных залах библиотек. Допускается применение алгоритмов сжатия с потерями, уменьшение разрешения графического образа, внедрение в документ дополнительных данных (например, водяных знаков). Ограничения по объёму файла должны быть согласованы со скоростью передачи данных в Интернет.

Для III категории фондов состав цифровой копии включает файлы только пользовательской и просмотровой копии с параметрами, указанными выше.

С последней четверти XX века печатные и электронные документы начали соседствовать в библиотеках. Документы в электронном формате дополнили прежние ресурсы, компьютерные коммуникации трансформировали многие технологические процессы. В частности, в библиотеках начали создаваться электронные каталоги, базы данных. В настоящее время компьютерные технологии проникают и в сферу обслуживания читателей. Исследователи связывают эти процессы с развитием информационно-коммуникационных технологий, с их проникновением в широкие слои населения (Гриханов, 2011, с. 67). В этих условиях библиотеки вынуждены подстраиваться под спрос потребителей информации.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона РФ «Об обязательном экземпляре документов» за библиотеками страны были закреплены зоны ответственности по формированию фонда Национальной электронной библиотеки (НЭБ):

- национальные библиотеки сосредоточивают свои усилия на переводе в электронную форму изданий, имеющих общекультурную и научную значимость, редких и особо ценных изданий, а также изданий, относящихся к патриотике, формируя универсальный репертуар электронных изданий (в соответствии с Концепцией распределённого библиотечного фонда РФ);
- специальные и отраслевые библиотеки – на отдельных видах документов и отраслях;

- центральные библиотеки субъектов Российской Федерации – на региональных документах, в том числе на языках коренных народов и этносов, краеведческих материалах и изданиях экстерриторики (по территории своего региона);
- региональные библиотеки – на краеведческих материалах и региональных документах, формируя репертуар электронных изданий местных и краеведческих документов;
- библиотеки учебных заведений и отдельных кафедр – на учебной, научной и методической литературе в соответствии с профилем образовательного и научно-исследовательского процесса;
- другие учреждения создают тематические коллекции и иные собрания в рамках своей компетенции.

Приоритетом при создании электронных копий единиц хранения в плановом порядке пользуются:

- особо ценные и уникальные единицы хранения,
- наиболее используемые единицы хранения, независимо от времени их создания,
- единицы хранения, находящиеся в неудовлетворительном физическом состоянии, что может повлечь утрату оригинала,
- единицы хранения, для которых существует угроза утраты информации при удовлетворительном физическом состоянии носителя (угасание текста, утрата цветности для документов на бумажной основе, размагничивание для документов на магнитной пленке и пр. в соответствии с ТУ на конкретный вид носителя).

Таким образом происходит постепенное формирование, пополнение Национальной электронной библиотеки, благодаря которой обеспечивается сохранение печатных источников в цифровом формате.

Исследователи выделяют два этапа развития взаимодействия печатных фондов с электронными ресурсами. На первом этапе библиотеки формируют электронные дубликаты своих коллекций, которые используются в комплексе с их печатными оригиналами. На втором этапе трансформации книжные и электронные ресурсы библиотечных фондов могут образовать интегрированную структуру с единым интерфейсом доступа. В этом случае пользователь библиотеки сможет получать электронные копии разнородных материалов: рукописей, печатных изданий, кино-, фото- и фонодокументов, мультимедийных продуктов. В реальности этот этап выглядит следующим образом: читателю предоставляются в электронном виде справочно-нормативные файлы (рубрикаторы, тезаурусы, авторские, предметные и другие указатели), а также каталоги и справочные базы данных по доступным распределённым ресурсам; электронные каталоги и реферативно-библиографические базы данных; полнотекстовые массивы (электронные журналы, фактографические базы данных, хранилища электронных копий источников в том или ином виде).

Таким образом, сегодня структура документного фонда библиотеки выглядит следующим образом:

1. Справочно-библиографический аппарат в печатном и электронном виде.
2. Рукописные и печатные документы (собственные, доступные по каналам межбиблиотечного абонементов и электронной доставки текстов).
3. Электронные издания (съёмные).
4. Внутрисетевые базы данных, создаваемые библиотекой.
5. Удалённые ресурсы, принадлежащие библиотеке на правах оперативного использования по лицензионным соглашениям.
6. Электронные библиотеки и архивы открытого доступа.
7. Платные интернет-ресурсы.

Например, Кировская областная универсальная библиотека имени А. И. Герцена сегодня предоставляет читателям возможность пользоваться следующими электронными каталогами:

- Книги, ноты, непечатные издания – электронный каталог книг (ведется с 1990 года), нот и непечатных изданий.
- Ретроспективный электронный каталог – электронный каталог книг (80-е годы XX века).
- Картотека статей – универсальная электронная картотека статей из периодических изданий (ведётся с 1994 года).
- Каталог статей из местной прессы – краеведческий каталог статей из местных периодических изданий (ведется с 1999 года).
- Вятская полнотекстовая электронная библиотека – электронный каталог одноимённого проекта. Пока представлены только библиографические описания книг.
- База «Межрегиональная аналитическая роспись статей» (МАРС) – сводная база аналитической росписи, ведётся с 2009 года в рамках участия в проекте МАРС Ассоциированных региональных библиотечных консорциумов. База содержит библиографическое описание всех статей из более чем 1800 российских журналов, в том числе выписываемых библиотекой им. А. И. Герцена. В удалённом режиме пользователям предлагается поработать с базой МАРС в той части, которая совпадает с подпиской библиотеки. Полная публикация каталога запрещена по условиям договора, и он доступен только в библиотеке.
- Сводный каталог Кировской области (СККО), который существует с 2011 года. В его формировании также принимают участие все муниципальные библиотеки Кировской области.
- С 2010 года в Центре правовой информации и электронных ресурсов открыт доступ к Электронной библиотеке диссертаций РГБ. Она содержит около 760 тысяч полных текстов диссертаций и авторефератов по всем отраслям знания, что даёт уникальную возможность читателям получить интересующую информацию, не покидая своего города. Каталог Электронной библиотеки диссертаций РГБ находится в свободном доступе для любого пользователя сети Интернет (<http://www.herzenlib.ru/main/ek/>).

Для исследователей региональной книжной культуры особый интерес представляет также проект, разработанный отделом краеведческой литературы

областной библиотеки в 2009 году «Вятская электронная библиотека». Целью проекта является предоставление свободного доступа к Коллекции местной печати, являющейся базовой частью вятской культуры, так как именно в ней сохранилась коллективная социальная память жителей края, выраженная печатным словом. Коллекция включает в себя издания, вышедшие на территории Вятской губернии – Кировской области в XIX–XX веках. Она насчитывает более 30 тыс. документов. Ценнейшую основу для книговедческого анализа составляют книги, периодические и продолжающиеся издания, географические карты, открытки, другие иллюстративные материалы.

Для удобства работы оцифрованные материалы на сайте структурируются следующим образом:

- книги;
- периодические и продолжающиеся издания;
- географические карты;
- почтовые открытки по вятской тематике.

Как отмечалось выше, одним из важнейших источников изучения региональной книжной культуры являются периодические и продолжающиеся издания. Помимо главной для Вятки газеты XIX века – «Вятских губернских ведомостей» (1838–1917), исследователь может поработать с оцифрованными версиями «Вятского края» (1895–1898), «Вятского края»/«Вятской жизни» (1905–1907), «Вятской газеты» (1894–1907), «Вятской речи» (1908–1917), «Вятского вестника» (1905–1909), «Голоса Вятки» (1910–1911), «Северного слова» (1911–1915).

Среди продолжающихся изданий нужно отметить журнал «Вятские епархиальные ведомости» (1863–1917), «Памятные книжки и календари Вятской губернии» (1854–1916), уже упомянутые «Труды Вятской учёной архивной комиссии» (1905–1917), «Обзоры Вятской губернии» (1871–1915), отчеты Вятского губернского статистического комитета (1863–1914), «Материалы по статистике Вятской губернии» (1871–1915), отчёты Вятского губернского статистического комитета (1863–1914), «Материалы по статистике Вятской губернии» в 12 томах (1886–1900), «Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения» (1925–1941), журналы Вятского губернского и уездных земских собраний (1867–1917). Собрание губернских-областных, уездных-районных газет советского времени также в настоящее время размещается на сайте.

Сейчас сотрудниками библиотеки имени А. И. Герцена начато несколько трудоёмких и ответственных проектов. Во-первых, это оцифровка наиболее ценной и ветхой части краеведческой книжной коллекции. Во-вторых, ретроввод – перевод информации о краеведческом книжном фонде за 1828–1994 годы (около 30 тыс. названий) с бумажных носителей в электронную среду, то есть создание электронного каталога. Эта по-настоящему научная работа требует от сегодняшних сотрудников отдела высокой квалификации, знания современных технологий, программ, форматов.

Целью программы по оцифровке книжного фонда является наиболее полное раскрытие фондов библиотек муниципальной информационной библиотечной системы (МИБС) для максимального удовлетворения запросов пользовате-

лей посредством электронного каталога. Однако проект сталкивается с определёнными технологическими трудностями, так как для распознавания некоторых элементов кириллицы, например «ятей», требуется специализированное программное обеспечение. Произвести оцифровку современных изданий гораздо проще. В настоящее время библиотека ведёт работу по переводу в электронный формат всего библиотечного фонда, который составляет около 4 млн изданий.

По отношению к электронным информационным ресурсам перед библиотеками стоит такая же задача их сохранения, как перед печатными средствами информации: книгами, газетами, журналами и другими формами документального наследия. Кроме того, библиотеки должны обеспечить доступность цифровых материалов при наличии всех смысловых и функциональных характеристик исходных материалов, возможностей поиска, презентации и интерпретации для последующего доступа и использования. Вместе с тем, как отмечает Е. И. Кузьмин, президент Межрегионального центра библиотечного сотрудничества, «проблема сохранения электронной информации ещё не признана широкой научной и культурной общественностью, мало освещается даже в профессиональной печати и совсем не осмыслена уровне политическом и управленческом» (Кузьмин, 2011, с. 67). Несмотря на кажущуюся лёгкость в использовании, сохранение электронных материалов требует гораздо больше непрерывных усилий, времени и денег, чем реставрация традиционных носителей. Если рукописные документы, которые были созданы несколько тысячелетий назад, мы можем сейчас прочитать, то документы в цифровом формате, созданные десять лет назад, сегодня уже не всегда доступны в силу морального устаревания носителей информации и устройств для чтения. Традиционные носители информации разрушаются постепенно, и у библиотекарей есть время провести консервацию и реставрацию. Электронная информация исчезает мгновенно. Например, при отключении электричества или поломке носителя. При этом, как правило, восстановить её уже не удаётся.

Таким образом, дублирование информации на печатном и электронном носителе имеет свои преимущества:

- уменьшается износ оригиналов, так как оцифровка производится один раз и в дальнейшем пользователям предоставляются цифровые копии. Становится возможным доступ пользователей к тем объектам хранения, оригиналы которых находятся в неудовлетворительном состоянии и не выдаются по запросам;
- при условии соблюдения несложных контрольно-профилактических мер цифровая копия обладает неограниченным сроком хранения;
- при утрате оригинала возможно его воссоздание полиграфическим способом;
- возможность распознавания образов (в том числе и текста) в цифровых копиях позволяет применять развитые процедуры поиска и группировки, что выводит предоставляемые пользователям услуги на качественно новый уровень;
- обработка запроса на электронную копию занимает значительно меньше времени, чем на оригинал, что позволяет быстрее обслуживать пользо-

вателей библиотеки (например, выдача на экран может быть осуществлена в течение нескольких секунд). В то же время, пользуясь электронными копиями, пользователь может за одно и то же время получить значительно больше информации, чем при использовании оригиналов;

- цифровые копии возможно использовать для распространения информации о коллекциях и в рекламно-коммерческой деятельности библиотеки (создание иллюстрированных каталогов на электронно-оптических носителях, представление коллекций в виде уменьшенных копий изображений на Web-сервере, предоставление файлов издательствам для выпуска печатной продукции и т. п.);

- цифровые копии позволяют расширить возможности межбиблиотечного обмена;

- пространственная и спектральная чувствительность используемых для оцифровки сенсоров превышает аналогичные характеристики человеческого глаза, что позволяет осуществлять над цифровыми копиями некоторые исследования, проведение которых над оригиналами невозможно без специального оборудования. Кроме того, цифровые копии могут подвергаться процедурам компьютерной обработки изображений, при необходимости некоторые могут быть полезны при различных экспертизах.

Проникновение новых информационных технологий в библиотечную среду вызывает разные отклики среди специалистов. Кроме одобрительных мнений, коих пока большинство, есть и отрицательные. Например, В. П. Леонов говорит о том, что «в современных библиотеках, делающих акцент на внедрение новых информационных технологий и вычислительных систем, места для души и прорыва остается всё меньше и меньше. Технические средства не обеспечивают преемственности традиций, происходит их медленное разрушение» (Леонов, 2003, с. 54).

Так или иначе, электронный контент активно развивается в настоящее время и будет развиваться в будущем. Этот процесс объясняется не только внедрением информационных технологий во все сферы жизни общества. Ускорение темпов жизни современных людей рождает спрос на новые формы и способы работы с информацией, что в свою очередь ведёт за собой появление новых форм представления информации. Все большее число издательств, не только федеральных, но и региональных, переходит на производство электронных изданий. Особенно это касается справочной, учебной и учебно-методической литературы. Кроме того, многие издания становятся недоступными для региональных библиотек, так как, например, электронные журналы объявляют высокую стоимость подписки на печатные версии и значительно ограничивают территории распространения традиционных изданий. Уже сейчас учёный, занимающийся изучением современного книжного дела, не может игнорировать анализ электронного контента и имеющегося на данный момент разнообразия источников информации. Оцифрованные книжные фонды позволяют значительно снизить стоимость научных исследований, сформировать научные взгляды с учётом знаний, наработанных десятилетиями.

ГЛАВА 2. АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ КНИЖНОГО ДЕЛА

2.1. Перспективные направления в изучении провинциального книжного дела

Новым и перспективным направлением в отечественном книговедении можно считать углублённое и всестороннее изучение провинциального книжного дела. В последние годы в работах ведущих книговедов отмечается, что «настал этап, когда в интересах науки необходимо усилить как координационные, так и интеграционные процессы во взаимодействии учёных и исследовательских структур России, стран ближнего и дальнего зарубежья» (Васильев, 2009, с. 235). Для успешного решения основных задач в исследовании различных аспектов книжного дела необходима консолидация столичных и провинциальных культурных центров, привлечение исследователей, занимающихся провинциальным книжным делом России (Эрлих, 1996, с. 357). Возрождающийся глубокий и всесторонний интерес к региональной тематике «может привести к полному и всестороннему освещению истории отечественного книжного дела» (Фролова, 1998, с. 302).

Изучение эволюции отечественного книжного дела в нашей стране наибольшими успехами обязано тем учёным, которые разрабатывали его общие проблемы и факты на материале обеих столиц: Москвы и Петербурга. Но как невозможно изучить историю России без провинции, так невозможно дать полную картину развития отечественного книжного дела, построенную только на материале центральных областей. Изучение истории становления и развития провинциального книжного дела в контексте определённой эпохи даёт возможность расширить и углубить наши представления о формировании книжного дела и книжной культуры не только на конкретной территории, но и в стране в целом.

В последние десятилетия в книговедении проведены фундаментальные теоретические и практические исследования, которые способствовали более глубокому и всестороннему изучению книжного дела, книгоиздания и книгораспространения, в том числе и регионального. Среди проблем, требующих дальнейшего углублённого исследования, находятся и региональные аспекты становления и развития регионального книгоиздания, отдельных отраслей книжного дела, формирование с помощью книги определённой духовной культуры того или иного региона.

История развития провинциального книжного дела, воссоздание книжного репертуара, изучение процессов, влияющих на современное региональное книгоиздание, остаются недостаточно исследованными. В конце XX – начале XXI века в изучении провинциальной книги наметились существенные сдвиги. По инициативе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (сейчас – Российская национальная библиотека) началась работа над созданием многотомного исследования по истории книжного дела в России

во второй половине XIX – начале XX века (Фролова, 1999, с. 236). В авторский коллектив монографий вошли и исследователи из разных регионов России, расширившие содержательный диапазон истории отечественной книги за счёт включения регионального компонента.

Новый этап в изучении отечественного книжного дела начался по инициативе Комиссии по истории книжной культуры и комплексному изучению книги Научного совета РАН «История мировой культуры» (Васильев, 2003, с. 28). В 2003 году были восстановлены и проведены Фёдоровские чтения, посвящённые двум знаменательным датам: 450-летию русского книгопечатания (отметим, что примерно 1553 годом датируется наиболее раннее издание Анонимной типографии в Москве), а также 275-летию издательской деятельности Академии наук. Эти научные конференции объединяют широкий круг специалистов, изучающих различные аспекты книжного дела, способствуют продолжению традиций лучших отечественных книговедов, выявлению новых аспектов в отечественной книжной культуре.

Начиная с 2004 года по инициативе Комиссии по истории книжной культуры и комплексному изучению книги Научного совета РАН «История мировой культуры» проводятся ежегодные научные конференции «Книга и мировая цивилизация». Как отмечают организаторы конференций, одним из перспективных направлений исследований сегодня продолжают оставаться история книги и книжной культуры, которые активно развивают не только ведущие научные центры, но и научные подразделения во многих российских регионах (Васильев, 2005, с. 19).

Книжное дело и книжная культура Вятского края неразрывно связаны с именем талантливого и неутомимого исследователя книги, учёного, страстного библиофила и краеведа Е. Д. Петряева (Книга : энциклопедия, 1998, с. 481). Его книговедческие работы являются весомым и надёжным источником, освещающим проблемы провинциального книжного дела Урала, Сибири, Дальнего Востока и Вятского края. Учёный ещё в конце 70-х годов отмечал, что «вклад провинции в нашу культуру до сих пор с должной полнотой не учитывается. В частности, это относится к тем центрам “книжности”, которые оказали большое влияние на умственное развитие таких огромных областей, как Вятская земля» (Петряев, 1978, с. 250). Это утверждение сохраняет актуальность и сегодня, так как в работах ведущих книговедов и авторов учебных пособий «провинциальному книжному делу отводятся лишь отдельные страницы, а иногда и отдельные строки» (Фролова, 2005, с. 629). Вместе с тем исследование книжного дела определённого региона в состоянии обнаружить новые специфические аспекты местной книги в системе её создания, распространения и использования.

Изучение провинциального книжного дела Вятской губернии в послеоктябрьский период, воссоздание местного книжного репертуара, анализ процессов, влияющих на современное региональное книгоиздание, до сих пор недостаточно исследованы. В кратком очерке о развитии книжного дела в Вятском крае в первые десятилетия после революции Е. Д. Петряев отмечал, что сведения о литературной жизни крайне скудны, о многих людях, связанных с книж-

ным делом, почти ничего не известно (Петряев, 1981, с. 209). Обращение к опыту прошлого, выявление, систематизация и анализ большого массива ранее не изученных и впервые введённых в научный оборот документов поможет воссоздать объективную картину развития издательской системы, книжной торговли, библиотечного дела, полиграфии в регионе.

Ещё одним перспективным направлением в исследовании провинциального книжного дела является изучение деятельности учёных, писателей, общественных деятелей, оказавших сильное влияние на его развитие. Достоверную и полную картину их вклада в развитие регионального книжного дела можно получить при фронтальном изучении местных книгохранилищ и архивов.

Книжное дело в Вятской губернии начала XX века до настоящего времени не являлось объектом последовательного и систематического изучения. Изучение архивных материалов, находящихся в Государственном архиве Кировской области (ГАКО) и архиве Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ), дало возможность осуществить исследование на основе документов, не использованных ранее специалистами-книговедами, и ввести в научный оборот новые сведения по истории развития книжного дела в регионе в данный период.

Важные сведения о развитии книжного дела содержит Государственный архив Кировской области. В фондах архива представлены документы, регламентирующие работу издательств, типографий, книготорговых структур, библиотек и других организаций. Так, в фонде № 582 «Кировское книжное издательство Госкомитета РСФСР по делам издательств, полиграфии, книжной торговли» имеются сведения о наличии и деятельности издательств, типографий, библиотек на территории Вятской губернии в исследуемый период.

После Октябрьской революции общественно-политическая ситуация в стране резко изменилась. Детерминированное новыми социально-экономическими преобразованиями книжное дело претерпевало ряд коренных изменений как по всей стране, так и в Вятской губернии, хотя отдельные черты, сложившиеся до октября 1917 г., продолжали сохраняться в регионе и после революции.

Общественно-политическая ситуация в стране после февральской революции не могла не повлиять на издательский репертуар Вятской губернии. По данным каталога библиотеки им. А. И. Герцена и регистрационных списков печатной продукции местных типографий, в которых указывались вятские издания, отправленные в Книжную палату г. Москвы (ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Ед. хр. 147), в этот период продолжают выходить ведомственные издания. В регистрационных списках печатной продукции местных типографий, подготовленной для отправки в Книжную палату г. Москвы, указывается 36 названий книг, вышедших с 1 марта по 29 августа 1917 года в Вятке средним тиражом 750 экземпляров. Большая часть книжной продукции – это продолжающиеся печататься в Вятской губернской типографии и типографии Епархиального братства отчёты земств, журналы заседаний местных учреждений, сметы Вятского и уездных земств, постановления Временного Правительства, резолюция учительского съезда, учебная

литература (Учебник по теории. Глазов, Издание реального училища), драматические произведения местных авторов (А. П. Вершинин. Святой чёрт. Вятка; «Железный день». Вятка, типография Епархиального Братства), картографическая продукция (карта Вятской губернии с объяснением сведений к карте губернии, отпечатана в Вятской губернской типографии в количестве 50 000 экземпляров). Типографии продолжают печатать заказы соседних губерний (Отчёт потребительского общества служащих Пермской, Омской и Свердловской железной дороги за 1916 г., 300 экз.), а также афиши, анонсы к спектаклям, этикетки, облатки, билеты Вятско-Волжского пароходства (2400 экз.).

В октябре 1917 года издательское дело претерпевает коренные изменения. После революции и во время Гражданской войны вся печать была подчинена организации победы над силами контрреволюции. В ноябре – декабре 1917 года в типографии г. Вятки печатались периодические издания, воззвания, листовки, плакаты, агитационная литература, занявшая в 1917–1918 годах вместе с издававшимися приказами, распоряжениями, законами и декретами местной власти основное место в издательском репертуаре. В послереволюционное время советское правительство обратило серьёзное внимание на развитие большевистской печати, на организацию выпуска массовых изданий.

В декабре Совнарком принял декрет «О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя», призывавший к распространению среди населения печатных изданий, в том числе и листовок. Листовка была могучим средством агитации и организации масс на создание социалистического общества. В тяжёлое время хозяйственной разрухи и голода, жестокой борьбы с силами внешней и внутренней контрреволюции советские органы власти находили средства и бумагу для дела пропаганды нового строя.

В первые дни существования Советской власти в Вятской губернии новое правительство взяло под контроль типографии города. Так, уже 5 декабря 1917 года Временный исполнительный комитет Вятского Совета рабочих и солдатских депутатов постановил назначить комиссара в губернскую типографию для контроля и наблюдения за этой типографией.

11 декабря 1917 года было принято «Постановление исполкома Вятского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов о типографиях», в котором говорилось об усилении контроля за деятельностью губернской типографии и об оставлении бывшей епархиальной типографии в ведении исполнительного комитета Совета. В этой типографии 21 декабря вышел первый номер большевистской газеты «Вятская правда» (История города Кирова, 1974, с. 158). В ней же были выпущены листовки «Очередные задачи советских служащих» и др. Сразу же после формирования органов советской власти в Вятке в январе 1918 года при губисполкоме создаётся бюро по делам печати (Чайкина, 1994–2005, с. 178). 19 января 1918 года был установлен рабочий контроль в типографии М. М. Шкляевой, бывшей типографии А. А. Красовского (Краснова, 2009а, с. 155).

В это время нужна была доступная политическая и агитационная литература для рабочих, крестьян и солдат. Под грифом «совершенно секретно» из

центра в части Красной армии, расположенные на территории Вятской губернии, был разослан циркуляр, в котором приказывалось «усилить политработу в направлении укрепления дисциплины и оценки текущего момента среди коммунистов, а через них усилить бдительность всех красноармейцев, остающихся в рядах Красной Армии. В целях укрепления дисциплины и порядка в красноармейских частях и нормального хода демобилизации провести следующее: заблаговременно к моменту демобилизации подготовить легко читающуюся литературу для бесплатной раздачи уезжающим в деревню, для чего пересмотреть все библиотеки и выдать брошюры и листовки, может быть и устарелые для города, но имеющие значение для деревни. В общем, подготовить всё, что возможно» (ГАКО. Ф. 1137. Оп. 1. Ед. хр. 736. Л. 1).

Многие образцы листовок этого времени вошли в сборник «Листовки Вятского большевистского комитета», который выпустил Государственный архив Кировской области, и в «Каталог листовок, изданных в первые годы советской власти (фонды музея)», выпущенный Кировским областным краеведческим музеем. В первый сборник включено более 80 листовок, изданных и распространённых среди красноармейцев и населения губернии Вятским комитетом РСДРП.

При анализе каталожных карточек, хранящихся в краеведческом отделе Кировской научной библиотеки им. А. И. Герцена, в динамике выпуска издательской продукции обнаруживается резкое падение изданий в этот период. За 1916, 1917, 1918 и 1919 годы в Вятской губернии, которая занимала 134 537 кв. вёрст и включала в себя территории нынешней Кировской области, Удмуртской, части Марийской и Татарской автономных республик, было выпущено соответственно 106, 124, 95 и 47 названий книг и брошюр (табл. 1).

Таблица 1

**Количество книг и брошюр, выпущенных в г. Вятке
за 1916–1919 годы**

Годы	Количество названий
1916	106
1917	124
1918	95
1919	47
Итого	372

Динамика выпуска изданий в этот переломный исторический период показывает, что не сразу социально-политические изменения в стране повлияли на местное издательское дело. Резкий спад наступил в 1919 году – это связано с ухудшением экономического положения в стране и ужесточением контроля за книжным делом из центра.

Анализ тематики вышедших изданий в данный период свидетельствует о смене книжного репертуара. Прекратился выпуск книг духовного содержания как не соответствующих задачам новой власти, а ранее составлявших значи-

тельную долю в вятском книгоиздании. Последними изданиями, посвящёнными описанию церковной древности, были две книги: «Акафист святому Преподобному и Богоносному Трифону, Архимандриту Вятскому Чудотворцу»: Издательство Вятского Успенского Трифонова монастыря (Вятка, 1917. Типография Епархиального братства, 26 с. 1 р. 60 к., б. т.) и «Распоряжения высшей церковной власти» (Вятка, 1919).

В первые годы после революции в издательском репертуаре всё же сохранялись некоторые тенденции, которые были заложены в книжном деле края до социально-политических преобразований. Печатались подготовленные до революции издания, например «Еретик» И. Шадрина, «Новая узда» издательства «Кооперация и жизнь», которое издавало книжную продукцию и в 1919 году, Труды Вятской археологической комиссии. Но главным образом издавались бюллетени, доклады, тезисы, протоколы заседаний уездных съездов, инструкции по кооперации, отчёты разнообразных обществ по деятельности их за последние предреволюционные годы, которые печатались в губернских и уездных типографиях Нолинска, Советска, Елабуги, Уржума.

В 1920 году из числа молодых литераторов, сотрудников стенных и печатных газет в Вятке была создана литературная группа, давшая толчок местному литературному движению. П. Щелканов под псевдонимом Александр Рабочий в 1920 году выпустил сборник стихов «Гудки» (Вятка, 1920. 24 с.). За этим сборником последовала книжка юного сотрудника «Вятской правды» Германа Васильева «Стихотворения» и Григория Санникова «Дни». Впоследствии Г. А. Санников стал видным советским поэтом. 21 ноября 1920 года газета «Вятская правда» напечатала объявление, что в помещении губкома РКСМ состоится собрание рабочих писателей Вятки. Организация этого литературного объединения способствовала появлению в печати литературных сборников. Они стали выходить не только в г. Вятке, но и в уездах. Приведём примеры: первый коллективный литературный сборник «К светлому будущему!» (Малмыж, 1920), в 700 экземплярах; В. Малиновский «На пути к новой жизни. Рассказы, картинки с натуры и стихотворения» (Малмыж, 1920); В. Малиновский «На волнах революции. Стихотворения, повести, рассказы» (Малмыж, 1920); сборник «Маяк» (Яранск, 1920); сборник «Набат» (Советск, 1920); «Котельничский календарь-альманах 1912–1914» под редакцией Я. Ф. Мултановского.

В 1921–1922 годах начинают издаваться журналы, газеты, произведения пролетарских писателей. В табл. 2 и 3 представлены количественно-качественные показатели книгоиздания и периодики в этот тяжёлый для страны период.

Таблица 2

Журналы, вышедшие в Вятской губернии в 1921–1922 годах

№ п/п	Название издания	Тираж
1	«Известия губкома РКП(б)»	4000
2	«Бюллетень губоно»	1600
3	«Медицинский журнал»	3000
4	«Ветеринарный журнал»	2000
5	«Зарево»	9000
6	«Красный спорт»	3000
	Итого	22600

Таблица 3

Книги брошюры, вышедшие в Вятской губернии в 1921–1922 годах

№ п/п	Название издания	Тираж
1	«Дни» Г. Санникова	5000
2	«Чугунный улей» (сборник пролетарских писателей)	10000
3	«Клуб молодёжи»	3000
4	«К юношеству»	1000
5	«Сила в согласии» Ф. Вишневого	5000
6	«Долой неграмотность»	1000
7	«Вотская грамматика»	3000
8	«Рассказы Данилыча»	1000
	Итого	29000

Данные, приведённые в таблицах, свидетельствуют, что в начале 20-х годов расширяется тематика журнальных изданий, отвечающая новым требованиям времени. Показатели тиражей выпускаемых книг и брошюр варьируются от 1000 до 10 000. Количественные данные свидетельствуют о стабилизации издательской политики нового молодого государства. Постепенно расширяется круг местных авторов за счёт пролетарских писателей. Относительно небольшими тиражами выходят книги, адресованные молодёжи. Приведённые названия свидетельствуют, что выпускались издания, направленные на ликвидацию безграмотности населения.

В начале XX века в Вятской губернии закладываются основы регионального вузовского книгоиздания, когда открывшийся в Вятке педагогический институт приступил к формированию собственной издательской базы.

В настоящее время Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ) – один из ведущих образовательных и научных центров региона. Он был основан в июле 1914 года как Учительский институт на территории Вятской губернии (в 1936 году переименована в Кировскую область). В 2004 году университет к 90-летию подготовил трёхтомное юбилейное иллюстрированное издание (Вятский государственный гуманитарный университет. 1914–

2004. Памятная книга. Киров, 2004. 304 с.), в котором подробно и обстоятельно отражена история университета, прослежены все этапы его становления и развития от Учительского института, высшего педагогического учебного заведения (1918), затем – Кировского государственного педагогического института и с 2002 года – Вятского государственного гуманитарного университета.

Со времени своего основания вуз вёл плодотворную научно-исследовательскую, учебную и воспитательную работу, закладывал традиции интеллектуальной культуры обширного провинциального края. Начало 20-х годов можно охарактеризовать как период реорганизации, пересмотра планов исследовательской деятельности научных и учебных учреждений. Значительно расширяется масштаб исследований, связанных с изучением особенностей Вятского края.

В истории университета во все периоды его развития одно из ведущих направлений занимала издательская деятельность. Публикация научных трудов и учебной литературы преподавателей и сотрудников вуза изначально стала одной из главных его задач. Важнейшей составляющей его деятельности стала популяризация научных знаний среди широких кругов местного населения. Нами подсчитано, что за первое десятилетие работы вуза как высшего учебного заведения было опубликовано около 400 работ преподавателей института (Печатные работы научных работников института, 1928, с. 228). Профессорско-преподавательский состав и сотрудники молодого вуза вели исследовательскую деятельность по изучению особенностей региона, статистическому анализу его экономики, развитию сельского хозяйства и промышленности, собирали материалы по истории, литературоведению, языкознанию, педагогике, краеведению, по изучению культуры и просвещения края.

Учёные, педагоги и сотрудники института публиковали результаты своих научных исследований не только в местных издательствах, но и в столичных журналах и издательствах, в печатных органах других городов страны и за рубежом. Отдельные материалы по истории региона были рекомендованы к напечатанию в Академии наук (там же, с. 233), самом авторитетном научном учреждении страны. Проблемы народного образования освещались в периодических изданиях Парижа, Берлина, Белграда (Краснова, 2009б, с. 15). Всё это свидетельствует о высоком качестве и актуальности научных исследований учёных вуза уже в первые годы его деятельности.

Ценными обобщающими трудами стали научные сборники «Труды Вятского (Кировского) педагогического института» (20 томов) и «Учёные записки», выходившие до июля 1941 года, которые в настоящее время представляют уникальный материал для исследователей культурного прошлого области.

Яркой страницей в истории издательского дела ВятГГУ является деятельность Вятского научно-исследовательского института краеведения (ВятНИИ), который стал координационным центром по всестороннему изучению Вятского края. Исследование архивных материалов Государственного архива Кировской области (ГАКО) и архива ВятГГУ дало возможность выявить новые факты в исследовательской, научной и издательской деятельности ВятНИИ краеведения.

Вятский научно-исследовательский институт краеведения был организован в 1922 году на базе Вятского педагогического института с целью активизации научно-исследовательской работы по изучению природы, естественных производительных сил края, социально-экономических особенностей жизни населения, культурно-исторических ценностей региона (Краснова, 2006, с. 165). Основной штат научных сотрудников института краеведения составляли преподаватели педагогического института – крупные учёные, известные далеко за пределами вятского края: Н. М. Каринский, Б. С. Лукаш, П. К. Мейер, В. А. Танаевский, П. Н. Луппов.

По ходатайству Правления Вятского института народного образования директором Вятского НИИ краеведения Академическим центром Наркомпроса был утверждён профессор Н. М. Каринский, член-корреспондент РАН (1921 год, с 1925 года – АН СССР). В Вятку он прибыл из Петрограда в декабре 1919 года по приглашению Вятского института народного образования на должность заведующего кафедрой языкознания (Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 4. Ед. хр. 101. Л. 5). К этому времени им были опубликованы научные труды по истории русской книги, палеографии, древнерусской литературе, старославянскому языку и диалектологии. Его научно-исследовательская деятельность нашла отражение в следующих публикациях: «Язык Пскова и его области в XV веке» (СПБ., 1909) (отмечена премией Академии наук); «Очерки из истории Псковской письменности и языка: Язык Псковского Шестоднева 1374 г.» (СПБ., 1916); «Очерки из истории Псковской письменности и языка: Мусин-Пушкинская рукопись “Слова о полку Игореве” как памятник Псковской письменности XV в.» (СПБ., 1917); «Хрестоматия по древне-церковно-славянскому и русскому языкам. Древнейшие памятники» (для высших учебных заведений), изд. I (СПБ., 1904) и изд. II (СПБ., 1910); «О преподавании русского языка в VIII и педагогических классах Петрограда» (Петроград, 1914); «Историческая хрестоматия для старших классов средне учебных заведений» (Петроград, 1914); «Образцы глаголицы (с введением, транскрипциями текстов, примечаниями и пр.)» (изд. Петроградского Археологического Института, Петроград, 1908); «Письмо Остромирова Евангелия: Палеографический очерк» (Петроград, 1920); «О говорах восточной половины Бронницкого уезда» (Петроград, 1903); «О говорах по течению рек Луги и Ордежа» (Петроград, 1908); «Остромирово Евангелие как памятник древнерусского языка» (Петроград, 1903); «Программы для наблюдения над народными говорами и продуктами народного творчества для Петроградской губернии и Вятского края». Каринский также был автором многочисленных рецензий на научные и педагогические издания, напечатанных в ведущих научно-педагогических журналах (Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 4. Ед. хр. 101. Л. 1).

Важным условием научной деятельности ВятНИИ краеведения был высокий научный уровень сотрудников коллектива. Так, Павел Николаевич Луппов окончил Московскую духовную академию (1895 год) и Санкт-Петербургский археологический институт (1903 год). Его научные работы в 1912 году получили положительный отзыв неперменного секретаря Академии

наук академика С. Ф. Ольденбурга. Его письмо сохранилось в личном деле П. Н. Луппова: «Милостивый государь Павел Николаевич, представленные Вами на соискание наград имени тайного советника М. Н. Ахматова сочинения а) Христианство у вотяков в первой половине XIX века (Вятка, 1911 г.) и б) Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века (Вятка, 1911 г.) – признаны Императорской Академией Наук заслуживающими награждения малою премией, но ввиду ограниченного числа таких премий Академия вынуждена была остановиться на присуждении Вам почётного отзыва.

Считая для себя почётным долгом уведомить Вас о сём, прошу принять уверение в совершенном моём почтении и преданности. Сергей Ольденбург» (Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 1. Ед. хр. 778. Л. 51).

В конце января 1922 года профессор Н. М. Каринский был командирован в Москву в Главпрофобр и в Академический центр Наркомпроса по делам организации в г. Вятке при Педагогическом институте Научно-исследовательского института краеведения и для приобретения книг и учебных пособий для института (Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 4. Ед. хр. 10. Л. 23). В докладной записке в Правление Вятского педагогического института от 25 февраля 1922 года Каринский внёс предложение «на должность сотрудников института немедленно назначить следующих лиц: Павла Николаевича Луппова, Павла Константиновича Мейера, Бориса Созонтовича Лукаша и Валентина Алексеевича Танаевского».

С момента своего основания ВятНИИ краеведения вёл интенсивную научно-исследовательскую работу, направленную «к осуществлению тех основных задач краеведческого строительства, осознание которых и легло в основу создания в Вятке НИИ краеведения как учреждения государственного, находящегося в общей республиканской сети научных учреждений Главнауки НКПр» (Лукаш, 1925, с. 85).

Институт краеведения постоянно расширял и укреплял научные связи с ведущими столичными и провинциальными высшими учебными заведениями. Н. М. Каринский многое сделал для налаживания сотрудничества с Главнаукой Академического центра Наркомпроса РСФСР, куда он неоднократно командировался из Вятки для выяснения вопросов, связанных со снабжением института соответствующим учебным оборудованием и получением кредита на экспедиционные работы, а также для непосредственного приобретения необходимых для института книг и пособий (Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 4. Ед. хр. 10. Л. 23). Несмотря на сокращение средств на научно-исследовательскую работу, Каринскому удалось получить по заказу Наркомпроса необходимые для научной работы приборы и книги, без которых в провинции работать невозможно. В апреле 1924 года он писал из Москвы в Вятку: «Только постоянным упорным настаиванием кое-что удастся сейчас здесь продвинуть, несмотря на то что Вятский институт краеведения в Москве пользуется всё большей и большей заслуженной известностью. Мне много раз приходилось вести переговоры, составлять доклады и делать выступления в различных ведомствах и только сейчас могу сказать, что если и весьма немного

удалось сделать для данного момента, то сравнительно много для будущего. Сейчас момент крайне неблагоприятный. Уже несколько месяцев все стремления правительственных кругов направлены на стабилизацию рубля, почему идёт чрезвычайное сокращение государственных расходов по всем статьям и требуется весьма большое напряжение сил, чтобы хотя что-либо получить... Вятский НИИ краеведения ведёт научную и научно-практическую работу в областном масштабе... является единственным авторитетным органом в крае, и без него указанная работа немыслима. Однако наука шире практических заданий момента, она смотрит глубже и дальше. Отсюда и ЦБК, и Госплан, и Главнаука поощряет научную работу в её широком масштабе. Вот взгляд на институт краеведения, который укрепляется в центре» (ГАКО. Р-1266. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л.16).

С января 1924 года Н. М. Каринский совмещал должность директора ВятНИИ краеведения с должностью учёного специалиста в Российском историческом музее.

Отчёты о научно-исследовательской деятельности ВятНИИ краеведения начали публиковать в журнале «Известия Вятского Научно-Исследовательского Института Краеведения», вышедшем в 1922 году в Вологодском издательстве. Первый номер открывался вступительной статьёй «От редакции», в которой указывалась основная цель данного издания – «служить органом общения НИИ краеведения с провинцией Вятского края» и уделять значительное место статьям по методологии и программам научного исследования края. В первый номер вошли статьи Н. М. Каринского «Заметки о методах этнографических наблюдений», «Программа для собирания сведений о русских народных говорах Вятского края в связи с собиранием других местных этнографических особенностей» и «Заметки о собирании особенностей языка, проникших в деревню в революционное время», В. А. Танаевского «О приёмах исследования обычного права Вятского края», П. П. Глезденева «К вопросу о научной разработке языков: мари, удмурт и коми», Б. С. Лукаша «Материалы к исследованию Вятского края в рыбопромысловом отношении», а также С. П. Орлова «Почвенно-геологические исследования в Вятской губернии», П. Н. Луппова «Об изучении грамотности», Н. А. Желвакова «Хроника общественной жизни в Вятском крае за первые месяцы революции». Таким образом, в содержание первого выпуска «Известий» вошли статьи, отражающие историко-культурные, естественно-географические, общественные особенности Вятского края.

Важным этапом в издательской деятельности вуза стало создание собственного научного журнала, так как новые условия Вологодского издательства не удовлетворяли редакцию ВятНИИ краеведения. После решения организационных вопросов и согласования их с местной типографией в январе 1923 года ВятНИИ краеведения совместно с Вятским губернским экономическим совещанием начинает издавать научный журнал «Вятская жизнь». Главным редактором журнала был избран директор ВятНИИ краеведения Н. М. Каринский, членами редакционной коллегии и редакторами отделов – Н. А. Дернов, Н. А. Желваков, П. Т. Решетников, Б. А. Перфильев. Первые три – преподаватели Вятского педагогического института им. В. И. Ленина.

Во вступительной статье редакция приглашала к сотрудничеству все заинтересованные «культурные силы края, чтобы создать благоприятные условия как для собирания обильного научного и осведомительного материала, так и для распространения самого журнала в широких кругах населения». Это статья проф. Н. М. Каринского «Экскурс в область вятской народной песни», Е. В. Матвеевой «Материалы к вопросу о вятских костюмах XVI в.», П. Н. Луппова «Вятский край 50 лет тому назад», Н. А. Желвакова «Вятский педагогический институт имени В. И. Ленина», П. Т. Решетникова «Областное совещание по сельскохозяйственному опытному делу Северо-Восточной области», проф. Н. А. Дернова «Принципы трудовой школы с сельскохозяйственным уклоном».

Статья профессора Н. М. Каринского посвящена анализу сборника А. М. Васнецова, представляющего уникальный краеведческий источник по изучению лирических вятских песен. В России сборники песен стали издаваться со второй половины XVIII века. В 1791 году в Москве вышел первый «Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен», составленный И. И. Дмитриевым. Наряду с отдельными памятниками массового характера в конце 1830-х годов начинают появляться фольклорные собрания И. П. Сахарова, А. В. Терещенко и др., в которых песенный репертуар располагается по этнографическому принципу. Созданное в 1845 году в Петербурге Императорское Русское географическое общество с входившим в него отделением этнографии способствовало развитию изучения фольклора во всех губерниях России. В конце XIX века стали издаваться монументальные своды народных песен, составленные П. В. Штейном и А. И. Соболевским. Будучи учеником и последователем А. И. Соболевского, Н. М. Каринский не мог не заинтересоваться сборником А. М. Васнецова «Песни северо-восточной России». Работая над статьёй, автор обратился за некоторыми разъяснениями и уточнениями к составителю сборника А. М. Васнецову, который сообщил дополнительные сведения этнографического характера, а также уточнил условия, место и время наблюдения записанных им песен. Уроженец села Рябова, проживший в этом селе до 1873 года, А. М. Васнецов был хорошо знаком с этнографическими особенностями населения окрестных деревень. Описание этих особенностей автор счёл необходимым включить в статью: «В окрестностях Рябова в конце 60-х годов и в начале 70-х годов ещё в значительной степени сохранялся старый уклад жизни. Избы были чёрные. Оконные отверстия нередко были затянуты обделанной коровьей брюшиной (пузырём). Никакого освещения, кроме лучины, крестьяне не знали. Употребление мыла не было известно. Посуда была, преимущественно, глиняная и деревянная. Самовары, а с ними и новая чайная посуда, только начинали входить в употребление в деревнях. Сохранялась старинная одежда мужская и женская и старинные головные уборы (китайники, шушуны, моршени, шашмуры и пр.). Мылись и парились (особенно старухи) в печке на овсяной сололке. Бани были общие, и даже девицы мылись вместе с парнями. Сохранялись верования в леших, суседков, еретиков и пр. Справлялась по старине свадьба (с причетами невесты, приговорами дружки и с целым рядом обычаев и поверий). Гармошка была редкостью,

а частушек вовсе не было. Грамотность начала уже проникать в деревни, и из лиц, родившихся после 1855 года, некоторое число было грамотных. О газетах в деревнях обычно даже не слыхали». В последующих научных экспедициях Н. М. Каринский собрал аналогичные сведения об укладе жизни населения в некоторых других глухих местах губернии. Эти сведения уже в 20-х годах XX века являлись уникальным документальным источником как изображение не так давно ушедших в прошлое картин крестьянского быта в старой деревне. К статье в конце журнала было дано приложение на особых листах нотной записи 24 мелодий «Мотивы Вятских народных песен», «при отсутствии которых изучение песни во многих отношениях затрудняется». Приложение было записано членом Вятского исторического общества И. И. Матвеевым от составителя сборника «Песни северо-восточной России» А. М. Васнецова, «обладавшего редкой музыкальностью», уроженца села Рябова, брата знаменитых русских художников А. М. и В. М. Васнецовых.

В статье П. Н. Луппова «Вятский край 50 лет тому назад» дана общая характеристика губернии 70-х годов XIX века, показана обеспеченность путями сообщения, анализируется экономическое и культурное состояние края. Вятская губерния, по пространству (133 478 кв. вёрст) превосходящая Бельгию, Голландию, Швейцарию и Грецию, вместе взятые, насчитывала «в себе к 1872 году населения обоего пола всего 2 394 111 человек (1 139 133 муж. п. и 1 254 978 жен. п.), т. е. по 18 человек на кв. версту». Отдалённость от центра, отсутствие скорого сообщения, грунтовые тракты, ветхие переправы через реки и бездорожье, примитивные средства передвижения (например, в Зюздинском крае не было совсем телег, летом перевозка осуществлялась или на санях, или на лодках по суше), недостаточно совершенная почтовая и телеграфная связь отрицательно влияли на экономическое и культурное развитие края. Анализируя уровень культурного развития края в указанный период, автор сопоставляет просветительские учреждения и учреждения «антикультурного» характера, широко используя в качестве иллюстративного материала статистические сведения из местных изданий 70-х годов. «Одним из показателей культуры населения края является его грамотность. В Вятском крае грамотность ещё в 1870-х годах была прямо ничтожная. За трёхлетие 1870–1872 годов в Вятской губернии среди сельского и деревенского населения из общего числа женихов (69 246) могли подписать свою фамилию только 5 813 человек, или 8,4%. Из такого же количества невест грамотными оказались 538, или 0,8%... Если грамотность была так слаба среди поколения цветущего, то она, конечно, была ещё слабее в старшем поколении». Однако автор отмечает, что по постановке начального образования Вятская губерния превосходила центральные губернии европейской России. Также очагами культуры были библиотеки, но в начале 70-х годов в Вятской губернии насчитывалось 13 библиотек, причём в уездных городах Елабуге, Малмыже, Яранске, Царёвосанчурске и Воткинском заводе библиотек не было. Отмечая культурные учреждения Вятского края в 1870-х годах, автор обращает внимание на учреждения «антикультурного» характера и приводит статистические сведения о количестве винокуренных заводов, объёмах произведённой продукции, наличии питейных заведе-

ний. «Питейных домов в Вятской губернии было в 6 раз больше, чем школ. Каждый питейный дом обслуживал 41 кв. версту, тогда как каждая начальная школа обслуживала 264 кв. версты. Удивительно ли поэтому, что потребление водки приняло довольно большие размеры в Вятском крае: в губернии выпивали 1½ миллиона вёдер водки, т. е. более ½ ведра на каждую наличную душу населения обоего пола или по 1½ ведра на каждую мужскую душу». В статье П. Н. Луппов широко использует цифровой материал, ссылаясь на статистические сведения местных исследователей, взятых им из вятских изданий конца XIX века: «Памятные книжки» за 1870-е годы, «Статистическое описание Вятской губернии» (Вятка, 1875), «Статистические сведения о числе грамотных и неграмотных в православном и единоверческом населении Вятской губернии» (Вятка, 1875), изданные отчёты и сборники постановлений Вятского губернского земства, статьи из газеты «Вятские губернские ведомости». Статья отличается глубиной анализа общественно-политических, экономических и культурных процессов, происходящих на территории региона в указанный хронологический период.

В статьях остальных авторов также собраны уникальные сведения об особенностях жизни местного населения. Так, в статье Е. В. Матвеевой «Материалы к вопросу о вятских костюмах XVI в.» на основе анализа архивного дела бывшего Вятского губернского правления за № 228/1743 г. прослеживается история вятских старинных костюмов. Подробная и тщательная реконструкция исторического костюма имеет не только местное вятское значение, но и более широкое в контексте этнокультурного исследования старинной русской одежды. Также эта статья содержит важную и интересную информацию по изучению особенностей быта жителей вятского края.

Журнал выходил ежемесячно объёмом 5–7 печатных листов и печатался в 1-й типо-литографии Бумполиграфтреста г. Вятки тиражом 1000 экз. Цена первого номера была 60 копеек, последующих – 70 копеек. В журнале печатались статьи сотрудников Вятского НИИ краеведения, большая часть которых была преподавателями Вятского педагогического института, по вопросам естествознания, экономике, сельскому хозяйству, истории, языкознанию, педагогике, краеведению, по изучению культуры и просвещения в Вятском крае. Всего вышло 8 номеров.

В связи с дальнейшим, более углублённым изучением края появляются новые перспективные направления в научных исследованиях по изучению природы, экономики, истории и культуры региона. В 1922–1924 годах институт краеведения принимал участие в издании губернского журнала «Вятский край». Публикация научных трудов, издательская и популяризаторская деятельность ВятНИИ краеведения получила положительную оценку у специалистов, способствовала расширению профессиональных контактов с другими научными организациями: Ленинградским и Московским ЦБК при РАН, учреждениями Казани, Перми, Шадринска, Рязани.

Н. М. Каринский много и часто размышлял о дальнейшей судьбе издания, что отражено в протоколах заседаний ВятНИИ, всегда очень переживал за своё детище, стремился сохранить его жизнеспособным и востребованным в про-

фессиональной среде. Он много внимания уделял популяризации изданий Вят-НИИ краеведения, организуя обмен изданиями с рядом крупных центральных учреждений: РАН, Бюро съездов Госплана, Российским гидрологическим институтом, Государственным институтом опытной агрономии, Географическим институтом и др. Н. М. Каринский внимательно следил, какой резонанс находит журнал в научной среде и у краеведов-практиков, какие отзывы получают те или иные публикации, старался выяснить, насколько широка читательская аудитория, попадает ли журнал в библиотеки других научных учреждений страны, и какие именно, как активно используются материалы издания в учебной, научной и практической деятельности.

Журнал был предметом постоянной заботы главного редактора. Об этом свидетельствуют архивные документы, в частности письма Н. М. Каринского: «Нашими изданиями в Москве интересуются... У нас много друзей и в провинции, особенно в Саратове (Чернов), в Костроме и других. Желателен обмен изданиями с теми организациями, которые могут пополнить библиотеку своими изданиями в более широком масштабе» (ГАКО. Р-1266. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 5).

В результате научно-исследовательской и научно-просветительской работы с 1 октября 1923 года по 30 сентября 1924 года сотрудниками Научно-исследовательского института краеведения было издано 109 статей, рецензий и заметок, которые печатались в местных журналах «Вятская жизнь», «Путь просвещенца», периодических изданиях Нижнего Новгорода «Телеграфия и телефония без проводов», Вологды и центральных органах «Краеведение», «На путях к новой школе», «Известия отдела ихтиологии Г.И.О.А.» Журнал «Вятская жизнь» издавался при непосредственном участии Научно-исследовательского института краеведения. За указанный период было выпущено 3 номера журнала: 5–6-й (двойной), 7-й и 8-й, объемом 22½ печатного листа. Сотрудникам Научно-исследовательского института краеведения принадлежит 12 статей и 9 рецензий, объемом в 81/2 печатных листов. Тираж журнала был 1000 экз. Среди наиболее важных статей за данный период можно отметить следующие:

Решетников П. Т. О наблюдениях за периодическими явлениями в природе // Вятская жизнь. 1923. № 5–8. С. 86–91.

Решетников П. Т. Вятский Научно-Исследовательский институт Краеведения (ко второй годовщине существования Института) // Вятская жизнь. 1924. № 2(8). С. 71–83.

Щеклеин С. Л. Вятский фосфорит // Вятская жизнь. 1923. № 5–6. С. 49–60.

Мейер П. К. Катодный осциллограф для низких и средних частот // Телеграфия и телефония без проводов. Н. Новгород. 1923. № 20.

Мейер П. К. Новый усилитель звуков.

Мейер П. К. Передача изображений на расстоянии.

Лукаш Б. С. Рыбы р. Вычегды (Зырянский край) // Север. Вологда, 1923. № 3–4. С. 163–176.

Лукаш Б. С. Материалы к темпу роста леща (*Abramis brama* Linne) южной части Каспийского моря // Сборник «Рыбное дело» (Известия ихтиологии Г.И.О.А.). С. 87–116.

Лукаш Б. С. К вопросу о подготовке преподавателей биологии // На путях к новой школе. 1923. № 9.

Луппов П. Н. А. А. Андриевский, один из составителей сборника «Столетие Вятской губернии» // Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения. Т. 1. С. 80–84.

Танаевский В. А. Покупка жены (очерки крестьянского обычного права Вятского края. Очерк 1) // Вятская жизнь. 1923. № 5–6.

Танаевский В. А. Крестьянский двор (очерки обычного права Вятского края. Очерк 2) // Вятская жизнь. 1924. № 2(8). С. 17–29.

Депман И. Я. Главнейшие достижения русской науки в области математических дисциплин за годы революции // Вятская жизнь. 1923. № 5–6. С. 13–27.

Депман И. Я. Анализ движения цен на вятском рынке // Вятская жизнь. 1924. № 1(7). С. 44–53.

Публикация научных трудов, издательская и популяризаторская деятельность ВятНИИ краеведения получила положительную оценку у специалистов, способствовала расширению профессиональных контактов. Широта географического охвата рассылки изданий подтверждает научную ценность, актуальность, информативность и высокий уровень публикуемых трудов профессорско-преподавательского состава института и научных сотрудников ВятНИИ краеведения. Издательская деятельность ВятНИИ краеведения, публикация отдельных статей преподавателей педагогического института в периодических столичных и провинциальных изданиях, создание собственного научного журнала стимулировали интенсивность научных исследований по изучению Вятского края, способствовали созданию научных направлений в области естественных, точных, гуманитарных наук, многие из которых получили дальнейшее развитие в последующие периоды.

Таким образом, перспективным направлением в изучении провинциального книжного дела остаётся исследование эволюции книжного дела в Вятском крае на переломном этапе, в 20-е годы XX века. Региональное книгоиздание тесно связано с отечественным книгоизданием и отражает основные закономерности и тенденции его развития, особенности формирования репертуара книг, уровень взаимодействия общества с книгой и её влияние на формирование духовной культуры местного населения. Становление книгоиздательской отрасли в Вятке во многом вызвано социально-политическими преобразованиями в стране и, в частности, необходимостью осуществлять идеологическое воздействие на массового читателя, проводить решения партии в жизнь.

Следует отметить, что с самого начала в издании местной книжной продукции сформировалась чёткая тенденция репертуарной политики, а именно доминирование краеведческой тематики. Данное обстоятельство можно считать особенностью развития книжного дела в регионе, определившееся уже в начале XX века.

Сохранившиеся архивные документы являются ценнейшим и достоверным источником, объективно отражающим основные направления и динамику развития провинциального книжного дела. Дальнейшее их изучение позволит составить более целостную картину состояния книжной культуры Вятского края на разных исторических этапах.

2.2. Новые аспекты анализа летописей в исследовании православной книги Вятского края

В рамках данной монографии в целях изучения православной книги, исследование которой имеет давние и глубокие традиции, важно рассмотреть новые аспекты анализа летописей. Тем самым духовное летописное наследие Вятского края может предстать в новом ракурсе: летописи рассматриваются как источник создания репертуара христианской литературы.

Литература, порождённая на Руси принятием новой религии, вплоть до XVI века носила преимущественно христианский характер. С жизнью Церкви, её историей тесно связан один из наиболее светских жанров средневековой русской литературы – летописание, и крупнейшим центром русского летописания XI–XII веков являлся Киево-Печёрский монастырь. Православные мотивы являлись основой содержания и более поздних летописей. Поэтому, говоря об издании православной литературы в регионе, несправедливо обойти вниманием летописи православного содержания, поскольку именно рукописные источники являются первоисточником, основой духовного литературного наследия, а репертуар православной литературы Вятского края без них будет неполным. К тому же многие из летописных источников позднее были изданы в формате печатных книг. Средоточием летописных документов является Государственный архив Кировской области¹. Какие летописные источники хранят фонды ГАКО, анализ данных документов с точки зрения православного содержания и варианты классификации по типам и жанрам – основные задачи, стоящие на данном этапе исследования. И в XIX веке, и в наше время летописи привлекали пристальное внимание исследователей. Поэтому обзор по вопросу изучения летописных источников Вятского края также будет произведён в контексте монографии.

В XIX веке значительный вклад в изучение книжной культуры региона внесли работы А. С. Верещагина, А. А. Спицына, В. П. Юрьева и других исследователей, посвящённые, в том числе, формированию книжных собраний в крае. Введённые ими в научный оборот источники (тексты памятников местной письменности, описи книжных собраний, сведения о владельцах книг и т. д.) лежали, по утверждению исследователя А. Г. Мосина, в основе изучения исто-

¹ Кировское областное государственное казённое учреждение «Государственный архив Кировской области» (КОГКУ «ГАКО») – одно из старейших и наиболее полных по составу документов региональных архивохранилищ России. В его документах отражена история не только Кировской области, но и соседних регионов – Республики Марий Эл, Республики Татарстан, Удмуртской Республики, образованных полностью или частично из состава территории бывшей Вятской губернии. Как государственное учреждение архив организован 8 мая 1918 года в соответствии с постановлением президиума Вятского губисполкома «Об организации губернского советского архива».

рико-культурных процессов на Вятке вплоть до 70-х годов XX века (Мосин, 1986). В Трудах Вятской учёной архивной комиссии (выпуски начала XX века) вышел ряд оригинальных сочинений: вышеупомянутыми исследователями были опубликованы тексты «Повести о стране Вятской», «Жития Трифона Вятского» и других памятников местной письменности.

Говоря о письменных первоисточниках, закономерно коснуться вопроса рукописной традиции в Вятском крае. В обстоятельной работе А. Г. Мосина объектом изучения является книжная культура русского населения Вятского края периода позднего феодализма. В разделе «Рукописные традиции и круг чтения крестьян, горнозаводского населения и горожан» исследователь отмечает: «В XVI–XVII веках переписка книг была одним из важных источников пополнения книжных собраний на Вятке. К концу 20-х годов XVII века рукописная книга в волостных церквях ещё численно преобладала. В XVIII – первой половине XIX века при церквях переписываются в основном Синодики, службы престольным праздникам. В рукописной традиции живут созданные на Вятке исторические и агиографические сочинения, но крестьянство с ними практически не было знакомо» (там же, с. 14). Раскрывая вопрос о круге чтения вятских горожан (купцов, мещан, чиновников), исследователь замечает, что в этой среде бытовали рукописные сборники, включавшие как произведения древнерусской литературы, так и новой, отразившей события российской истории XVII века, переводные сочинения, памятники местной письменности. Сохранившиеся дневниковые записи свидетельствуют о многофункциональности рукописной книги XVIII века. Особую активность в поддержании рукописной традиции на Вятке проявили старообрядцы. Если брать во внимание церковную православную литературу, Мосин отмечает, что «среди рукописей Успенского монастыря 30% составляли “четы”, в их числе было много списков северорусских житий».

Возникает закономерный вопрос: где сегодня можно познакомиться с текстами памятников местной письменности в объективном изложении?

Авторитетным печатным источником является «Энциклопедия земли Вятской»² (Том 2. Литература. Киров, 1994). В предисловии его автор (один из составителей тома энциклопедии доктор филологических наук, профессор В. А. Поздеев) сообщает, что тексты средневековой вятской литературы даются по публикациям XIX века, некоторые в современных переводах. «...Везде, где это возможно, сохранены синтаксические возможности первой публикации, смысловые курсивы, а также написания, отражающие литературную норму своего времени. Тексты печатаются по новой орфографии» (Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1994, с. 10).

² Энциклопедия земли Вятской (ЭЗВ) – универсальная научная краеведческая энциклопедия Кировской области. Соучредителями выступают Правительство Кировской области и областное отделение Союза писателей России. Бессменным председателем редакционной комиссии энциклопедии является Владимир Арсентьевич Ситников, председатель областного отделения Союза писателей. Основными источниками документальных материалов являются Государственный архив Кировской области и областная библиотека им. А. И. Герцена. Крупный пласт информации обеспечивают работы Вятской учёной архивной комиссии, собиравшей и анализировавшей исторические документы вятского краеведения в к. XIX – н. XX веков.

В обзорной статье «От Трифона Вятского до Ермила Кострова», открывающей раздел I «Литература XVII–XVIII веков» II тома энциклопедии литературы-краеведы К. Г. Бронников, Л. Н. Лузянина, В. А. Поздеев, давая характеристику издаваемой в Вятке литературе периода XVII–XVIII веков, отмечают, что вятская средневековая литература мало изучена и почти не публиковалась. Широкому читателю она практически неизвестна. Как наиболее интересные из произведений XVII–XVIII веков исследователи выделяют следующие: «Житие и подвиги и отчасти чудеса преподобного отца нашего архимандрита Трифона, Вятского чудотворца и начальника обители Успенья Богородицы, что в Хлынове», «Повесть о стране Вятской», «Повесть о явлении чудотворного образа Великорецкого отца нашего Николая...», «Вятский временник», «Летописец старых лет». Примечательно, что названные летописные произведения являются православной литературой (к такому выводу мы пришли при знакомстве с содержанием источников). Поскольку с большинством летописных источников и рукописей православного содержания широкий читатель не знаком, выявление этих документов в фондах архива сегодня особенно актуально. В целях знакомства читателя с летописными источниками православной направленности практическую значимость исследования будет представлять создание указателя православной литературы Вятского края.

По мнению литературоведов, именно летописные источники являются одним из интереснейших пластов средневековой литературы. Их можно рассматривать и как исторические описания, и как художественные произведения. Примерами таковых в вятской литературе филологи называют «Вятский временник», «Повесть о стране Вятской», «Повесть о явлении чудотворного образа Великорецкого отца нашего Николая...», «Вятский временник», «Летописец старых лет». Примечательно, что названные летописные источники мы можем отнести к православной литературе. Даже если источник представляет собой историческое описание церкви, епархии, Вятского края, история в нём отражается в контексте православной традиции. Нередко к тому же авторами-составителями летописных источников являлись люди, сопричастные к Церкви, что также отражалось на содержании источника. К примеру, над «Вятским временником» трудились дьячок Богоявленского собора Семён Попов и его сын Иван. В этом «летописании» излагаются события вятской истории с 1391 по 1700 год.

Другой известный летописный источник, заслуживающий внимания, – «Повесть о стране Вятской», которая долгое время служила единственным историческим документом, из которого местные и столичные историки черпали факты. «Повесть...» датирована концом XVII – началом XVIII века, автор «Повести о стране Вятской» не известен, однако исследователи-литературоведы не сомневаются, что это один из книжников литературного кружка архиепископа Ионы Баранова³. Филологи (составители II тома «Энциклопедии земли Вятской») утверждают, что многие факты «Повести» недостоверны, противоречивы

³ Иона Баранов – архиепископ Вятский и Великопермский (1674–1699), второй архипастырь с момента основания Вятской Епархии (учреждена в 1657 году).

(Энциклопедия земли Вятской, т. 2. Литература, с. 11–12). По мнению кировских филологов, путаницу внесли пересказы «Повести» (П. И. и Н. П. Рычковы). При этом на веру «Повесть...» приняли известные русские историки XIX века – Н. М. Карамзин, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский. Некоторый отход от исторической основы автор «Повести» компенсирует индивидуальным взглядом и эмоциональной оценкой события, например: *«И видевши новгородцы той град на прекрасной высокой горе, возжелаша ратию взятии его и обещахася прародителям своим российским великим князьям страстотерпцам Борису и Глебу и заповедоша всей дружине своей поститися и ни ясти и не питии...»*. «Повесть» проникнута духом патриотизма, гордостью за свою древнюю Вятскую землю», – отмечают литературоведы (там же, с. 12).

Назовём ещё один источник, где в печатном формате представлено данное произведение: «Повесть о стране Вятской. Свод летописных известий о Вятском крае» (Спицын, 1993). В предисловии сообщается: «"Свод летописных известий о Вятском крае", составленный А. А. Спицыным, содержит "Повесть о стране Вятской". Эта "Повесть" является сейчас большой редкостью и после 1905 года не издавалась. Она является первоисточником, преданиями жителей Вятского края о его первоначальном заселении славянами...» (Повесть о стране Вятской..., 1993, с. 3).

В книге названы десять известных списков «Повести» с указанием их применения в российской историографии (там же, с. 5–6):

- 1) Казанский, напечатанный в Казанском Вестнике, 1824 г.
- 2) Миллеровский, в Архиве Иностранной Коллегии в собранных Миллером исторических бумагах № 73. Этим списком пользовался Карамзин.
- 3) Список Публичной Библиотеки. Из библиотеки гр. Ф. А. Толстого, отд. 2 № 432. Номер Публичной Библиотеки 1/143. Пользовался Костомаров.
- 4) Список Рычкова, известен по изложению его в Казанской Истории, стр. 188, и Журнал Рычкова, ч. 2, стр. 30.
- 5) Краткая выписка из партикулярной летописи о заведении г. Вятки, в Архиве Вятской Государственной Управы в делах 1798 года. Выписка представляет собою весьма близкое к подлиннику изложение «Повести» по одному из ее списков. Выписка ничего не говорит о независимости вятчан, об их борьбе с князьями и соседними иногородцами, это обстоятельство наводит на мысль, что составлявший выписку пользовался таким списком повести, в котором находился рассказ только о церковных событиях на Вятке 29 мая 1798 года. Краткая выписка вместе с ведомостью о числе жителей и строений в г. Вятке была представлена в Казани ген. адъютанту Кушелеву.
- 6) Список архива вятского губернского правления, при деле 1781 года за № 1231 (о географическом описании вятского наместничества).
- 7) Блиновский, ныне утрачен. Начало списка и его описание в Вятских Вед. 1866.
- 8) Список редакции Вятских Ведомостей напечатан в Вят. Вед. 1866, 34 и 35 (были отдельные отгиски в 17 стр.).

9) Список Синодальной Библиотеки, под заглавием: (о вятской стране повесть). По указателю арх. Саввы № 841, л. скрп. XVIII, 8 л.

10) Список еп. Лаврентия, там же при рукописи (опись имущества Лаврентия еп. Вятского) № IV, 4 скрп. XVII, 562 л.

Чтобы выяснить, на каком основании можно отнести «Повесть о стране Вятской» к православной литературе, обратимся к её содержанию: *«Болванский городок, иже ныне нарицается Никулицыно по реке Никульчанке. Осаждая город, новгородцы обращались к святым Борису и Глебу. И видевши новгородцы той град на прекрасной высокой горе, возжелаша ратию взятии его и обеща- шася прародителям своим российским великим князьям страстотерпцам Борису и Глебу и заповедоша всей дружине своей поститися и ни ясти и не пи- тии, еже бы им получить той Болванский чудской городок под обладание себе и ту селитбу имети. И приступавшее к тому граду вельми жестоко и сурово, призываху на помощь святых страстотерпцев Бориса и Глеба и глаголющее яко иногда новгородскому великому князю Александру Невскому даровати е- сте победу на супротивныя шведы за рекою Невую явистесь плывуще в насаде, тако ныне нам способствуйте молитвами вашими и помощью всесильного в Троице славимого Бога. И предстательством Пресвятая Богородицы и хода- тайством святых страстотерпцев великих князей Бориса и Глеба той крепкий град взяша воинским промыслом в лето 6689 (1181) месяца июля в 24 день на память их всероссийских князей Бориса и Глеба ту множество чуди и отяков, а иныя по лесам разбегошася; и по обещанию своему поставиша в том граде церковь во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба и нарекоша той град: Никулицын⁴».*

Как показывает анализ содержания, в описании исторических фактов отражена христианская традиция: обращение православных воинов за помощью к святым заступникам, упование на *«всесильного в Троице славимого Бога»* и предстательство Пресвятой Богородицы. Отражение православной традиции при описании исторического события позволяет нам отнести данный летописный источник к классу «околоцерковной литературы», к типу – православной художественной, жанру – летописи.

В анализируемой брошюре представлен также «Свод летописных известий». «Свод» печатается главным образом на основании летописных известий, помещённых в «Вятских Епархиальных Ведомостях» в выпусках 1879 и 1880 годов. Летописный свод – исторический источник и, на первый взгляд, к православной литературе не имеет отношения. В своде перечисляются конкретные исторические факты. Однако анализ содержания показывает, что часть описываемых событий отражает православные традиции русского народа, почитание святынь, описание церквей. В подтверждение данного вывода приведём цитаты нескольких «известий» («Повесть о стране Вятской. Свод летописных известий о Вятском крае», 1993, с. 28):

⁴ Никулицкое городище (село Никульчино) существует и сегодня в 12 км от Вятки. В селе храм в честь святых Бориса и Глеба.

1557. Того же лета после Покрова в седьмой день в среду после обеда стречали со кресты устюжана всем городом у Воздвиженья Николу Великорецкого: шёл с Москвы от царя и великого князя, а к Москве ездил с Вятки мимо Казани, и много людей прощал по городам, и на Москве, и на Устюге (Арханг. лет.)

1570. Октября в 1 день на Москве, у Флоровских ворот, на рву у Троицы, совершены 9 церквей, в начале соборная церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, в них же в пределе с южной стороны церковь чудотворца Николая Вятского Великорецкого. Егда бо начаша здати и основаша осьми бытии церквам, обретёжеса 9-я. В то же время прииде к Москве образ чудотворный Николая Великорецкого с Вятки, зиждуице нарекоша 9-ю церковь Николаю чудотворцу (Юфер. Врем.)

1645. Лета 7153 году сентября во 2 день по указу царя и великого князя Михаила Фёдоровича вся России поехали к Москве с чудотворным образом Николаем Великорецким (Ряз. Лет.)

Поновлён чудотворный образ Николая Великорецкого (Ряз. Лет., Юфер. Врем.)

1658. Лета 7166 году апреля в 4 день приехал на Вятку преосвященный Александр епископ вятский и великопермский, 182 (1674) году генваря в седьмой день поехал на Корежму преосвященный Александр епископ на обещание своё; оставя престол, посхимился, быв на престоле 16 лет. (Ряз. лет. и Юф. Врем.)

Таким образом, как и «Повесть о стране Вятской», «Свод летописных известий» можем отнести к православной литературе.

Обращаясь к источникам Государственного архива Кировской области, мы ставили задачу выяснить, какие рукописные источники православного содержания, созданные в Вятской губернии в дореволюционный период, хранят сегодня фонды ГАКО. В результате анализа обнаружено порядка 44 летописных источников. Большинство дел в формате рукописей православной тематики хранятся в Фонде № 170 – это фонд Вятской учёной архивной комиссии.

Чтобы нагляднее представить массив выявленных документов по их функциональному назначению, рассмотрим обнаруженные источники согласно типологии православных изданий (Книга и книжное дело в России... 2014, с. 54). Итак, классифицируем обнаруженные в фондах ГАКО рукописные православные источники сообразно типам и жанрам православной литературы.

Самыми многочисленными по количеству названий документов оказались **рукописи религиозно-популярного назначения** – 22 источника.

В основном это *исторические очерки* с описанием истории вятских церквей: «Описание древних церквей и икон» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 245. Л. 31); «Материал к истории Богоявленского собора» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 251); «Исторический очерк села Богородского и Вознесенской церкви. 1844 г.» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 252); «Исторический очерк о Троицкой церкви и фотографии Благовещенской церкви г. Яранска» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 258); «История храма Преображения села Подчуршинского, Слободского уезда и часовни на городище, села Спасского» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 254).

К жанру исторического очерка о православных святынях можно отнести и рукописи об истории Трифонова монастыря: Реутов «Записки о Трифоновском монастыре» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 248. Л. 17); «История Вятского Успенского Трифонова монастыря со дня основания и до наших дней (1580–1912)» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 249. Л. 13); исторический очерк об истории Вятской епархии: «Епархія или подтстаніе о начале Вятской Епархіи и о бывшихъ въ Оной Архіереяхъ» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 243. Л. 32) – по завершении текста на 23-й странице указано авторство: Иоанний Епископ Вятский и Слободской.

Примечательно, что практически все названные источники отмечены сотрудниками архива как «особо ценные» (дела имеют пометку «ОЦ», что свидетельствует об особой исторической ценности документов). Документальную ценность представляет рукопись «8 октября в Вятке» (1864 г.: освящение Александро-Невского собора) (Ф. 574. Оп. 8. Д. 26). К данному типу также отнесен документ «Исторический очерк Ставропигиального Воскресенского монастыря, именуемого “Новый Иерусалим”» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 250), притом, что монастырь, о котором повествуется, не является вятской обителью, но, поскольку документ хранится в фонде Вятской учёной архивной комиссии и к тому же может представлять интерес для современных исследователей, посчитали должным отразить его в исследовании.

К типу «религиозно-популярные издания» нами также отнесены *эпистолярные источники*, представленные в основном письмами архиереев и священнослужителей. Если обратиться к содержанию писем, выдержки большинства таких источников представляют отчасти проповедь жизни по заповедям Божиим. Приведём в качестве примера некоторые документы этого жанра: «Из писем преосвященного Кирилла. К протоиерею А. П. Шиллегодскому» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 204. Л. 26); «Письма Неофита А. П., напечатанные в «Трудах» (ВУАК) (Ф. 170. Оп. 1. Д. 198. Л. 66); «Письма преосвященнейшего Алексея Титова Петру I, Екатерине I и А. В. Макарову». А. Верещагин (Ф. 170. Оп. 1. Д. 195. Л. 43); Рукописи Слободского протоиерея Иоанна Васильевича Куртиева (Ф. 170. Оп. 1. Д. 494. Л. 110). Ряд «писем» отражает Россию XIX века, в части источников называются известные исторические персоны, поэтому закономерно, что некоторые из эпистолярных документов признаны сотрудниками архива как особо ценные.

К типу религиозно-популярных источников мы отнесли также рукописи об обретении и путешествии Великорецкой иконы святителя Николая (по аналогии с типологией, предложенной Злыгостевой (Злыгостева, 2011): издания об истории святынь): «Повесть о Великорецкой иконе» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 264. Л. 38); «Сказание о святой Великорецкой иконе» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 265. Л. 7). Стоит отметить, что часть источников, повествующих о Великорецкой святыне, отнесены нами к типу «религиозная художественная литература», ещё часть – к типу «рукописи исследований православных святынь». При отнесении рукописи к тому или иному типу мы руководствовались её функциональным назначением, которое отражается в содержании и форме подачи информации. К религиозно-популярным отнесены три источника об этой святыне, все они значились в «Трудах ВУАК». С одной стороны, данные рукописи излагают ре-

альные исторические события, с другой, – знакомя читателя со святынями края, их почитанием и исцелениями, полученными от икон, имеют тем самым религиозную направленность.

Важно отметить, что при отнесении обнаруженного источника к тому или иному типу недостаточно руководствоваться исключительно названием документа. К примеру, название источника «Выписки из летописей по истории Вятской земли» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 56. Л. 38) указывает на литературно-художественную направленность летописного документа. Однако при ознакомлении с содержанием обнаруживаем, что рукопись представляет своеобразный православный исторический альманах. В документе приведены различные факты не только православной Вятки, но и общероссийского значения: «10 марта 1690 года получена была в Хлынове со стольником Григорием Облезовым грамота о рождении царю Петру Алексеевичу царевича Алексея (Вятская История, 252)». В рукописи есть выдержки из «Жития преп. Трифона и блаж. Прокопия» об исцелении Марфы Тимофеевны заступничеством святых преподобных Трифона и Прокопия (автор иеромонах Стефан). Источник также включает материал «Беседа о Церкви, ея составъ и вечности священства и таинства св. Причащения, веденная Синодальнымъ Миссіонеромъ Протоіереемъ О. Ксенофонтомъ Крючковымъ с. Тушка Малмыжскаго уезда съ начетчикомъ Федосьевскаго согласія Феодотомъ Пермьяковымъ 21-го Мая 1904 г.» Беседа по содержанию представляет собой проповедь Христова Учения, о чём сообщается в самом её начале: «Беседа есть учреждение Божие. Христось Свое учение распространял через проповедь, то есть беседу...». В конце указан автор рукописи беседы – *священникъ Петрхъ Трапицынъ*. С 28-го по 38-й листы занимают «Таблицы христианского вероисповедания», в них отражена суть христианской религии в тезисах, первый из которых – «Христианство есть откровенная религия, преподанная роду человеческому Иисусом Христом». Затем приведены догматы в соответствии с ветвями христианской религии – учениями. Таким образом, анализ содержания источника позволяет объективно отнести документ к религиозно-популярной литературе.

Другой тип обнаруженных рукописей православного содержания обозначен как **«религиозные литературно-художественные источники»**. В основном сюда относим *летописи, представляющие собой повествования*. 10 источников, обнаруженных нами в фондах ГАКО, причислены к данному типу. В названиях большинства значится, что это «летопись...».

Итак, к **религиозным литературно-художественным** источникам нами причислены два источника о прославлении Великорецкого образа святителя Николая: 1) «Материал об образе Николая Чудотворца Великорецкого» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 266. Л. 6); 2) «Повесть о явлении чудотворного образа Великорецкого, иже во святых отца нашего Николы архиепископа Мирликийских и вселенского Чудотворца» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 267. Л. 8). Рукописи отнесены к данному типу, поскольку их повествование приближено к летописанию.

К данному типу мы отнесли также следующие летописные источники: «Летописец о стране Вятской» (по миллеровскому списку) (Ф. 170. Оп. 1. Д. 55. Л. 27); «Временник еже нарицается летописец Российских князей, како

начая в Российской земли княжение и грады утвердишоя. Вкратце написано» А. Верещагин (Ф. 170. Оп. 1. Д. 63); «Летописец старых лет что учился в Московском государстве и во всей русской земле в нынешние последние времена» А. Верещагин (Ф. 170. Оп. 1. Д. 53. Л. 18); «Повесть о стране Вятской» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 76. Л. 6); «Летопись Великоустюжская» 1780 г. (Ф. 170. Оп. 1. Д. 59).

Названия многих обозначенных источников указывают на историческое содержание летописей. Возникает вопрос, насколько источник соответствует понятию «православная литература». Чтобы ответить на данный вопрос обоснованно, обратимся к содержанию некоторых рукописей.

«Летопись Великоустюжская» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 59) – рукописный источник 1780 года значится как «особо ценный». На пяти листах чернилами в предисловии обозначено: *«Летопись Великоустюжская тоже составлена в позднейшее время, именно около 1780 года, священником Устюжского Успенского собора Львом Вологдиным»*. Летопись издана в Москве в 1889 году А. А. Титовым. Исследователи отмечают в ней некоторые известия из других, гораздо более древних летописей. *«В лето 1345 Новгородцы на 70 судах проплыли мимо Устюга и продолжали путь свой ввехъ по Югу, а оттуда, переправившись на Волгу следовали вниз по оной: потомъ же вверхъ по Камеъ гдеъ основали городъ Хлыновъ»*. В конце рукописи приводится малоизвестный факт о нашествии на Вятку татаро-монгол и сожжении церквей. *«1542 года Казанские татары, пройдя чрезъ Вятку въ числехъ 4000 человекъ сожгли на Дымцовеъ двеъ церкви: Дмитрія Селунскаго и Сергія Рожденскаго (Радонежскаго) и 43 двора: посси того татары были разбиты вятчанами близъ Котельнича»*. Участие в создании летописи священника, факты о строительстве церквей – всё это позволяет говорить об отражении православной традиции в контексте истории основания г. Хлынова новгородцами.

Этой же теме посвящена рукопись «Летописец о стране Вятской» (по миллеровскому списку) (Ф. 170. Оп. 1. Д. 55. Л. 27). В «Летописце» повествуется об истории Руси, междоусобицах князей, о пришествии их из великого Новгорода на Вятскую землю. Страницы об основании земли Вятской пропитаны православной традицией. Об этом, например, свидетельствует обращение к князьям страстотерпцам Борису и Глебу: *«И приступившее къ этому граду вельми жестоко и сурово призываху на помощь святыхъ страстотрпцевъ Бориса и Глеба, глаголющее: якоже иногда Новгородскому великому князю Александру Невскому даровати есте Победу надъ сопротивныя Шведы за рекою Невую явистеся главуше в насадъ, тако и нынъ намъ способствуйте молитвами вашими. И помощію всесильною въ Троице славимаго Бога и предстательствомъ пресвятая Богородицы, а ходатайствомъ святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глеба тотъ крепкий градъ взяша воигласнымъ промысломъ в лето 6689 месяца июня в 24 день на память ихъ всероссийскихъ князей святыхъ князей Бориса и Глеба и любивша эта множества чуди и отяковъ, а инѣ по мѣсамъ разбѣюшася, и по общанію своему поставивша въ этомъ градъ церковь во имя святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глеба и нарекоша той градъ Никулицынъ...»*. В завершение повествуется о хождении с Чудотворным образом Великорецким святи-

теля Николая *«кругъ всего града Хлынова учиниша с постом и молитвою чудесь ради бывающихъ от него, дабы христіанскому народу той чудотворный образъ видимъ былъ и день празднества его явленія ради образа чудотворнаго его образа всему народу узаконенъ и былъ въедемъ»*.

«Времяник еже нарицается летописецъ Российскихъ князей, како начася в Российской земли княжение и грады утвердишося. Вкратце написано». А. Верещагин (Ф. 170. Оп. 1. Д. 63. Л. 56) – данная рукопись на 56 листах представляет собой исторический труд. В летописи повествуется об основании и прославлении земли Русской: *«Изъ начала отъ созданія міра 5370 лета, отъ Рождества Христова 861 г., при царствевъ Михаила царя греческаго, сына Феофилова и матери его Феодоры начася прославлятися русская земля и княженіе утверждатися. Прежде братися Новгородская область, потомъ и Кіевская...»*. Это ценный исторический источник общероссийского уровня. Примечательно, что труд выполнен вятским автором и в историю государства Российского вписана вятская святыня – чудотворный образ Николая Велікорецкого (на с. 42 повествуется о поновлении святыни), что позволяет нам отнести данный исторический источник также к православной околоцерковной литературе.

Ещё одним особо ценным источником, по обозначению специалистов архива, является рукопись А. Верещагина объёмом в 36 страниц, выполненная каллиграфическим почерком чернилами, *«Летописецъ старыхъ летъ что учился в Московскомъ государстве и во всей русской земле в нынѣшніе послѣдніе времена»* (Ф. 170. Оп. 1. Д. 53. Л. 18). В летописном источнике отражены значимые события государства Российского во временной промежутке с XII по XVII век. И вновь отмечаем: история страны тесно переплетена с христианской традицией. О православном содержании свидетельствуют уже первые строки летописи: *«Лета 6662 (1154) году принесена бысть чудотворная икона, пречистыя Богородицы Владимирские образъ, изъ Царя-града во Владимиръ градъ великимъ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ боголюбскимъ Долгорукимъ, а написалъ тотъ чудотворный образъ святой апостоль и евангелистъ Лука прежде святаго преставленія ея, зря на ни царицу нашу Богородицу»*.

Помимо летописных источников к типу «религиозная художественная литература» нами отнесена рукопись «Горе отца диакона» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 288. Л. 10).

К типу религиозной художественной литературы причислен также «Краткий очерк по истории Вятского края с 1676 по 1780 г.» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 72а), автор рукописи неизвестен. Отнести исторический источник к данному типу нам позволяет уточнение типологии православной литературы, когда тип «религиозная художественная» был жанрово и тематически расширен: понятие стало включать источники об истории края, страны, которая раскрывается в контексте православной традиции. По жанру источник можно определить как «православная историко-краеведческая проза». Рукопись представлена в книжном переплете на 583 страницах, выполнена чернилами, аккуратным каллиграфическим почерком. В повествовании книги содержатся факты об основании церквей и о пожарах, случавшихся в г. Хлынове в XVII веке. В книге рассказы-

вается о политическом устройстве города – об избрании в бургомистры купечества, об истории древних городов Вятки: Орлова, Слободского, Котельнича, Уржума, а также об основании в Хлынове заводов. Книга представляет собой источник по истории края. Однако уже в начале повествования история края тесно переплетена с историей православных церквей. Даже приводя статистические сведения (там же, с. 360) – данные переписи о количестве проживающих в городе посадских людей и казённых крестьян в первой половине XVIII века, автор рукописи указывает количество дворов и людей, трудящихся в монастырях – Успенском Трифоновом, Чепецком и Раифской пустыни. Уже начало повествования указывает на переплетение истории города с церковной историей: *«До времени епископа Ионы не было на Вятке вовсе обыкновения, следов, и мало понятия – строить здания каменные; потому таковых вовсе здесь не было. Преосвященный сей положил вскоре тому начало, основанием каменного кафедрального собора в 1676 году (при великом Иоакиме, патриархе всея России). Крест под престолом с таковою надписью: Водружен бысть сей Честный и Животворящий Крест в начало и основание святыя, великия, соборныя и апостольския церкви во имя Живоначальной Троицы: Отца и Сына и Св. Духа, на Вятке, в селе в сем богоспасаемом граде Хлынове, при державе Благодетельнейшего и Самодержавнейшего Государя нашего Царя и великого князя Федора Алексеевича всея Великия и Малыя и Большая России Самодержца, в первое лето державы и царева при великом Иоакиме, патриархе всея России, он не оставил в бытность свою прошлаго года в Москве посоветовать с тамошними зодчими, какого рода людей, равно как и рабочих каменных мастеров, на Вятке вовсе не было, и вызвать мастеровых работников в Хлынов».* Далее идёт повествование о закладке, строительстве и освящении соборов в г. Хлынове, о создании архиерейского дома в каменном исполнении, о пожарах, которые послужили уроком для воздвижения каменных строений.

Важно отметить, что помимо документов, названия которых прямо указывают на принадлежность к истории церквей, епархии, святынь края, а потому после ознакомления с содержанием были отнесены нами к массиву православных первоисточников, несколько документов, выявленных в фонде № 170, обозначены нами как «краеведческие исторические». Среди таковых летописей значатся следующие: рукопись П. М. Сорокина об истории Вятской земли 5 мая 1909 г. (Ф. 170. Оп. 1. Д. 71); Вештомов «История Вятки» (Рукопись 1676–1780) (Ф. 170. Оп. 1. Д. 72); «К истории покорения Вятки» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 99); «О походе вятчан на Югру в 1499 г.» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 101). Данные источники оставляем за пределами понятия «православная литература», поскольку в основе повествования раскрывается непосредственно история края либо описываются события по большей части с исторических позиций.

По аналогии с научными богословскими изданиями выделяем тип **«рукописи исследований православных святынь»**, включающий рукописные исследования по истории святынь Вятского края. В числе таковых источников четыре исследования посвящены истории Великорецкого образа святителя Николая и повестям о нём. Остановимся подробнее на данных источниках.

1) «Повести XVII–XVIII века о Великоорецкой иконе святителя Николая» А. Верещагин (Ф. 170. Оп. 1. Д. 263. Л. 10). Здесь не представлены тексты самих повестей, рукопись автора А. Верещагина представляет собой анализ имеющихся на Вятке «Повестей» и «Сказаний» о святителе Николае Великоорецком. Высказывается побуждение исследователя издать последовательно «Сказание» и «Повести» в «Трудах Вятской учёной архивной комиссии».

2) А. Верещагин «О Великоорецкой иконе» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 262. Л. 15). Этот рукописный источник фонда Вятской учёной архивной комиссии содержит достоверные факты об истории Великоорецкого образа, о путешествиях иконы в Москву, об истории создания повести об иконе. В рукописи автор также делает обзор церковей Вятской земли, в том числе села Великоорецкого. «Богоспасаемый град Хлынов» и другие подобные используемые автором речевые обороты свидетельствуют о православном содержании. В своём труде автор ссылается на оригиналы «Повести о Великоорецкой иконе», на дозорные книги епархии, церковные ведомости и другие документальные источники, что позволяет отнести источник к типу – «рукописи исследований православных святынь».

3) «Послесловие к повестям (издателя)» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 177. Л. 22). Имеются в виду Повести о Великоорецкой иконе святителя Николая. Неизвестным «издателем» произведён анализ повестей на предмет объективности фактов, описанных в рукописях, попытка сверки повествования с реальными событиями, происходящими на Вятке и в стране в контексте данного периода истории. Анализируются события прихода новгородцев на Вятку, в частности автор задаётся вопросом: какое время считать основанием Вятской земли. Для историков документ может оказаться ценным источником для уточнений и сверок фактов тематических исследований. В архиве значится как «особо ценный».

4) «К истории Великоорецкого образа святителя Николая Чудотворца» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 269. Л. 11). Данная рукопись не имеет авторства, но относится к фонду № 170 – фонд ВУАК. По всей видимости, члены Вятской учёной архивной комиссии потрудились над сверкой различных списков/вариантов «повести» о чудотворном Великоорецком образе святителя Николая. В документе обнаруживаем сравнение «рукописи летописного характера», изданной в «Вологодских Епархиальных Ведомостях», касающейся пребывания в Устюге и Вологде вологодской иконы святителя Николая в 1555 году изыскателем по истории вологодского края г. Суворовым, рукописи «архангелогородского летописца», «Повести о явлении образа св. Николая чудотворца при реке Великой», редакции «Повести о явлении чудотворного образа великоорецкого», хранящейся в Синодальной библиотеке. Соотнесение данных источников позволяет исследователям ВУАК поставить ряд вопросов относительно истории Великоорецкого образа святителя Николая, путешествия иконы в Москву, пребывания святыни в Вологде, ответы на которые могут вызвать интерес и у современных историков, священников, краеведов.

Значимым исследованием православных святынь является документ фонда ВУАК «Вятский Успенский монастырь при преподобном Трифоне (по доку-

менту 1601 г.)» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 249а. Л. 41). Источник значится как «особо ценный», автором-составителем выступил исследователь А. Н. Верещагин. Помимо религиозной труд имеет большую историческую ценность. В рукописи, оформленной в книжный переплёт, практически на каждой странице наблюдаем ссылки на Древние Вятские акты, что свидетельствует о достоверности приводимых автором сведений. Автор также ссылается на профессора С. Платонова «Лекции по Русской истории» (1899, вып. II, с. 56) и другие исторические источники. Здесь представлено и «Житие преподобного Трифона», известное по рукописям, которые были знакомы его издателям – П. Д. Шестакову и А. Е. Кибардину. В завершение труда автор приводит «Пояснения к некоторым словам Дозорной Книги». Среди терминов встречаются и православные определения, множество названий православных икон. Делая жизнеописание преподобного Трифона, автор приводит интересные факты и показывает события Вятки в контексте российской истории, в частности задаётся вопросом: *«Известен ли был преп. Трифон московским боярам? Знали ли его Романовы, Черкасские?»* И далее размышляет: *«Больше вероятно, что знали. К преп. Трифону, как видно из дозорной книги, чрезвычайно благосклонен был царь Федор Иванович: он дал в монастырь Трифону 15-пудовый колокол, и между пожертвованными сюда образами, книгами, церковными сосудами и одеждами было не мало “царского жалования” на престол...»* Все вышеприведённые аргументы позволяют не просто отнести данный источник к «рукописи исследований святынь», но обозначить его как полноценный «научный труд», представляющий и в наше время большую историческую ценность.

К типу **«церковно-практические источники»** причислены следующие документы: Списки с богомольных грамот (Ф. 170. Оп. 1. Д. 30. Л. 6) – содержание рукописи отражает церковный быт Вятки времён Российской империи («Списки» включают многочисленные имена священнослужителей и названия церквей); Акты Слободского и Богоявленского монастыря. История Донско-Стефановской церкви. Выпуск 1. 1915 г. (Ф. 170. Оп. 1. Д. 20); Рукописи о расколе (Ф. 574. Оп. 8. Д. 56. Л. 28).

К типу **«информационные религиозные источники»** причислен «Указатель к сказаниям Русских летописцев о Вятке» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 57) и «Список книг Духовной семинарии» – две единицы хранения (Ф. 170. Оп. 1. Д. 350) и (Ф. 170. Оп. 1. Д. 360). Примечательно, что в «Списке книг Духовной семинарии» – дело № 350 – отражены церковные книги разных направлений, многие на церковно-славянском языке. Репертуар представлен на десяти листах. В основном «списки» включают богословскую литературу. Однако в «Списке книг Духовной семинарии» – дело № 360 – преимущественно отражены издания церковно-практического назначения. Неразборчивый почерк обеих рукописей не позволил нам воссоздать подробный репертуар Духовной семинарии.

К типу **«официальные религиозные документы»** причислен всего один источник: «Дело об увольнении послушника Слободского Крестовоздвиженского монастыря Игнатия Сырцова в Иерусалим для поклонения Святымъ местамъ». Дело 1843–1844 года. (Ф. 582. Оп. 107. Д. 386. Л. 10).

Итак, нами проанализирован репертуар рукописных источников православного содержания, хранящихся в фондах ГАКО. Проведена попытка классификации рукописей согласно их функциональному назначению. По типам преобладают рукописи религиозно-популярного характера (документы об истории местных церквей и святынь), а также летописные источники, причисленные к типу религиозной художественной литературы.

По тематике преобладает описание истории, почитания, путешествия в Москву Великоорецкого образа святителя Николая Чудотворца. Подробнее об этом аспекте вятского летописания сообщается в нашей статье «Образ святителя Николая Чудотворца Мир Ликийских в православной литературе Вятского края XIX – начала XX веков» (Баёва, 2015).

Большинство единиц хранения значатся как «особо ценные документы», что, по мнению экспертов – специалистов архива, означает их историческую ценность. Большинство выявленных документов можем отнести, согласно нашей классификации, к разряду «околоцерковная литература» – это литература православного содержания, где христианская традиция раскрывается в контексте основной темы повествования. Взаимосвязь православной традиции и истории Вятского края явно прослеживается при анализе содержания летописей, что подтверждает гипотезу, выдвинутую нами в начале исследования: литература на Руси зарождалась как православная, – это касается и летописания не только всей Руси, но и регионов, в частности Вятского края.

Большинство документов, имеющих отношение к церковной направленности, хранит фонд Вятской учёной архивной комиссии № 170. Это свидетельствует, что рукописные источники привлекали внимание историков ещё в XIX–XX веках. Особенно много на этой ниве потрудились исследователи А. Н. Верещагин и А. А. Спицын.

Однако и сегодня интерес краеведов к изучению православных первоисточников продолжается. В качестве примера приведём названия научных статей только одного сборника материалов III Межрегиональной церковно-научной конференции «Обретение святых» г. Киров (Вятка) 23 октября 2011 года: Чурина И. О. Новые источники по истории почитания преподобного Трифона Вятского (Обретение святых, 2011, с. 5–9); Чурина И. О. Список Жития преп. Трифона Вятского из собрания Российской государственной библиотеки в контексте рукописной традиции памятника (Обретение святых, 2011, с. 10–14); Балыбердин А., прот. «Повесть о Великоорецкой иконе» из собрания РГА-ДА. Изучение продолжается (Обретение святых, 2011, с. 40–50); Сгибнева Н. Ф. Рукописный сборник проповедей конца XVII века «Статир»: история открытия, итоги и перспективы изучения (Обретение святых, 2011, с. 59–63); Дудин А., прот. Новый документ к биографии архиепископа Кировского и Слободского Вениамина (Тихоницкого) (Обретение святых, 2011, с. 161–163); Зорина Л. Н. Культурологическая проблематика «Повести временных лет» (Обретение святых, 2011, с. 177–182).

Итак, в различных по функциональному назначению, жанрам и тематике рукописных источниках отражаются православные традиции края, история вятских святынь и храмов. Летописные источники – наследие не просто книжной

культуры, истории Вятского края, но и православной литературы, по сути, её исторический фундамент. Летописи – первоисточник, свидетельствующий о православной традиции вятчан, запечатлевший в рукописном виде вехи истории края. Как отметили литературоведы в «Энциклопедии земли Вятской», сегодня остаётся много источников неизученных. Поэтому интерес исследователей к фондам архивов не угасает, а значит, есть надежда, что богатая история края и страны, зарождения и развития православия в Вятке продолжит открываться перед нашими современниками и первоисточники по-прежнему будут представлять интерес для исследователей будущих поколений.

Таким образом, летописание отражает не просто историю страны, но и, как подтвердил анализ источников Вятского края, церковную историю, православную традицию предков. Большинство обнаруженных летописных источников, в том числе художественных произведений, исторических описаний, отражают православную традицию. И это подтверждает ранее выдвинутую гипотезу о том, литература на Руси, и в Вятке в частности, зародилась как христианская.

Как показало исследование, в Вятском крае средоточием рукописных источников является Государственный архив Кировской области. В фондах архива обнаружено 44 летописных источника православного содержания (учитывая масштабы ГАКО и объёмы хранимых документов, мы не можем претендовать на исключительность данной цифры), однако данное количество позволяет говорить о феномене православного летописания, присущем Вятскому региону. Большинство дел в формате рукописей православной тематики хранятся в Фонде № 170 – это фонд Вятской учёной архивной комиссии. Большинство из выявленных документов значатся как «особо ценные», то есть, по мнению сотрудников архива, представляют собой историческую ценность.

Массив выявленных документов был проанализирован согласно типологии православных изданий по признаку их функционального назначения. Обнаруженные в фондах ГАКО рукописные православные источники были классифицированы сообразно типам и жанрам православной литературы. Данный анализ подтвердил состоятельность типологии православной литературы для печатных изданий XIX века, что свидетельствует о том, что летописные источники – неотъемлемая часть объёмного понятия «православная литература», и без их учёта описание православной литературы Вятского края не будет полным.

Более всего выявлено рукописей религиозно-популярного назначения (22 источника) и религиозных литературно-художественных источников (10 рукописей). К типу рукописи исследований православных святынь нами причислены 5 документов. Обнаружены 3 церковно-практических источника, 3 – информационных, имеющих отношение к понятию «православной литературы», и 1 официальный религиозный документ (документ епархии).

В число 44 рукописных источников православного содержания, обнаруженных в фондах ГАКО среди дореволюционных документов, не включены многочисленные документы консисторий (внутрицерковные документы епархии будут рассмотрены в исследовании отдельно). Количественное соотноше-

ние по принадлежности рукописных источников к тому или иному типу приблизительно пропорционально печатным изданиям православного содержания, где, как показало исследование, также преобладают книги религиозно-популярные и литературно-художественные.

Среди жанров преобладают летописания, эпистолярные источники, исторические очерки, жития. Ключевые темы: основание Вятской земли (града Никулицыно) новгородцами, исповедующими православие; история явления Велюкорецкого образа святителя Николая, путешествие святыни в Москву; жизнеописание и почитание преподобного Трифона Вятского, основание Успенского монастыря; в эпистолярных источниках, авторы которых в основном священники и архиереи, пусть не прямым образом, но между строк прочитывается проповедь христианского бытия. Большинство выявленных источников можно причислить к классу православной «околоцерковной литературы». Летописей, которые можно отнести к классу православной «церковной религиозной литературы», нами не обнаружено. Содержание большинства источников носит историко-описательный, художественно-повествовательный или церковно-практический характер и только косвенно раскрывает в контексте повествования православную традицию.

Для полноты исследования был произведён обзор историографии вопроса, отражён интерес к летописному наследию региона как исследователей XIX века, так и краеведов – наших современников.

ГЛАВА 3. НОВОЕ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ

3.1. Функции редакторского языкового сознания и речевое портретирование как способ редакторского анализа

В работе основных механизмов профессиональной деятельности редактора – восприятия и переработки информации – языковое сознание занимает ключевую позицию. Языковое сознание, или, другими словами, языковой образ мира в сознании человека, можно рассматривать в качестве основного фактора реализации тех или иных способов редакторского анализа произведения.

Под языковым сознанием в современной теории речевой деятельности понимают совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка. Благодаря им осуществляется речевая коммуникация, развёртываются процессы познания. Следует учитывать, что языковое сознание – это только часть сознания: его работа обеспечивает активность механизмов именно языковой (речевой) деятельности: порождение речи, её восприятие, а также хранение языка в «языковой памяти».

Оперирование речью считается специфическим видом деятельности, которое обеспечивается когнитивным сознанием; его компонентом выступает языковое сознание. Под когнитивным сознанием понимается часть психики человека, обеспечивающая его мыслительную деятельность. Речемышление осуществляется, в основном, за счёт работы языкового сознания. Работа когнитивного сознания обуславливает создание картины мира у индивида, под которой понимается создаваемый человеком субъективный образ объективной реальности. В фокусе языкового отражения этого образа выступает языковая картина мира, включающая всю совокупность представлений о мире субъекта-носителя языка.

Языковое сознание формируется у человека в процессе усвоения языка и совершенствуется всю жизнь. Его механизмы «оттачиваются» по мере развития навыков коммуникации в различных сферах: деловой, обиходно-бытовой, массмедийной. В основном это происходит благодаря расширению круга знаний о подвижных – как сам язык – правилах и нормах употребления языка, о новых словах и значениях, в том числе о семантических сдвигах в структуре имеющих слов. Так, например, мы заметили, что в последнее время в общественной речевой практике слово «монстр» в широком дискурсе стало употребляться без негативной коннотации. В словарной статье «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (2009) данное слово представлено следующими значениями:

1. *Книжн.* Чудовище, урод. *Страшные монстры. Рисовать монстров. Приснился м.* 2. *Разг.* О том, кто (что) выделяется, поражает своим необыкновенным (обычно нелепым) видом, уродством. *Станок-монстр. Архитектурный м. Создать монстра.* // О человеке с какими-л. дурными свойствами характера, странностями в поведении и т. п. *Настоящий м.! Жить среди монстров.*

Однако в следующих примерах на первый план выступает смысловой признак «самые крупные фигуры, выдающиеся люди» – в данном случае писатели: «абсолютные “монстры” Льюис Керролл, Анатолий Франс, Ильф и Петров, Даниил Хармс»; «Читать желательнее не бульварные романы и быстрорастворимые детективы, а наших литературных монстров прошлого – Толстого, Достоевского, Чехова...» (из интернет-сайтов с психологическими тренингами).

Выдающийся русист, первый ректор Института русского языка им. А. С. Пушкина академик В. Г. Костомаров, обсуждая современный языковой прогресс и «нормализационные игры» человеческого фактора и системы языка, говорит о произвольном влиянии носителей языка на естественное и бесконечное саморазвитие языка как имманентном законе. Он справедливо отмечает, что язык «способен служить надёжным орудием общения, взаимопонимания и согласия... пока люди не злоупотребляют своим положением всадника... пока они сознательно и своевольно не вмешиваются в его динамику, приспособляя, реформируя, нормализуя под себя» (Костомаров, 2015, с. 56). Каким образом расценивать приведённый факт редактору: как проявление саморазвития языка или как порчу «общего правильного, литературно образованного языка» (выражение В. Г. Костомарова)? Поиск ответа на этот вопрос – одна из сфер приложения редакторской деятельности по регулированию процесса нормализации языка.

Современная печать и её языковой материал – своего рода «игровое поле» социума и языка, в котором редактор не может не выступать «судьёй», решающим исход сражения. Нельзя недооценивать определённую роль редактора в управлении процессом динамики языка. В связи с этим возникают вопросы, требующие разрешения:

1. Является ли языковое сознание редактора специфическим или его работа не отличается от работы языкового сознания рядового носителя языка?
2. Является ли оно профессионально значимым понятием?
3. Какова функциональная специфика работы редакторского сознания?
4. Как оптимизировать работу языкового сознания в редакторской деятельности?

Для того чтобы найти ответы на поставленные вопросы, необходимо проанализировать особенности реализации функций языкового сознания в процессе редакторского труда. Такой анализ требует выявления особенностей речевой деятельности редактора.

Работу языкового сознания в контексте всей психической деятельности человека очень точно описала основательница Тверской научной психолингвистической школы А. А. Залевская. «Слово остаётся “мёртвым”, если его не воспринимает человек, способный соотнести языковую форму со своим опытом познания мира, с продуктами взаимодействия языка с другими психическими процессами человека – его ощущениями, памятью, воображением, мышлением, вниманием, эмоционально-оценочными переживаниями» (Залевская, 2013, с. 55). Следуя обозначенной во многочисленных научных трудах Александры Александровны трактовке работы языкового сознания, будем рассмат-

ривать его природу как взаимодействие на разных уровнях осознания продуктов разнопланового опыта человека (перцептивного – восприятия действительности; когнитивного – её познания; аффективного – её переживания), выступающих как своего рода опоры понимания текста.

К основным функциям языкового сознания учёные относят отражательную, оценочную, ориентировочно-селективную, интерпретационную и регулятивно-управляющую функции (Ейгер, 1990). Попробуем выявить особенности осуществления данных функций в работе языкового сознания редактора.

Отражательная функция создаёт языковую картину мира индивида. Она реализуется в языковых значениях, языковых формах и типах связи между словами, которые содержатся в его языковом сознании как продукты накопленного опыта восприятия текста и переработки семантики его единиц. Если редактор имеет дело с художественным произведением, при «вступлении» в такую особую форму жизнедеятельности, как эстетическая сфера восприятия речи, его языковое сознание начинает в ней деятельное участие. Такая – в сущности, читательская – деятельность выходит за рамки вербализованных действий. При восприятии художественного текста происходит интенсивный, сложный и в каждом случае индивидуальный процесс, в котором заняты все личностные структуры воспринимающего. Чувственно отзываясь на художественно значимые формы, редактор как идеальный читатель продуктивно, эмоционально, аксиологически маркированно, при интенциональном настрое (с установкой на смыслотворчество) и в интериоризованном виде – сам и прежде всего для себя – создаёт тот или иной фрагмент образа воссоздаваемого в произведении мира. С помощью механизмов языкового сознания редактор создает в личностном пространстве своей концептуальной системы собственный эстетический объект. Важно подчеркнуть, что создается такой фрагмент авторской картины мира в редакторском сознании со специфической целью – спрогнозировать читательское восприятие. Это значит представить, «как слово отзовется» в умах и душах читателей, – иначе говоря, сконструировать ментально-эмоциональное пространство восприятия конкретного произведения.

Согласно научной точке зрения редакторской правке предшествует создание идеальной модели произведения на основе представлений о потенциальном читателе. Мысленные модели, образуемые редакторским сознанием, считаются одновременно и средством познания, и средством возможного усовершенствования произведения. Построение модели происходит в процессе первичного изучения текста. Текст, мыслимый как система, расчленяется, анализируется, обобщается: так строится его модель. Редактирование, таким образом, есть конструирование идеальной модели произведения на основе представления об идеальном читателе и его запросах в сочетании с методами абстрагирования, анализа и обобщения.

Очевидно, что метод моделирования, предложенный В. И. Алексеевым, можно применять не для всех видов изданий. Так, например, художественная литература отличается большим разнообразием, в ней ценятся оригинальность, непредсказуемость, новые творческие решения. Отказ от канонов часто приводит не к ошибкам, а к появлению новых интересных течений, направлений

и других явлений разного рода. В современной массовой художественной литературе появились новые синкретичные жанры, которые объединяют в себе черты массовой художественной литературы и информационно-развлекательной прессы. Их принято обозначать как «гламур» и «антигламур». К примеру, «гламурный» жанр характеризуют через повышенный интерес автора к мельчайшим «гламурным» деталям жизни известных персонажей светской хроники, от моды до мест обитания. Такой жанр отличает насыщенность брендами (см., например, «Casual» О. Робски). «Антигламурный» роман, наоборот, не восхищается глянцевою действительностью, а пародирует или критикует её («Dухless» С. Минаева, «Победитель остается один» П. Куэльо и др.). Произведения еще одного нового жанра, «эдьютеймента» (от англ. – образование и развлечение), призваны «просвещать» читателя. В увлекательной, чаще шутливо-ироничной форме читательницам объясняют, например, как выйти замуж за миллионера. Сочетание художественных и публицистических средств языка воспринимается в произведениях новых жанров как оригинальность авторского стиля.

При редактировании произведений массовой литературы следует опираться на её определение. В современной культурной ситуации с рыночными приоритетами это совокупность повествовательных текстов,

- а) созданных по готовым моделям («структурно-смысловая жёсткость»);
- б) репрезентирующих значимые для тех или иных социальных групп современного общества символы и смыслы;
- в) производимых с учётом коммерческой выгоды;
- г) выполняющих функцию социально-психологической адаптации их потребителя к актуальным проблемам современности (подробнее см.: Саморуков, 2006).

Отметим, что моделирование в первую очередь необходимо для работы над произведениями с жёсткой структурой, но в случае с менее «запрограммированными» и ориентированными на образцы жанрами редакторское чтение становится творческим. Для более глубокого, полного и цельного смыслообразования, осуществляемого в редакторском сознании, большое значение имеют такие характеристики, как гибкость и нестандартность мышления. Данные качества реализуются, в сущности, в любом творческом процессе, в том числе редактировании.

Художественная картина мира, которая, безусловно, является частью целостного образа мира в сознании любого носителя языка-читателя, опирается на бессознательные структуры, к которым относятся архетипы, образы, символы. Вместе с семантикой символика, архетипика, а также архитектоника образуют устойчивые художественные формы, или формы с устойчивой субъективной семантикой. Их выявление является одной из операций редакторского сознания при чтении текста произведения. Так, анализируя архитектонику произведения, важно установить особенности структурно-художественного воплощения авторского замысла в фабуле (совокупность изображаемых событий), сюжете (события в их последовательности, развитии и движении), композиции (мотивированном замысле расположении отрезков текста). Условием адекватной редакторской оценки здесь будет выступать основной критерий художе-

ственности – единство содержания и формы. Данный критерий применяется и к устанавливаемым в редакторском сознании индивидуализированным способам выражения смысла в тексте произведения. К ним относятся тематика – изображаемые фрагменты действительности; хроника – отбор и передача информации; хронотопика – пространство и время моделируемого художественного мира произведения; метафорика – словесные образы, создаваемые на основе индивидуальных ассоциаций. Все названные элементы в сознании редактора складываются в художественное целое, и это – результат профессионального труда.

Языковую картину мира редактора в целом должна отличать эмоциональная насыщенность, наглядность, сочетание знаний и образов в интерпретации мира и человека, в том числе культурологических.

Оценочная функция языкового сознания редактора связана с вырабатываемым в процессе приобретения речевого опыта отношением к фактам языка редактируемых произведений. Оценка может иметь разнообразную направленность. В редакторском процессе даётся прежде всего оценка нормативности речевых единиц. Кроме того, в сознании редактора вырабатываются функционально-стилистическая, этическая, эстетическая, социально-психологическая оценки.

Оценка нормативности языка произведения требует, во-первых, знания языковых норм, а во-вторых, умений выявлять их нарушения. В случае нарушений системные знания языка как составляющие редакторского сознания обеспечивают почти автоматизированные умения замечать отклонения от стандартов языка. Выявление аномалий, то есть ошибочных случаев употребления какой-то языковой или текстовой единицы, является важнейшим компонентом профессиональной компетенции редактора, который формируется с речевым опытом. Редактору необходима способность разграничивать так называемые конструктивные (типичные) и деструктивные (индивидуальные) аномалии. Это еще одна профессиональная операция его языкового сознания. Конструктивные аномалии являются результатом традиционной речевой практики: в этом случае нарушение нормы не осознается как таковое («бархатная революция», «юный вундеркинд» и др.). Кроме того, они могут быть вызваны установкой на стилистический эффект. При этом нарушение носит осознанный характер. Запланированная автором, такая аномалия рассчитана на определённый результат восприятия – ту или иную читательскую реакцию, например так называемый эффект нарушенного ожидания, эффект неожиданности и т. д. Семантические и стилистические отклонения ценны тем, что являются способом выражения особенности мировидения автора, средством их трансляции читателю. К фактам творческой трансформации языка в художественном тексте редактор применяет особые критерии, исходя из художественных задач писателя (поэта) и его замысла.

Поскольку перечень направлений такой трансформации потребует слишком большого объёма, назовем лишь некоторые. Это, к примеру, следующие случаи, характерные для дискурсов разного типа:

синестезия – совмещение в одном языковом знаке признаков различной

модальности, например, зрительной и слуховой, цветовой и тактильной («голос сладкий» /М. Лермонтов/, «серебряный ветер» /С. Есенин/, «жгучий взгляд» /Б. Пастернак/ и т. д.);

лексико-семантические инновации – результаты неологического речемышления лингвокреативной личности («людоворот» – встречи с людьми или жизненный поток, «океаниться» – превращаться в океан, быть похожим на океан, «сонь» – сонное состояние /И. Северянин/);

трансформации прецедентных фактов – феноменов сознания, памяти, хранящихся в когнитивной базе автора/читателя в виде задающих определённый смысл общих культурных единиц языковой памяти: пословиц, крылатых фраз, известных ярких словесных фрагментов знаменитых текстов). Чаще всего в русской литературе используются интертекстуальные связи, «отсылающие» к русскому фольклору, Библии, А. С. Пушкину и т. д.

Особой – креативной по природе – работы языкового сознания редактора требует оценка языковой игры, которая, как правило, опирается на игровую прагматическую установку авторского сознания. Описывая сущность языковой игры, исследователи представляют её как осознанное нарушение языковых канонов. Анализ авторской интенции приводит учёных к выводу о намерении или желании продемонстрировать собственную компетенцию в реализации языковых возможностей. Вместе с тем развитой языковой компетенции требует от читателя понимание игрового кода, а также адекватное выведение импликатур (скрытых смыслов).

Итак, необходимым речемыслительным действием языкового сознания редактора является выявление соотношения стандартных и экспрессивных средств.

Деструктивные аномалии представляют собой произвольные нарушения различных критериев хорошей речи по различным причинам (недостаточное знание языка, эмоциональное состояние, подсознательные мотивы, «чистая» случайность). Такие аномалии группируются в зависимости от характера критерия, который нарушается индивидуумом в речи:

1) аномалии, обусловленные нарушением семантического критерия: употребляемое слово не соответствует его значению (например, термин не совпадает с научной дефиницией);

2) аномалии, обусловленные нарушением функционального критерия, в соответствии с которым употребление слова должно определяться сферой коммуникации, её целями, условиями и функцией языка в конкретной речевой ситуации (например, диалектизмы в официальной речи);

3) аномалии, вызванные нарушением эстетического критерия, требующего оценки таких качеств языка, как благозвучие и в целом красота речи (например, варваризмы или вульгаризмы).

Функционально-стилистическая оценка единиц нехудожественного дискурса предполагает более суженные рамки анализа и требует от редактора владения разными функциональными разновидностями языка и знания жанрово-стилевой палитры речи. В этом случае аномалии второго вида будут получать адекватную редакторскую оценку. Заметим, что в современных условиях «мно-

горечия» и «стилистической пестроты» коммуникация зачастую приобретает крайне неоднородный характер, когда иностилевые «вкрапления» могут иметь добавочную нагрузку.

Этическая оценка зависит от способности редактора постичь внутренние установки и убеждения автора речевого произведения, обнаружить их разнообразные проявления в языке редактируемого «материала». Такой оценке в текстах массовой коммуникации необходимо, в частности, подвергнуть факты языковой агрессии. Под языковой агрессией учёные понимают превышение пределов огрубления и вульгаризации языка. Признаками агрессии в тексте считаются прежде всего бранная, оскорбительная лексика, в том числе так называемые «ярлыки», унижающие достоинство личности, а также ситуативно и стилистически не оправданные факты иностранной лексики.

Социально-психологическая оценка связана с социальными практиками конкретного редактора, опирается на его коммуникативный опыт и требует знания способов психолингвистической диагностики личности автора. В области данной оценки чаще всего нет шкалы с полюсами «плюс» и «минус». Это прежде всего выявление важных социально-психологических признаков автора произведения (гендерных, возрастных, профессиональных, психологических).

В целом редактор должен быть вооружен критериями оценки языковых фактов как образцовых или необразцовых, убедительных или неубедительных, удачных или неудачных. Важное значение их применения имеет прирождённый и/или приобретённый языковой вкус как понимание изящного, прекрасного, приличия, а также такие ориентиры, как идеалы и знание шедевров искусства слова.

Специфической операцией работы профессионального редакторского языкового сознания мы считаем ещё один вид оценки, который расширяет ряд объектов, подвергаемых оценивающей деятельности. Речь идет об оценке идиостилистических характеристик анализируемого редактором произведения. Под *идиостилистической оценкой* мы понимаем вырабатываемое в ходе углублённого редакторского чтения отношение к манере письма, индивидуально-авторским особенностям текста. По В. В. Виноградову, идиостиль – это система индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения. Такая оценка способствует определению характеристик авторского стиля (например, черт постмодернизма) и художественной ценности текста.

Работа языкового сознания редактора в данном случае нацелена на определение уникальности и неповторимости языка каждого отдельного автора как носителя индивидуального стиля.

Ориентировочно-селективная функция языкового сознания при знакомстве с произведением и освоении его содержания обеспечивает ориентировку редактора в структуре текстового сообщения, когда – при постижении замысла – необходимо перейти от поверхностных структур к глубинным. Верхний слой текста доступен чувственному восприятию и имеет материальное представление, включая знаки языка и зрительные образы. Внутренние слои представляют нормы и культурные ценности, базовые концепты, послышки,

установки. Операционным «полем» реализации данной функции можно, на наш взгляд, считать концептуализацию, выступающую как осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определённых представлений о мире – концептов. Концепты – это хранящиеся в памяти человека значимые, осознаваемые фрагменты опыта.

Анализ осуществления ориентировочно-селективной функции связан с решением проблемы «полного» совпадения авторского и редакторского сознания на уровне выражаемого смысла. В литературоведческом подходе решающим фактором понимания художественного произведения считаются общие для автора и читателя жизненные впечатления. Существует также точка зрения о необходимости совпадения концептуальных систем автора и воспринимающего субъекта.

Тождество автора и читателя можно считать идеалом художественной коммуникации. На наш взгляд, для его достижения требуется следующее условие – «нейтрализация» своего «внутреннего контекста». Вместе с тем даже в области повседневного («практического») использования языка, как отмечал М. М. Бахтин, индивидуальный речевой опыт взаимодействует с чужими индивидуальными высказываниями в процессе «освоения – более или менее творческого – чужих слов (а не слов языка)» (Бахтин, 1997, с. 193). В противном случае реципиенту нужно остановить поток субъективных ассоциаций и, следовательно, в определённом смысле как бы «отречься» от себя (своих личностных качеств, воззрений и взглядов). Противоположной крайностью представляются попытки подвергнуть пересмотру «сотворческий» характер сопереживания в художественной рецепции и, в частности, абсолютизация «творческой свободы художественного восприятия» (Тюпа, 2009). Конечно, без осознания «субъективной вымышленности мира чужим сознанием» восприятие характеризуется как «наивно-реалистическое» (там же), но полностью зависеть или, наоборот, не зависеть оно от мира авторского не может.

Интерпретационная функция редакторского языкового сознания реализуется в так называемом «филологическом» чтении. Если не филологическое чтение, как отмечает В. В. Волков, ориентировано на восприятие и анализ сюжета, то филологическое – на «интерпретацию авторских суждений и оценок – интенциональности (целевой установки) и пафоса – круга эмоционально одушевлённых идей, идеологии (идейно-художественного содержания) Текста, художественной философии Автора» (Волков, 2014, с. 45). Считается, что адекватная интерпретация информации, заключённой в авторском труде, возможна при условии понимания редактором, в частности, специфики литературного творчества, а также особенностей читательского восприятия.

Речемыслительной операции интерпретирования в редакторской работе над текстом произведения подвергаются как языковые явления, так и явления внеязыковой действительности. *Интерпретация языковых явлений* включает интерпретацию новых слов, необычных сочетаний слов, сложных структур. *Интерпретация явлений внеязыковой действительности* требует социокультурной компетенции, знания общественно значимых событий и направле-

ний их концептуализации в современном массовом сознании. Учёные отмечают, что сегодня в текстах современной массовой литературы иногда моделируется картина мира, не адекватная реальной действительности.

Базовым инструментом речевой деятельности интерпретационного характера являются определённые стратегии интерпретации языковых высказываний, составляющих своеобразный материал произведения. При редактировании художественного произведения такой стратегией, направляющей многие другие функции языкового сознания редактора (например, оценочную или ориентировочно-селективную), является *прагмаэстетическая стратегия*. Сущности и особенности данной стратегии применительно к деловому дискурсу изложены в наших, в том числе совместных с Е. А. Козловой, работах (Колесникова, Козлова, 2013; Колесникова, 2014; и др.). Применительно к плоскости речевосприятия в общих чертах её сущность можно обозначить как нацеленность воспринимającego сознания на понимание прагматических (преимущественного художественных) задач автора при выборе тех или иных лингвокреативных средств.

Ранее мы опубликовали результаты большой исследовательской работы по эмпирическому изучению языкового сознания у детей 9–11 лет при восприятии ими поэтической речи (Колесникова, 2010). Было установлено, что в языковом сознании воспринимающего речь осуществляется лингвокреативная деятельность. Суть креативности понимания речи обнаруживается на семантическом уровне и заключается в том, что читатель не только видит за языковыми знаками те или иные предметы отображаемого мира, но и образует новый – художественный – концепт. Им становится ментальное образование духовноценностной природы, которое осуществляется на основе имеющихся у индивида элементов концептосферы в виде мысленных семантических объектов. Свообразным «оператором» смыслопорождения в процессе концептуализации выступает прагмасемантическая интуиция, из которой, минуя логические способы, можно вывести скрытые и косвенные смыслы из прямого значения высказывания благодаря нестандартности мышления.

С помощью такой интуиции читатель ищет в своей концептуальной системе именно те элементы языкового, аффективного и когнитивного опыта, которые помогают понять речевое сообщение и приблизиться к пониманию намерения автора.

В контексте исследования работы языкового сознания редактора можно говорить о *лингвоэстетической интерпретации* текста произведения. Такая интерпретация резко отличается от репродуктивной (не творческой), которая не содержит признаков образования чувственно-конкретных представлений об объекте изображения в сознании читателя. Лингвоэстетическая интерпретация возможна лишь при единстве рационального и иррационального, то есть постигаемого умом и душой (чувствами), восприятия объекта – художественного образа. Поэтому обязательным условием речевой деятельности редактора является художественное переживание. «Точкой отправления» в прагмаэстетической стратегии интерпретации языковых фактов мы считаем особую речемыслительную операцию распознавания эстетических словесных сигналов. Такими

сигналами являются, в нашей концепции, художественно значимые словесные знаки, выступающие эстетическими способами языкового выражения оценки объекта изображения в произведении, а также способами отражения авторской манеры и выражения авторской позиции.

При рассмотрении интерпретирующей функции редакторского сознания отдельного упоминания заслуживает замечание В. З. Демьянкова о значении намерения понять речь и о готовности индивида к самоусовершенствованию в процессе понимания. Интересно, что, по его словам, «это намерение тем сильнее, чем больше аффективная окраска, аффективный аккомпанемент интерпретации речи» (Демьянков, 1994). Жажду познания, испытываемую читателем и требующую усилий в освоении смысла языковых знаков, учёный сравнивает с физиологическими чувствами (влечением, аппетитом). Можно назвать это явление читательской энергией, «дешифрующим напряжением», возникающим в творческой деятельности постижения смысла. Ход интерпретирующей мысли при этом чётко детерминируется авторским мировидением, моделируемым в наиболее «сильных» знаках языка. «Силу», по-видимому, придают этим единицам те смысловые «опоры» (появляющиеся в сознании мысленные структуры, или когнитивные образования), которые будут отмечены как имеющие ценностный компонент. Распознавание эстетических сигналов в процессе речевосприятия происходит, очевидно, благодаря способности языкового сознания разграничивать обычные и лингвокреативные дискурсивные единицы. Можно предположить, что данное речемыслительное действие читателя осуществляется на базе осознания смыслового «сдвига», при ощущении внутренней конфликтности смыслов с одновременным удерживанием этих смыслов в их множественности. Важную роль в лингвокогнитивном механизме выделения, а затем – и оценивания знаков нестандартной речи – играют аффективные реакции индивида на эстетически маркированную речь. Кроме того, определённой прагматической значимостью обладает и фактор «насыщенности» текста (высказывания) эстетическими сигналами, способными вызвать у реципиента определённую реакцию (перлокутивный эффект).

Для осуществления лингвоэстетической интерпретации необходимыми качествами можно считать отзывчивость редакторского сознания на необычное употребление языковых знаков, а также механизм предвосхищения, позволяющий осуществить так называемую «догадку» об эстетическом значении/смысле этих знаков. Добавим также богатство ассоциативного потенциала языкового сознания, который позволяет редактору образовать культурно-языковые ассоциации. Считается, что в любом тексте художественной литературы можно обнаружить признаки вертикального контекста. Ю. А. Лотман отмечал, что текст предстаёт перед читателем как «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» (Лотман, 1992). Интертекстуальные знаки-символы создают словесно не выраженные «приращения смысла», обращают читателя к культурно-историческим событиям прошлого, а также конкретным фактам литературы и искусства, политики и экономики, спорта и медицины. Через цитаты, аллю-

зии, идиомы, а также упоминание реалий той или иной эпохи благодаря ассоциативной работе языкового сознания осуществляется «диалогическая встреча» (выражение М. М. Бахтина) разных произведений, разных культурных плоскостей. Апеллируя к языковой и культурной памяти читателя, прецедентные единицы (имена, высказывания, фрагменты текстов и т. д.) актуализируют определённое смысловое поле, «переводят» координаты интерпретационной деятельности языкового сознания в новые пространства. Информация словно «разрастается», но увеличивается не сама по себе информационная «масса» – понимание текста углубляется и обогащается качественным образом.

Эффект художественной коммуникации зачастую возможен только в том случае, когда языковое сознание не просто «настроено» на интерпретацию лингвокультурного кода (это, конечно, очень важный показатель читательской культуры). Ценностью обладают сами фоновые знания о мире и различных его ипостасях на уровне истории, религии, художественного творчества и любых других сфер современной цивилизации, которые помогут интерпретатору «извлечь» наиболее глубокие слои информации. Конечно, информационный фонд знаний у каждого читателя имеет разную наполненность. Проблема «несовпадений» существует – и в возрастном «режиме», и в гендерном, и в профессиональном. Так, строки «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» у молодёжи, как правило, не ассоциируются с героем романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». Однако общий смысл высказывания Павла Корчагина понятен без контекста.

Итак, важно, чтобы интерпретация текста произведения в языковом сознании редактора была максимально корректной по отношению к объекту рассмотрения (то есть минимально произвольной).

Регулятивно-управляющая функция в языковом сознании выступает как механизм обратной связи с двумя каналами: контрольно-управляющим (контроль за речевыми операциями) и оценочно-регулятивным (оценка высказывания с точки зрения соответствия действующим нормам) (Ейгер, 1990). В последнем случае она «смыкается» с подробно рассмотренной выше оценочной функцией, но – уточним – как бы контролирует её. Мы предлагаем трактовать её как поле своего рода авторедактирования, осуществляемого при проверке внесённых в текст изменений, то есть как обдумывание правомерности любого «вторжения» в авторский текст и принятие окончательного решения в каждом случае правки.

Например, как опытный читатель и чуткий ко всему новому носитель языка, редактор в ходе чтения видит нестандартный языковой факт в редактируемом произведении и вырабатывает оценочное суждение (хорошо/плохо). Реагируя на сниженную лексику, он чувствует в аномалиях новизну, яркость стилистических инноваций. Возможно, редактор положительно оценит её – как средство разрушения автоматизма повседневной речи. Или, наоборот, признает данный факт как «языковое хулиганство». При повторном чтении готового («правленного») текста все субъективно-оценочные действия по изменению его первоначального варианта подвергаются окончательному контролирующему анализу.

На наш взгляд, оценочное суждение не должно носить субъективный характер, подчиняться «вкусовщине» или ориентироваться на языковую моду. Регулирование собственной оценочной деятельности при чтении текста и составляет данную функцию языкового сознания редактора.

Управление процессом работы языкового сознания в ходе редактирования чужого текста прежде всего опирается на самонаблюдение и его результат в виде самооценки собственных реакций. Назовем некоторые личностные реакции, которые могут возникнуть в редакторском чтении, в двух эмоционально (положительно и отрицательно) заряженных плоскостях языкового сознания. Базируясь на представленный в психолого-филологическом словаре (Летягова, 2011) перечень психических явлений – чувств, эмоций, ощущений, переживаний, состояний и т. д., спроецируем их на работу «эмоционального мозга» редактора в процессе восприятия произведения. Подчеркнём, что все отобранные нами реакции свойственны любому читателю, но регулятивно-управляющая функция максимально активизируется именно в редакторском языковом сознании.

К положительным можно отнести: 1) реакцию «очарованности» («состояние пленённости, большого восхищения»); 2) эстетическое чувство (переживание удовольствия, восхищения, восторга); 3) эмпатию (сопереживание герою, автору); 4) вдохновение (творческое волнение, духовный подъём, заряд на созидание); 5) одушевление, окрылённость (прилив душевных сил); 6) оптимизм (вера в будущее).

К отрицательно заряженным отнесём: 1) «семантическое пресыщение» – ощущение потери значения слова, которое возникает, в частности, при многократном повторении любого слова; 2) отчуждение – погружённость в себя, отдаление; 3) амбивалентность – противоречивость нескольких одновременно испытываемых чувств; 4) эмоциональное предубеждение – неоправданная пренебрежительность, которая возникает в силу «внетекстовых» причин, например из-за неуважения к известным редактору чертам личности автора. Такое нежелательное для редактора состояние можно назвать «пристрастностью»; 5) сентиментальность – приторная чувствительность; 6) ожесточение – отсутствие жалости, сочувствия; 7) озадаченность – состояние затруднения, непонимания дальнейших действий; 8) озлобленность – ожесточение вследствие отрицательного воздействия; 9) омерзение – крайнее отвращение; 10) отвращение – антипатия, внутренняя негативная реакция; 11) отупение – утрата способности соображать; 12) отчаяние – состояние крайней безнадёжности и многие другие.

Кроме того, редактору полезно знать о синергетике текста. Текст сам устанавливает свои нормы – небесспорное суждение. Красноречивый пример – рекламные тексты, которые строятся по собственным законам. При их редактировании определение нормативности и этичности подчиняется специфическим законам.

Ещё одно направление работы языкового сознания мы видим в сфере выявления непонятных фрагментов текста, которые могут вызвать затруднение у читателя. Поэтому важным понятием труда литературного редактора является *напряжённость изложения*. Языковое сообщение в целом и все его части в от-

дельности несут определённое количество информации. Чем больше новых для читателей представлений несёт сообщение или любая единица текста, тем напряжённее изложение. Чем меньше информация, тем меньше и напряжённость изложения.

Объектом регулятивной функции редакторского языкового сознания должна, на наш взгляд, стать и речевая креативность текста произведения. При определении её степени на оси «слишком высокая» – «крайне низкая» нужно учитывать закономерности художественного восприятия креативного факта речи. Дело в том, что креативные возможности реципиента активизируются при интерпретации речевого произведения. Считается, что читательское сознание способно обнаруживать и устанавливать в своей концептуальной системе новые ассоциативные связи. По данным психолингвистических экспериментов, образование новых смысловых структур, в той или иной степени соотносимых со смысловой структурой воспринимаемого речевого произведения, возможно даже при условии абсолютной новизны (для читателя) связей и соотношений единиц текста.

Регулятивно-управляющая функция позволяет получить в процессе редакторского анализа произведения такие количественные характеристики текста, как *степень понимания текста, скорость его понимания, степень понятности текста*.

Редакторское языковое сознание можно назвать сознанием профессионального читателя. Н. Г. Бабенко справедливо считает, что каждый читатель обладает своим «горизонтом ожидания» – рецептивным диапазоном, который имеет разные границы. Читателя с более широкими, гибкими, богатыми границами возможностей восприятия она характеризует как *«искушенного, проницательного, идеального, образцового, абсолютного, критического, властного, когерентного, компетентного, аристократического, сверх- или архичитателя»* (Бабенко, 2008, с. 10). Все эти характеристики отнесём к качествам хорошего редактора. Однако читатель имеет дело с уже готовым, отредактированным произведением. многофункциональность языкового сознания редактора обуславливает сложность труда над произведением, многоплановость речемыслительных операций и самоконтроль. Нами было показано, что профессиональная редакторская специфика обнаруживается в разных «зонах» приложения каждой из функций.

Думается, что одним из прикладных средств решения проблемы редакторской оценки произведения может стать предлагаемый для практики редактирования *способ речевого портретирования*, который в процессе анализа текста может занять центральное место. При разработке данного способа, в целях оптимизации работы редактора над произведением литературы, мы опирались на научные достижения современной теории речевой деятельности, коммуникативистики, прагматистики и её нового направления – креативной стилистики, а также методики дискурсивного анализа, когнитивной лингвистики, лингвоперсонологии. К изучению продуктов речемыслительной деятельности творческой языковой личности через анализ их языковых манифестаций обращались многие учёные разных научных школ и направлений:

Н. С. Болотнова, Ю. В. Казарин, Н. А. Кузьмина, В. А. Пищальникова, И. А. Тарасова, Н. Е. Сулименко, И. Я. Чернухина и многие другие.

Исходным теоретическим положением будем считать принцип отражения особенностей речевого поведения личности автора в продуктах его творческой речевой деятельности. Для «составления» речевого портрета важно увидеть за словесным материалом редактируемого произведения его автора, понять авторский замысел наилучшим образом, по достоинству оценить творческие и иные способности автора.

Речевой портрет в терминах когнитивистики может быть определён как функциональная модель языковой личности, включающая совокупность характеристик трех уровней (по Ю. Н. Караулову), на которых может реализоваться языковая способность человека.

На уровне лексикона языковой личности определяется владение человеком лексико-грамматическим фондом языка. При создании речевого портрета необходимо проанализировать запас слов и словосочетаний, которым часто пользуется конкретная языковая личность. Если речь идет о произведении как объекте анализа, то лексикон писателя или поэта определяется в границах данного произведения. Показателем лексикона считается круг слов, которые образуют вербально-ассоциативную плоскость анализируемого текста.

На когнитивном уровне определяется тезаурус языковой личности. В узком смысле слова это языковая картина мира, то есть отражённые в языковых единицах знания о нём. Описание речевого портрета включает предпочтения в номинациях реалий окружающей действительности: определённые формулы и обороты, особая лексика (например, экспрессивная), по которым мы узнаём личность. Через эти речевые особенности можно «выйти» на совокупность понятий, идей, концептов и ценностей, составляющих содержание миропонимания конкретного индивида (автора).

На уровне прагматикона языковой личности объектом анализа выступает система коммуникативных ролей, мотивов, целей, интенций, которые руководят личностью в процессе речевой коммуникации. Например, коммуникативные роли рассказчика или одного из героев в произведении могут выступать своеобразной литературной маской писателя, и это важно установить редактору.

Под речевым портретом обычно понимается процентное описание набора тех индивидуальных особенностей речевого поведения, которые регулярно и стереотипно проявляются в типичных речевых ситуациях. Для редакторского анализа исследовательские процедуры по установлению статистических параметров не столь актуальны, однако некоторые действия могут оказаться полезными.

Покажем, какие процедуры возможны в редакторском анализе, на разных уровнях языковой системы субъекта речи (автора), в том числе начинающего. Важным штрихом речевого портрета является разнообразие речи, устанавливаемое на лексическом и синтаксическом уровнях.

Состав **лексикона** индивида определяют такие признаки, как объём словаря, а также богатство или бедность синонимических рядов. Для редакторской

оценки текста небольшого произведения может быть выявлен коэффициент лексического разнообразия речи (подробнее см. Психосемантика слова, 2000). Показателем разнообразия лексикона выступает отношение количества различных слов (лексем) к общему количеству слов в тексте, вычисляемое по формуле:

$$K_{лекс} = \frac{L}{C},$$

Под *Kлекс* понимается коэффициент лексического разнообразия, *L* – это число лексем в данном тексте, а *C* – общее число слов (единицы между пробелами) текста. При этом общее количество слов устанавливается автоматически, нажатием кнопки «статистика» на нижней панели компьютера (знаков без пробела...). Количество лексем определяется «вручную», путем подсчёта не повторяющихся в тексте лексических единиц, включая служебные. Значения коэффициента располагаются в промежутке от 0 до 1. Чем больше получаемая десятичная дробь, тем выше лексическое разнообразие.

Для целостного представления о языковой личности важно обратить внимание также а) на преобладание книжной или разговорной лексики, б) наличие слов с переносным значением, в) владение синонимикой языка, г) владение пассивным запасом; д) преобладающую окрашенность лексики (эмоциональная или безэмоциональная); е) особенности употребления иностранных слов.

На синтаксическом уровне устанавливается коэффициент синтаксического разнообразия, который вытекает из отношения числа предложений к числу слов данного текста. Можно воспользоваться формулой:

$$K_{синт} = \frac{1П}{C},$$

где *Kсинт* – коэффициент сложности; *П* – число предложений; *C* – число слов во всем тексте. Пограничными значениями будут 0 и 1. Чем больше дробь, тем многословнее фразы. Значит, возможность разнообразия синтаксических отношений между словами в составе отдельного предложения выше. Для создания речевого портрета языковой личности нужно проанализировать использование различных синтаксических конструкций. Специалисты по юрислингвистике, которые на основе записей устных и письменных высказываний устанавливают «почерк» интересующего субъекта, особый интерес видят в конструкциях со сложным грамматическим устройством. Признавая, что «сложная грамматика» может свидетельствовать о высоком уровне развития языковой личности, исследователи допускают наличие отклонений в мышлении (например, нарушения логики). Кроме того, выбор грамматических конструкций может быть показателем состояния человека, а также его прагматических параметров: целей или намерений.

Перейдём ко второму уровню языковой личности – **когнитивному**.

Как подчеркивает В. З. Демьянков, рассматривая понятие «индивидуального» стиля речи, нужно учитывать, в частности, что «в вербальном, визуальном и активирующем представлениях есть систематические и структурные отношения между мыслью и чувством» (Демьянков, 1994). Под систематическими отношениями между мыслью и чувством, которые отражаются в языке индивида, можно понимать типичные схемы восприятия информации, её переработки, а также «овнешнения» (термин Е. В. Тарасова) результатов переработки информации – концептов.

Каждый носитель языка обладает когнитивным стилем, то есть устойчивыми индивидуальными особенностями познавательных процессов. Термин «когнитивный стиль» в его энциклопедическом определении подразумевает относительно устойчивые процессуальные особенности познавательной деятельности, которые характеризуют своеобразие способов получения и переработки информации, используемых субъектами познавательных стратегий, а также способов воспроизведения информации и способов контроля. Когнитивный стиль проявляется прежде всего в склонности выбирать последовательность тех, а не иных операций при обращении с информацией. Среди таких операций – выдвижение гипотез, их верификация, индукция, дедукция и многие другие.

В когнитивистской науке получила широкое применение следующая классификация стилей мышления, которая соотносит предпочтительность методов обработки данных в широком смысле слова с типичными способами формулирования мыслей. В соответствии с этой классификацией выделяются 5 видов стилей мыслительной деятельности: аналитический, синтетический, реалистический, идеалистический и прагматический. Опираясь на научные источники, кратко охарактеризуем каждый, поскольку редактор может, отталкиваясь от них, применить некоторые характеристики для определения стиля пишущего/говорящего. Отметим, что включение действия по определению стиля мышления в речевое портретирование обусловлено принципиально важной идеей, в соответствии с которой невозможно разделить словесный язык и язык мышления.

Аналитический стиль мышления обнаруживается в приоритете методов формально-логического анализа. В синтаксисе текста аналитика часто обнаруживаются длинные предложения, они правильно, в соответствии с законами логики, строят и ясно формулируют мысль. Текст, как правило, содержит много деталей, объёмный.

Синтетический стиль мышления отличается мозаичным методом оперирования фактами. Синтезаторы могут обращаться к будущему времени, чтобы спрогнозировать последствия каких-либо шагов. Структура текста диагональная, как у прагматиков, но связь между смысловыми блоками может нарушаться. Объём текста меньше.

Реалистический стиль мышления характеризуется фокусированием на происходящих событиях, на моменте действия. Речь протекает в настоящем времени. Структура текста организуется вертикально, то есть при минимуме слов количество фактов достаточно велико.

Идеалистический стиль мышления обнаруживается в ретроспективном методе оперирования фактами (от прошедшего времени к настоящему и в обратном направлении). Структура текста имеет горизонтальную организацию: для выражения минимума информации используется большая масса разнообразных языковых средств. Отмечаются также такие признаки, как неточность оценок и выражение общепринятой точки зрения при аргументации.

Прагматический стиль мышления проявляется в интересе к инновационным способам решения проблемы и поиске кратчайшего пути к получению результата. Прагматик часто использует стереотипные фразы, в которых выражается общественное мнение. Он ищет кратчайший путь к получению результата, питает интерес к инновациям. Склонен иллюстрировать мысль примерами. Обработка информации происходит в будущем и настоящем времени. Структура текста организуется по диагонали или ступенчато, когда текст последовательно строится из ряда логически связанных единиц.

Когнитивная, или познавательная, деятельность «оречевляется», то есть выражается в языковом оформлении мысли или чувства. То, как думает индивид, воспринимая окружающий мир, а именно процессы означивания (категоризации) и оценки (концептуализации) находят свое отражение в выборе форм выражения в речи результатов познания. Тексты конкретной языковой личности «дают доступ» к её интеллектуальной сфере, позволяют выявить особенности познавательной деятельности и тот или иной уровень мыслительных способностей. Исходной позицией для редактора выступает положение о том, что через языковой знак выражаются компоненты концептуальной системы языковой личности (концепты). Образы, понятия, эмоции, ассоциации – все эти «продукты» мировосприятия и миропонимания вербализуются в речевом произведении автора, поэтому именно художественная ткань текста, именно внешние оболочки благодаря анализу «открывают дверь» в глубоко личностную, сокровенную, неповторимую картину мира творца – автора.

Исследователи речевой деятельности показали, что о специфике когнитивной деятельности индивида и способах её объективации в тексте позволяют судить разнообразные «знаки авторства». Их выявление в тексте требует внимания к «лично актуальным, константным способам и приёмам формально-содержательной и собственно языковой организации произведения» (Четверикова, 2013, с. 6). Знаки авторства предлагается «искать» 1) в ключевых номинациях текста, формирующих предметный слой смысла; 2) знаках-ассоциатах, формирующих образный слой; 3) так называемых «идеологемах», представляющих ценностный слой смысла произведения. Языковыми формами выражения особенностей авторского сознания также выступают предикаты – глаголы и глагольные формы, представляющие деятельностные характеристики. Не стоит недооценивать и дейктические доминанты (местоимения, наречия, служебные слова, формирующие хронологию текста, его пространственные и временные характеристики).

Приведём пример изучения когнитивного уровня языковой личности на материале текстов художественных произведений. Важные особенности проявления концептуальных систем выдающихся писателей выявляются при уста-

новлении индивидуально-авторской частотной лексики и сочетаемости (Мухин, 2011). Так, М. Булгакова отличает драматургичность и интенсивность внешнего выражения эмоций. В. Набокова характеризует постоянное выражение оценки, причём преобладает эстетическая оценка. В его произведениях ярко выступает приоритет интеллектуального творчества и игры. В текстах произведений А. Платонова выявлена сосредоточенность сознания писателя на взаимосвязи социальных и природных процессов, а также категориальность мировосприятия. У М. Шолохова отмечается приоритетность отображения конкретно-физических процессов, историко-географическая реалистичность, интерес к описанию военных действий и быта (там же).

Таким образом, речевое поведение любого человека, в том числе обладающего писательским или поэтическим даром, имеет индивидуальные стереотипные особенности. Их выявление дает своеобразный «доступ» к конкретным чертам портрета автора, художественной специфике его мировидения.

Для определения конкретных характеристик авторского сознания, всегда отражающихся в тексте его произведения, редактору, на наш взгляд, можно опираться на различные классификации речевого поведения поэтов и писателей, выявленные исследователями. Так, например, феномен репрезентации индивидуальных характеристик «отправителя текста» был рассмотрен Е. А. Горло на материале поэзии символистов. Опираясь на предложенную исследователем формулу универсальной модели структуры языковой личности (Горло, 2007), а также данные социальной психолингвистики, редактор может применять её в виде пятикомпонентной характеристики речевого поведения автора: интроверт/экстраверт + статик/динамик + интуит/сенсорик + пессимист/оптимист + эгоцентрик/альтруист.

Назовем доминирующие характеристики такого поведения, обобщая их и «адаптируя» к предлагаемой рабочей индивидуальной модели креативной языковой личности. Итак, в процессе редакторского анализа произведения целесообразно учитывать следующие моменты.

1) По признаку «интровертированное/экстравертированное» поведение различия обнаруживаются прежде всего в степени свёрнутости выражения. Большую степень свёрнутости изложения обнаруживают интроверты, в их текстах обычно много односоставных предложений и фигур убавления. Их языковая личность направлена в собственные переживания. Интровертов больше занимают собственные ощущения и впечатления. Они словно сконцентрированы исключительно на своих представлениях об окружающем мире. Экстравертированность на речевом уровне выражается в многословии. Активно используются фигуры прибавления (в частности, повторы разных видов), параллелизмы, а также осложнённые конструкции. Экстравертам свойственна так называемая «кинематографическая проза»: повествование наполнено многочисленными деталями, документально точными и наглядными. Поэтому читатель ощущает себя в тех пространственно-временных координатах, которые легко воспроизводит автор-экстраверт. Чувства и переживания героя тоже воспринимаются им как реально существующие. Хотя в речевом по-

ведении одной языковой личности могут совмещаться черты обоих типов, доминирующим выступает один.

2) Признак «статичное/динамичное» речевое поведение проявляется в склонности к изображению либо «застывшей картинке», либо стремительно развивающегося действия или меняющегося объекта, с подвижными чертами и свойствами. Динамику свойственно описание процессов, ему интересно проследить, как они развиваются. Статик склонен изображать результаты процесса или действия, причём не только действительного, но и воображаемого в будущем или планируемого. Отметим, что именно динамичность в научной литературе рассматривается как показатель художественного мышления – в противоположность инерционности обыденного мышления.

3) «Интуитивное/сенсорное» речевое поведение различается преимущественным «модусом» мировосприятия и способами умозаключений. Сознание интуита фиксирует образы, которые возникают в его воображении отнюдь не рационально-логическим путем, а благодаря «озарениям» – случайным и неожиданным открытиям, свершающимся часто не осознаваемыми им самим методами. Сенсорику удаются словесные образы, отражающие различные типы восприятия: зрительное, слуховое, обонятельное, осязательное, вкусовое. Так, именно сенсорические черты авторской картины мира замечены в стиле М. Булгакова, В. Набокова, М. Шолохова (Мухин, 2011). Интуитивное речевое поведение проявляется в склонности к объёмной речи, а лексика интуита очень разнообразна. Языковую личность сенсорики отличает, наоборот, предпочтительность кратких высказываний, причём фразы обладают однозначностью и не требуют каких-то переходов в иные, параллельные смысловые плоскости.

4) Позитивное/негативное речевое поведение позволяет учёным говорить о проявлении оптимизма или, наоборот, пессимизма при выражении мысли-чувства, а также индивидуальной концептосферы в целом. Оптимист создает тексты, отмеченные связностью, положительной эмоциональной тональностью, доверительностью, открытостью выражения чувств, эмпатией и рефлексивностью. Тексты пессимиста имеют меньшую степень связности. Экспрессивность и эмоциональность имеют однообразные (однополюсные) признаки.

5) Центрированное/кооперативное речевое поведение выделяют в социальной психолингвистике по такому социально важному признаку, как тип доминирующей установки по отношению к другому участнику общения. В обычной коммуникации эгоцентрик часто отстраняется от адресата, уходит в себя, свой внутренний мир. Коммуникативный партнер его не интересует. Альтруист «опознаётся» по знакам интереса к читателю. Он любит имитировать диалог с адресатом, причём используются как прямые, так и косвенные способы организации такого дистантного общения.

В одной из дипломных работ студентов нашего факультета по данным авторского материала определялись характеристики речевого поведения Е. Каниной (псевдоним автора – также студентки). Применив рассмотренную выше схему, наша дипломница К. Ашихмина пришла к следующим выводам: «Е. Канина является интровертом. Автор описывает процессы как последовательность сменяющих друг друга картинок, она изображает преимущественно

результаты действий или будущие достижения (статичное речевое поведение). При этом в изображении ситуаций реальной действительности она склонна проявлять пессимизм (негативное речевое поведение). Сознание автора фокусируется на образах, создаваемых его воображением. Изображаемые факты реальной действительности – строительный материал для этого образа или отклик на него (интуитивное речевое поведение). Е. Канина часто отстраняется от получателя, уходит в себя, в свой внутренний мир (центрированное речевое поведение). Итак, модель речевого поведения Е. Каниной следующая: интровертированное/статичное/интуитивное/негативное/центрированное».

Наконец, *прагматический уровень* требует определения целевой направленности речевой деятельности автора конкретного произведения. Как заметили исследователи ещё в XX веке, полное понимание текста предполагает понимание того, «почему в данном случае употреблено именно такое слово, именно такой оборот или синтаксическая конструкция, а не другая; почему для выражения данной мысли в данных условиях необходимы именно эти языковые средства, именно такая их организация» (Одинцов, 1980, с. 35). В рамках данного уровня объектом анализа становятся средства выражения интенций (намерений) автора. К примеру, авторская установка на изображение души человека в поэзии И. Бунина находит отражение в показе пограничных состояний лирического героя, и, по мнению О. В. Четвериковой, маркерами его раздумий выступают вопросительные знаки и многоточия, которыми буквально испещрены тексты бунинской лирики.

Предположения, желания, замысел автора (отправителя) «диктуют» план и тактики их осуществления. Поскольку прагматический (мотивационный) уровень структуры языковой личности характеризуют типичные для неё коммуникативные и речевые стратегии поведения, важно выявить их в тексте произведения. Такими стратегиями могут быть типичные для русской речи в целом: когнитивные, прагматические, и особенно эмоционально настраивающая, диалоговые и риторические (см. их детализированный в тактиках перечень в работах О. С. Иссерс). Отметим, что в русле прагмаэстетической стратегии для воздействия на читателя креативными способами активно продуцируются нестандартные и оригинальные языковые факты, анализ которых обнажит направления художественной концептуализации фрагментов авторской картины мира. Предпосылкой художественной коммуникации выступают эстетические интенции. В теории эстетического сознания главными мотивационными потребностями обращения к искусству в целом считаются познавательные, гедонистические, воспитательные, коммуникативные, творческие. Как известно, М. М. Бахтин считал, что эстетический объект не может быть найден ни в психике, ни в материале произведения, учёный находил его в «ценностном значении» лингвистической формы (а значит, в духовном плане языка).

Итак, языковое сознание редактора отличается от работы языкового сознания рядового носителя языка прежде всего нацеленностью на поиск творчески маркированных средств выражения духовно значимого содержания. Именно редактор способен на основе речевого материала произведения составить полное представление обо всех уровнях языковой личности автора

и достойно оценить его искусство слова. Поэтому его языковое сознание является профессионально значимым понятием. Выявив функциональную специфику работы редакторского сознания, можно выделить вывод о необходимости постоянного совершенствования его механизмов. Оптимизировать работу языкового сознания в редакторской деятельности можно, применяя в редакторской оценке произведения способ речевого портретирования.

3.2. Структурно-функциональный подход к редактированию и система подготовки к нему студентов

Издательское дело нуждается в редакторах, способных помочь автору в совершенствовании собственного произведения. Такое редактирование осуществляется как «сотворчество понимающих» (термин М. М. Бахтина), где реализуется продуктивное взаимодействие двух сторон: автора произведения и редактора, усложнённое, опосредованное в реальных условиях взаимодействием редактора с текстом и как читателя.

Редакторов, умеющих стать тонкими посредниками между автором, произведением и читателями, владеющих искусством слова и способных помочь в этом автору, никто специально не готовит. Поэтому становление студента – будущего издателя как личности, компетентной в профессиональной культуре редактирования, – важнейшая задача, которую надлежит решать в процессе вузовской подготовки бакалавров и магистров издательского дела.

Данный раздел монографии продиктован заботой о подготовке студента-издателя к профессиональной практике редактирования. Он содержит теоретически обоснованную инновационную методику обучения редактированию, представленную в виде экспериментально апробированной обучающей программы для студентов. Особенности методики: технологичность, заключающаяся в поэтапном формировании умственных и речевых действий, рефлексивность, личностная ориентированность – гарантируют успех даже начинающему редактору. Творческий, развивающий характер упражнений не только помогает росту студента, но обогащает и самого преподавателя в ситуациях совместной продуктивной и творческой деятельности.

Формирование профессиональной готовности студентов-издателей к структурно-функциональному редактированию текстов как специфической деятельности, приобщающей субъекта к процессам производства и трансляции информации, актуально. Изменяющиеся смыслы и цели образования в современном обществе требуют изменения условий подготовки студента. Инновационная стратегия образования обуславливает построение новых методологических оснований, обновление принципов обучения, выявление и разработку средств и способов, ведущих к развитию студента как компетентного профессионала. Более того, концепция воспитания издателя как идеолога в связи с изменяющейся социальной ситуацией нуждается в постоянной обновительской работе.

Становление будущего издателя как интеллектуальной и духовной элиты общества не происходит автоматически. Нужна система работы, важнейшим элементом которой является обучение студентов редактированию. Здесь важно учитывать огромный развивающий потенциал редактирования (от лат. *Redactus* – приведённый в порядок) как вида профессиональной деятельности. Редактирование разнообразных текстов актуализирует целый комплекс художественно-эстетических и интеллектуально-речевых умений, активизирует деятельность мышления и воображения, развивает способность к рефлексии и эмпатии, обогащает эмоциональную сферу студентов (Мосунова, 2009).

Трудно переоценить роль редактирования в формировании творческой самостоятельности и мировоззрения студентов, в углублённом понимании ими литературного произведения. В процессе многолетнего обучения методам редактирования текстов мы пришли к выводу о возможности рассматривать редактирование как форму самовыражения, самосознания студентов и, следовательно, как средство их саморазвития. Вместе с тем дидактически грамотное обучение редактированию требует от преподавателя организации целенаправленной и систематической работы со студентами, что немыслимо без специальной теоретической и методической подготовки.

Структурно-функциональный подход к редактированию текстов позволяет превратить редактирование в деятельность, которая отвечает, по А. Н. Леонтьеву, особой, соответствующей ей потребности и в которой предмет деятельности совпадает с мотивом. Будущий редактор, студент-издатель, научившись редактированию как взаимосвязанной художественно-эстетической и интеллектуально-речевой деятельности, сумеет освоить опыт осознанного редакторского чтения и анализа текстов самых разных видов и типов (Мосунова, 2013).

Что мы понимаем под структурно-функциональным подходом? При проведении данного исследования мы исходили из понимания редактирования не как простой совокупности интеллектуальных и речевых действий, отражающей способность редактора более или менее последовательно совершенствовать литературное произведение, а из понимания редактирования как структуры – либо организованного целого, все элементы которого находятся в определённом взаимоотношении, при котором изменение одного из них влечёт за собой изменение остальных. При этом осуществление такого редактирования представляет собой содержательную систему актов деятельности, формирующихся в процессе смыслопонимания и проходящих ряд закономерно сменяющихся друг друга этапов.

Структурно-функциональный подход к редактированию подразумевает, что тот или иной элемент произведения рассматривается не как отдельная материальная данность, а как функция с двумя или чаще многими образующими. Иными словами, любая смысловая единица редактируемого текста есть явление, зависящее от других и изменяющееся по мере изменения этих других явлений. Планируемый результат каждого шага редактирования – всегда отношение (например, отношение темы к задаче, заключённой в ней; задачи – к главной мысли, тезиса – к структуре, ключевых понятий – друг к другу). Вне

этих связей творческий результат совместной работы автора и редактора просто не существует. Простое перечисление шагов, принятое во многих учебниках по методике редактирования, ничего нам не даст (равно как и рассмотрение действий вообще, вне текста как органического единства), поскольку, входя в различные структуры целого, один и тот же материальный элемент текста приобретает различный смысл.

Таким образом, *целью* экспериментальной работы было теоретическое обоснование, разработка и дальнейшая экспериментальная проверка инновационной методики обучения редактированию – его структурно-функциональной организации.

Объект эксперимента – процесс обучения структурно-функциональному редактированию текстов в ситуациях совместной продуктивной и творческой деятельности.

Суть ситуации совместной продуктивной и творческой деятельности, по В. Я. Ляудис (Ляудис, 1992), заключается в капитальной переориентации смысла и порядка организации всего учебного процесса, а именно: предоставление ведущей роли на всех этапах учения творческим и продуктивным задачам, упреждающим решение репродуктивных задач. Такая организация системы учебных задач, при которой на первый план выдвигаются задачи продуктивные и творческие, а задачи репродуктивные, простые формально-логические занимают не ведущие и первые места, а решаются в контексте задач продуктивных и творческих, является психологически наиболее эффективной для развития всей познавательной деятельности. Данная организация наиболее оправдана и с точки зрения более высокого уровня мотивации интереса, и, следовательно, меньшей произвольности усилий, большей лёгкости обучения и воспитания.

Для каждого цикла занятий сохраняется высокая роль смыслов и целей, которые вводятся указанными заданиями, а освоение операционно-технических аспектов формируемой деятельности при решении репродуктивных задач становится осмысленным и внутренне мотивированным. Так, составление комментариев и примечаний, написание аннотаций, предисловий и послесловий и т. д. к реальным изданиям в качестве ведущей задачи на всех занятиях помогает студентам удерживать интерес к изобразительно-выразительной стороне речи и мотивирует осознанное обращение к теории языка и литературы в связи со смыслом и целями редактируемого текста. Учёными обнаружены значительно более высокие показатели развития памяти, воображения, образного и логического мышления у учащихся, которые сочиняют собственные тексты вместе с преподавателем и другими учащимися, по сравнению с людьми, которые переписывают чужие тексты или излагают их своими словами.

Решение творческих задач в сотрудничестве с преподавателем изменяет структуру учебно-воспитательной ситуации в целом, так как создается надёжная система внутренней стимуляции самого широкого спектра взаимодействий, отношений, общения как между преподавателем и студентами, так и между самими учащимися.

Система внутренних мотивов, возникающих в ситуации продуктивных взаимодействий, переориентирует, в свою очередь, мотивы и процесс решения

репродуктивных учебных задач за счёт создания целостного смыслового поля в пространстве творческих взаимодействий. Как доказано В. Я. Ляудис и её сотрудниками, такая ситуация может использоваться в качестве метода амплификации (усиления), интенсификации процесса развития личности, а не только познавательной деятельности студента.

Итак, подготовка студентов-издателей к структурно-функциональному редактированию осуществлялась нами в ситуациях совместной продуктивной и творческой деятельности, где ведущая роль отводилась творческой задаче: смыслопониманию в процессе чтения и редактирования текста.

Предмет исследования – содержание и последовательность формируемых действий – приёмов структурно-функционального редактирования, составляющих важные элементы программы ряда дисциплин: «Психология речевого произведения», «Технология редакционно-издательского процесса», «Редакторская подготовка изданий», «Теория текста» и др.

При анализе приёмов структурно-функционального редактирования мы учитывали, что может быть два пути их усвоения: стихийный и управляемый.

В первом случае художественно-эстетические и интеллектуально-речевые действия не выступают как специальные предметы усвоения. Их становление идет лишь по ходу редактирования, где они занимают место средств и поэтому не осознаются. В этом случае процесс формирования умений осуществлять редактирование как особым образом взаимосвязанное целое растягивается и далеко не всегда приводит к желаемому результату. Но даже и там, где формируются данные умения, они остаются недостаточно осознанными, недостаточно обобщёнными и в результате этого ограниченными в своем применении теми частными условиями, в которых они возникли.

При втором пути приёмы структурно-функционального редактирования выступают как предметы специального усвоения. В силу управления процесс их формирования резко сокращается во времени и приводит к усвоению заданных приёмов с заранее намеченными качествами. Этим путём мы и шли.

Наконец, мы исходили из положения о том, что успешность формирования действий определяется качеством их ориентировочной основы. Помочь автору в создании оригинального и взаимосвязанного текста будущий редактор сможет лишь в том случае, если сумеет выделить в нём основные элементы и понять их отношения. Специфические особенности ситуации, заданные темой, и должны выступить для него в качестве ориентировочной основы, определяющей путь редактирования.

Для того чтобы успешно раскрыть тему произведения, надо понимать, что такое тема, идея, отношения между темой, идеей и структурой текста. Обучая студентов редактированию, преподаватель обычно полагается на их «редакторский» опыт и не уделяет должного внимания той предметной ситуации, которая должна моделироваться, переводиться в речевое высказывание. При этом негласно предполагается, что студенты понимают, что такое редактирование, какую задачу ставит оно перед редактором, какие существуют отношения между этапами редактирования. Поэтому подготовка к редактированию сводится к рекомендациям «помочь автору раскрыть тему»,

«соблюдать логику», «приводить аргументы», «делать выводы». Однако, как правило, студенты испытывают значительные трудности при редактировании: не знают, с чего начать, как выстроить текст, к чему прийти.

Учитывая это и понимая значение ориентировочной основы действий, мы пришли к выводу, что основная причина затруднений, которые обычно испытывают студенты при редактировании, заключена не в информационной части деятельности (они понимают суть произведения), а в ориентировочной, содержание которой лежит вне литературного текста.

Впервые с изучением основных элементов редактирования – анализом темы, идеи, структуры текста – студенты встречаются при изучении дисциплины «Введение в книгоиздательскую деятельность» (I курс), да и то в частном виде, при изучении различного опыта редактирования в истории книжного дела. Редактирование же, представляя собой переосмысление произведения, нередко включает в себя одновременно целый комплекс объектов редакторского анализа, то есть является структурой большой сложности. Она значительно усложнена по отношению к задачам создания произведения. Один из элементов редактирования может доминировать или входить в состав другого, создавая сложную иерархию пластов, взаимно соотнесённых, но не одинаковых. С этим связана принципиальная множественность возможных способов редактирования текстов.

В силу этого в нашем исследовании, направленном на поиск и последующее формирование общих приёмов структурно-функционального редактирования, в центр внимания была поставлена ориентировочная основа действий, составляющих искомый приём.

При разработке программы спецкурса «Методы обучения редактирования текстов» для магистрантов, где идея структурно-функционального подхода к редактированию была воплощена в полном объёме, мы опирались на теорию поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина (Гальперин, 1985). Была выдвинута *гипотеза* относительно того, что формирование умений редактирования будет проходить более успешно, если в содержание ориентировочной основы каждого из формируемых действий включить знания о его целевом, предметном, операциональном компонентах и отрабатывать разные виды художественно-речевых и интеллектуально-речевых умений в составе той деятельности, в которую они входят в качестве одного из действий.

Главная *задача* исследования состояла в установлении содержания и структуры ориентировочной основы действий. Для этого вначале нужно было выделить все элементы, входящие в неё, затем – проанализировать их отношения и только на этой базе строить модель приёма в целом.

Поскольку формирование искомого приёма предполагалось в составе деятельности редактирования произведения, его понимания и совершенствования, то необходимо было найти такие элементы, такие структурные единицы, которые составляют сущность любого коммуникативного акта (Мосунова, 2007).

Впервые указал на проблему понимания как на центральную гносеологическую проблему гуманитарных наук Густав Шпет. В истории русской культу-

ры этому удивительно многогранному учёному – философу, психологу, историку, лингвисту, искусствоведа – принадлежит уникальное место. Именно он глубоко и всесторонне разработал философию истолкования, герменевтику. Идеи герменевтики зарождаются, по Г. Шпету, тогда, когда «зарождается желание отдать себе сознательный отчёт о роли слова как знака сообщения» (Шпет, 1989, с. 232).

Густав Шпет подчеркивал коммуникативный аспект, лежащий в основе герменевтики: «Сообщение есть та стихия сознания, в которой живет и движется понимание. Сообщаемое – сфера герменевтики. Data, которые ведут к предмету понимания и на которых организуется всё его содержание, – слова, как знаки» (Шпет, 1991, с. 222).

Шпет одним из первых в русской литературе употребил термин *семиотика* и признан первым в ряду создателей семиотики в России. Именно Шпет стал рассматривать слово в исторических документах как знак, интересный историку исключительно со стороны своего значения, то есть со стороны того, о чём слово сообщает. Стремясь к точности интерпретации слова как сообщения, Густав Шпет разграничивал его значение и смысл. Значением он считал тот многозначный набор, который фиксируется словарями. Смысл же, полагал учёный, лежит в плоскости того единственного понимания, которое возникает в данном речевом контексте (Шпет, 1989, с. 265).

Литература рассматривается в семиотике как особое средство коммуникации, особым образом организованный язык. В понятие «язык» мы вкладываем то широкое содержание, которое принято в семиотике, – любая упорядоченная система, служащая средством коммуникации и пользующаяся знаками. Следовательно, словесные (речевые) произведения, тексты можно рассматривать как сообщения на этом особом языке. Но чтобы получить сообщение, нужно владеть языком, на котором оно написано. Язык, для того чтобы быть языком, должен быть понятен по крайней мере двум индивидуумам.

Проблема понимания, то есть проблема способности осмыслять, постигать содержание, смысл, значение сообщений на языке слов актуальна в обучении редактированию. Её особая острота связана с тем, что любой текст, по определению Ю. М. Лотмана, – это «сложно построенный смысл» (Лотман, 1970, с. 19), который не может быть сформулирован в строгих логических понятиях, не может быть просто передан, сообщён или объяснён.

Как утверждал Г. Шпет, «переход от знака к смыслу вовсе не есть “умозаключение”, а, по крайней мере, в основе своей это есть первичный и непосредственный акт “усмотрения” смысла. В этой первичности мы его и отыскиваем» (Шпет, 1994, с. 316). Смысл надлежит искать, обнаруживать, раскрывать, и в этом непосредственном «усмотрении» смысла содержится большая трудность, так как все элементы текста, по Лотману, «суть элементы смысловые» (Лотман, 1970, с. 19).

Таковыми же «смысловыми» должны быть элементы редактирования, коммуникативная задача которого, в свою очередь, – выразить понимание и по необходимости предложить усовершенствование элементов литературного произведения: его идеи, темы, композиции и т. д.

Теоретический анализ процесса работы над редактированием разных видов и типов изданий в составе деятельности понимания и совершенствования произведений позволил нам конкретизировать содержание экспериментального обучения. Построение теории о какой-либо предметной области предполагает наличие и аналитического, и синтетического знания о каждом предмете этой области, объективно состоящем из частей. Анализируя различные методики обучения редактированию и частные способы их применения с точки зрения процессов смыслопонимания, мы увидели общность их ориентировочной основы (Мосунова, 2009).

Оказалось, что каждый способ, отличающийся от других предметным содержанием, логикой, операционной системой исполнительной части редактирования, требует для своей реализации ориентировки на такие элементы и их отношения, которые характеризуют любой процесс редактирования. Это, во-первых, тема – предмет, основное содержание произведения; во-вторых, идея – главная мысль, определяющая это содержание; в-третьих, структура – взаиморасположение и взаимосвязь частей, раскрывающих тему и несущих идею автора произведения.

Кроме того, успех в совершенствовании текста предполагает понимание отношений между этими элементами, то есть понимание их функции. Так, студент должен понять, что идея зависит от того, какую задачу ставит тема перед пишущим. Задача же, необходимая для определения главной мысли, напрямую связана с тем, насколько глубоко проанализирована тема. Далее, студент должен усвоить, что тезис – это идея автора произведения, а структура – её реализация. Структура произведения всегда является носителем идеи, и сложность структуры находится в прямо пропорциональной зависимости от сложности передаваемой мысли. Усложнение характера идеи неизбежно приводит к усложнению используемой для её передачи структуры. Наконец, если структура произведения достаточно сложная, то в этом случае появляется новая система отношений – отношения между частными и общими задачами, определяемые темами и идеями отдельных частей.

Например, главная мысль редактируемого произведения (I^0) выступает не только как функция от общей темы (T^0) и общей задачи (Z^0), воплощенная в общей структуре (C^0), но и как функция от задач отдельных структурных элементов: $I^0 = Z^1C^1 + Z^2C^2 + Z^3C^3$.

В качестве объектов редактирования, как правило, выделяют содержание, композицию, язык и стиль произведения. Эти объекты представляют определённую иерархию в системе обучения редактированию и отрабатываются последовательно в соответствии с образовательной программой по издательскому делу. По мере продвижения от анализа содержания и фактического материала к языку и стилю происходит становление художественно-речевых и интеллектуально-речевых компонентов формируемой деятельности. Изменяются уровень глубины анализа редактируемого произведения, способы совершенствования текста и приёмы его словесного воплощения. На старших курсах содержание, композиция, язык и стиль произведения могут представлять различные структурные уровни процесса редактирования произведения в комплексе.

Указанные выше элементы и их отношения составляют предмет редакторского анализа всех видов и типов изданий, поэтому рассмотрение их только как принадлежность, например, к научным изданиям ничем не оправдано. И фактический материал, и его композиционное построение, и языковая форма его представления являются собой всего лишь частные случаи текстовых структур. Литературное произведение важно рассматривать как системное образование, независимо от того, имеется сложившаяся система или нет, безупречна она или нуждается в усовершенствовании.

В самом деле, сравним задачи редактирования разных элементов произведения.

Анализируя содержание, редактор должен мысленно представить фактический материал в формально упорядоченном виде. Это задача классификации фактического материала по содержательной значимости. В результате осмысления содержания выявляются тематически самостоятельные фрагменты, а внутри этих фрагментов в свою очередь выделяются ключевые элементы, а также аргументы и примеры. Сложность заключается в том, что выявить системообразующие элементы содержания весьма непросто, так как в авторском произведении система нередко не обнаруживается, отдельные её составляющие попросту отсутствуют.

Композиция как путь раскрытия содержания призвана объединить все его элементы в единое целое. Здесь задача редактора – найти такой способ системной организации элементов содержания, чтобы достичь единства содержания и формы, добиться композиционной целостности и системности. Целостность предполагает логическую последовательность частей, их соразмерность, согласованность, соподчинённость. Системность требует взаимосвязи и взаимозависимости компонентов, когда любые изменения, касающиеся даже самых маленьких частей, влекут за собой изменения целого. Трудность данной задачи состоит в том, что чем сложнее по замыслу произведение, тем сложнее его композиция, а изменив композицию, мы неизбежно меняем содержание, тем самым вторгаясь в авторский замысел. Композиция, по сути, и есть носитель авторского замысла.

Задача редактирования языка и стиля – найти оптимальную речевую форму для данного содержания произведения. Условием реализации этой задачи является приведение текста в полное соответствие с нормами языка и стиля. Только после этого этапа возможна корректировка языковых средств с учётом их стилистической дифференциации и мотивированного выбора. Здесь важно учитывать восприятие редактируемого текста конкретной группой читателей, заботиться об адекватном понимании ими каждого слова и текста в целом. Взаимосвязь того и другого неоднозначна. Читатель может осмыслить значение каждого слова, но не понять мысли, высказываемой автором, и, наоборот, мысль может быть понятна, если значение не всех слов читателю знакомо. Оптимальная речевая форма предполагает соответствие текста восприятию и степени подготовленности потенциального читателя. Результат эффективного решения задачи редактирования языка и стиля состоит в повышении информативности и речевой культуры текста.

Всякое издание является коммуникативной системой, его цель – сообщить читателю определённую информацию. Смыслопонимание неотделимо от особенностей редактируемого текста. Успешное редактирование изданий любого типа предполагает усвоение основных понятий, связанных с коммуникативным актом. Студент должен осознать, каков предмет произведения, какую мысль автор хочет сообщить об этом предмете, как он эту мысль поможет донести до читателей посредством своего редактирования.

Определению круга понятий, характеризующих коммуникативный акт, способствовала теория речевой деятельности (психолингвистика), в которой речь рассматривается как разновидность человеческой деятельности, её усвоение и развитие. Порождение высказываний осуществляется в процессе разнообразных её видов. Следовательно, редактирование – это речевая деятельность, означающая систему интеллектуально-речевых действий, характеризующихся единством общения и мышления (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. А. Леонтьев и др.). Но не только. Так как редактор понимает тексты, истолковывает их, испытывает определённые эмоции по отношению к содержанию произведений, подбирает изобразительно-выразительные средства языка, иными словами, реализует систему художественно-эстетических действий, редактирование является и художественно-эстетической деятельностью.

Найти связи речевой деятельности с художественной нам помогли работы М. М. Бахтина, излагающего теорию речевых жанров. Единицей коммуникативного подхода М. Бахтина становится высказывание, а не слово или предложение.

Говоря о характере и формах использования языка в разнообразных областях человеческой деятельности, Бахтин сосредоточивает внимание на высказывании, которое «отражает специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения» (Бахтин, 1979, с. 288).

Законом высказывания является, по Бахтину, ориентация на другого: «Высказывание с самого начала строится с учётом возможного ответа. Высказывание строится для другого. Мысль становится действительной мыслью лишь в процессе её сообщения другому. Сознание становится практическим сознанием для другого» (Бахтин, 1996, с. 379).

Всякое высказывание индивидуально, подчёркивает Бахтин, но определённая функция и определённые условия речи «порождают определённые жанры, то есть определённые, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» (Бахтин, 1979, с. 254). Более того, учёный считает, что «мы говорим только определёнными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определёнными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого» (там же, с. 257). Он отмечает необозримое богатство и разнообразие речевых жанров как следствие

неисчерпаемых возможностей разнообразной человеческой деятельности. Особо подчеркивая крайнюю разнородность речевых жанров (устных и письменных), Бахтин относит к ним и короткие реплики бытового диалога, и бытовой рассказ, и письмо, и короткую стандартную военную команду, и развёрнутый и детализированный приказ, и довольно пёстрый репертуар деловых документов, и разнообразный мир публицистических выступлений, многообразные формы научных выступлений, и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа).

Отсюда следует, что и тексты, создаваемые собственно редактором, например, при подготовке аппарата издания (аннотации, комментарии и примечания, предисловия, послесловия и др.) являются жанрами речевого высказывания, его «относительно устойчивыми типами». В них также «стиль неразрывно связан с определённым тематическим единством и – что особенно важно – с определённым композиционным единством: с определённым типом построения целого, типом его завершения, типом отношения говорящего к другим участникам речевого общения» (там же, с. 254–255).

С этой точки зрения редактирование обладает своим набором структурно-смысловых компонентов, которые могут быть представлены в нём более или менее выражено, свёрнуто и развёрнуто, эксплицитно и имплицитно. Система речевых действий переводит понимание произведения во внешний, словесный, план (Мосунова, 2006). Тем самым реализуется взаимосвязь художественно-эстетической деятельности и речевой. Говоря в терминах психолингвистики, редактирование как разновидность речевой деятельности представляет собой «совокупность речевых действий, имеющих собственную промежуточную цель, подчинённую цели деятельности как таковой» (Леонтьев, 1969), то есть структурно-смысловые компоненты редакторских речевых жанров входят в структуру деятельности понимания и истолкования текста как операции.

Определим особенности редактирования как речевой деятельности, относящейся не только к интеллектуальной, но и к художественно-эстетической сфере. Редактируемый текст может отличаться образностью, эмоциональностью, субъективной модальностью. Эмоциональность и субъективная модальность нередко присущи и научным, и научно-популярным, и учебным текстам. Строящееся на их основе редакторское высказывание характеризуется нежёсткой структурой, внутри которой в различной последовательности и сочетаниях соединяются структурно-смысловые компоненты. Речевой жанр, создаваемый редактором, может начинаться с выражения отношения к автору литературного произведения, с определения ключевых понятий темы или постановки проблемы, с суждения о важности темы или выделения главной идеи – это зависит от замысла субъекта высказывания. Важно обнаружить то единство, тематическое, композиционное и стилистическое, которое характеризует редакторское высказывание как речевой жанр.

После усвоения основных понятий и их отношений студенты должны усвоить общий метод структурно-функционального редактирования, позволяющий устанавливать систему элементов и их отношений в условиях редактирования или создания любого собственного конкретного текста.

Таким образом, рассматривая обучение редактированию как формирование у студентов взаимосвязанной художественно-эстетической и интеллектуально-речевой деятельности, мы пришли к заключению, что в центре внимания обучающегося должна быть ориентировочная основа этой деятельности. Учащийся, освоив основные элементы, слагающие ориентировочную основу, их отношения и метод проектирования её в условиях редактирования конкретного произведения, сможет самостоятельно создать любое связное речевое высказывание, написать осмысленный текст. Одновременно это означает, что в основу классификации приёмов редактирования надо класть содержание и структуру ориентировочной основы деятельности студентов, необходимой для редактирования.

Конкретизируя фундаментальные положения теории поэтапного формирования умственных действий для случая обучения редактированию и используя результаты проведённого анализа процесса работы над произведением в составе деятельности понимания и совершенствования текста, выскажем следующие предположения относительно последовательности и характера введения отдельных приёмов работы в процесс обучения.

I. Задавать учащимся общую ориентировку в работе над произведением следует на основе знаний методологического характера о логической структуре речевой деятельности, её этапах. Структура речевой деятельности рассмотрена в психолингвистике А. А. Леонтьевым. Выдвинутая им модель порождения речевого высказывания включает в себя четыре этапа: 1) этап мотивации, 2) этап замысла, 3) этап осуществления замысла (реализация плана), 4) сопоставление реализации замысла с самим замыслом. По мнению учёного, «эти этапы соответствуют структуре любого интеллектуального акта» (там же, с. 133), а значит, как мы полагаем, могут служить ориентировочной основой деятельности редактирования.

II. Формировать приёмы интеллектуально-речевой деятельности следует через ориентировку в системе знаний об умственных действиях: анализа и выделения главного, синтеза, обобщения, систематизации, классификации и т. д. Содержание и структура умственных действий детально разработаны психолого-педагогической наукой.

III. Формировать приёмы художественно-эстетической деятельности следует через ориентировку в системе знаний о действиях воображения. Принцип анализа «по единицам» (Л. С. Выготский), при котором та или иная реальность разлагается на «единицы», содержащие в себе основные свойства, присущие этой реальности как целому, помог нам выделить следующие действия воображения в составе деятельности редактирования текста.

1. Сосредоточение, концентрация на представлениях, возникших в результате эмоционального переживания ситуации текста.

2. Конкретизация представлений: поиск единичных материальных реальных, точных и вещественно определённых.

3. Детализация представлений: поиск мелких подробностей, частных, которые порождаются личным опытом.

4. Словесное воплощение представлений: поиск средств художественной изобразительности – эпитетов, сравнений, метафор и др.

5. Построение целостного образа текста (Мосунова, 2006).

IV. Формировать основные приёмы анализа темы литературного произведения следует через систему знаний о понятиях, их различном объёме, о видах определения понятий через родовидовые отношения, существенные признаки и синонимические понятия. Данная система знаний способствует проникновению в смысл будущего произведения, то есть помогает ориентироваться в содержании темы или в её «значении, постигаемом разумом и доступном выражению в различных формах».

V. Важно осмыслить понимание редактируемого произведения как структуры – особой организации, взаимоотношения элементов текста, при котором изменение одного из них влечёт за собой изменение остальных. Формировать приёмы структурирования текста следует на основе сформированных приёмов анализа темы, определения её задачи (этап мотивации) и формулирования тезиса – главной мысли (этап замысла). Иными словами, явление планирования следует рассматривать в качестве автоматизированного свёрнутого действия по отношению к замыслу, в отличие от тех методик обучения редактированию, в которых составление рабочего плана произведения начинается с первых же занятий.

VI. Задавать ориентировку в совершенствовании редактируемого текста (этап осуществления замысла) следует не только как в объекте действия интеллектуально-речевого (то есть чисто когнитивного), но и как в продукте эмоционально-оценочной деятельности, то есть вводя отдельные сведения о способах эмоционально-личностной оценки прочитанного.

VII. Обучение редактированию проводить на текстах, содержание которых раскрывает указанные выше четыре ориентировки в системе знаний: о логической структуре и этапах речевой деятельности, о действиях воображения, об умственных действиях, о понятиях и их определениях.

VIII. Перенос сформированных интеллектуально-речевых и художественно-эстетических умений на разные типы изданий организовать в процессе постепенного перехода от совместной с преподавателем продуктивной и творческой деятельности по редактированию текстов к самостоятельной деятельности редактирования и саморедактированию собственных речевых произведений.

Таким образом, сущность редактирования как взаимосвязанной художественно-эстетической и интеллектуально-речевой деятельности заключается в его внутреннем содержании личностных смыслов, мотивов, задач, средств, действий и операций. Перефразируя высказывание Б. М. Эйхенбаума о поэзии, можно сказать, что редактирование требует внутренней биографии. Это внутреннее содержание – «внутренняя биография» – обнаруживается не столько в процессе работы над чужим литературным произведением, сколько в процессе проектирования собственного конкретного и лично окрашенного текста, который создаётся посредством системы художественно-эстетических и интеллектуально-речевых действий. Взаимосвязь художественно-эстетических и ин-

теллектуально-речевых действий образует относительно устойчивое тематическое, композиционное и стилистическое единство – речевой жанр.

Итак, тема произведения, его идея и структура, в которой она воплощается, а также функциональные отношения между этими понятиями в ситуации конструирования речевого высказывания и составили содержание первой части нашей обучающей программы. Вторую часть составил общий метод анализа этих элементов и их отношений в условиях редактирования любого конкретного произведения как жанра речевого высказывания.

Курс обучения состоял из 16 занятий. Занятия проводились один раз в две недели по 1 часу 30 минут каждое. В эксперименте приняли участие 14 человек. Обучение было организовано по методической схеме, являющейся вариантом поэтапного формирования действий.

Программа курса была следующей. На первых четырёх занятиях вводились методологическая, психологическая, логико-лингвистическая и информационная системы знаний. Осваивались алгоритм подготовки к редактированию и порождение замысла, отрабатывались основные приёмы анализа темы (выделение ключевого понятия, осмысление каждого слова в теме через подбор синонимов, формулирование темы другими словами) и структурирования главной части (выделение в тезисе ключевых понятий, установление логической связи между ними, выстраивание структурных элементов редактируемого текста в соответствующем замыслу порядке).

Содержанием пятого и шестого занятий являлась работа, синтезирующая все освоенные ранее действия. На пятом занятии отрабатывалось обобщенное действие, включающее сформированные действия анализа темы и определения задачи как операции, – создание редакторской аннотации.

Шестое занятие обобщало операции формулирования тезиса (идеи произведения, его главной мысли) и структурирования на основе этой ведущей идеи содержания произведения, то есть обучало главной цели редактирования. На этом занятии важно было усмотреть два момента. 1) Сложность структуры произведения находится в прямо пропорциональной зависимости от сложности передаваемой ключевой идеи. Испытуемые в ходе тренировочных упражнений убеждались, что усложнение характера главной мысли неизбежно приводит к усложнению используемой для её передачи структуры текста. 2) Изменённая структура произведения донесёт до его читателя иную идею. Эта идея не содержится в каких-либо, даже удачно подобранных цитатах, частных или общих выводах, суждениях, а выражается во всей структуре текста.

Отталкиваясь от известной аналогии Ю. М. Лотмана, мы показывали, что редактор, не понимающий этого и ищущий идею в отдельных цитатах, «похож на человека, который, узнав, что дом имеет свой план, начал бы ломать стены в поисках места, где этот план замурован. План не замурован в стену, а реализован в пропорциях здания. План – идея архитектора, структура здания – её реализация» (Лотман, 1970, с. 19). Отсюда становится понятна непродуктивность для профессионального развития традиционной методики подготовки к редактированию с коллективным составлением рабочего плана и фронтальным обсуждением каждого пункта. В результате такой подготовки появляются десятки

похожих версий произведений, где нет главного – личности «архитектора» со своей оригинальной идеей, воплощённой в единственно возможной, уникальной структуре. А лишь при этом условии редактирование становится формой самовыражения, самореализации учащегося, способом развития его самосознания.

Начиная с седьмого занятия, мы проводили только тренировочные упражнения, направленные на отработку общего метода анализа элементов произведений и их отношений. Формировалась система художественно-эстетических и интеллектуально-речевых умений на примере разных видов и типов изданий по основным разделам образовательной программы: научных, художественных, научно-популярных, учебных, справочных, рекламных. Вместе с тем преимущественное внимание уделялось изданиям художественной литературы, так как они предоставляют возможность существенного разнообразия осваиваемой деятельности.

Последнее, шестнадцатое, занятие было посвящено обобщению и систематизации пройденного. Помимо закрепления знаний о целевом, предметном, операциональном компонентах ориентировочной основы каждого из сформированных действий был осуществлен перенос этих знаний в новую ситуацию. Студентам предлагалось разработать варианты алгоритма редактирования на основе индивидуального опыта. На основе выявления и обсуждения типичных затруднений при редактировании текстов коллективно разрабатывались рекомендации по преодолению этих затруднений.

На всех занятиях использовались два типа упражнений: фронтальные и индивидуальные. Контрольные срезы проводились в конце каждого цикла (на четвёртом, шестом и пятнадцатом занятии) и в конце курса. По редакторским текстам мы видим, что студенты более осмысленно, целенаправленно проводят подготовительную работу: анализируют тему, ставят задачу, формулируют главную мысль произведения. При этом они уже не испытывают затруднения в вопросе, с чего начать написание, например, предисловия, так как убедились, что оно является результатом предшествующей аналитической работы.

Решающее влияние на становление художественно-эстетических и интеллектуально-речевых умений оказали психологическая (действия воображения) и логико-лингвистическая системы знаний и освоение на их основе приёмов редактирования и создания собственного текста.

Начавшиеся после шестого занятия тренировочные упражнения по созданию целостных текстов привели к ещё более глубокому освоению формируемой деятельности.

В целом к пятнадцатому занятию были достигнуты цели, которые в обычном обучении считаются желательным, но побочным результатом и достигаются на интуитивном уровне только отдельными особо одарёнными студентами. Письменные работы испытуемых к концу курса обучения стали более структурированными, связными, в чём тоже существенную роль сыграла логико-лингвистическая система знаний. При этом сформированное действие создания речевого высказывания – в его частном варианте написания редакторских

текстов – было подлинно гибким: учащиеся могли осуществлять перенос данного действия на любую тему и любой вид редактирования.

Поскольку редактирование понималось нами как структура, то есть как особая организация, взаимоотношение элементов текста, при котором изменение одного из них влечёт за собой изменение остальных, то это понимание определило стратегию обучения и явилось его системообразующим фактором. Поэтому для описания результатов экспериментального обучения необходимо провести еще одно небольшое рассуждение относительно некоего обобщённого параметра, с помощью которого можно проводить качественный анализ уровня сформированности умения редактировать литературные тексты.

Этим параметром является взаимосвязь элементов произведения – отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между всеми структурно-смысловыми единицами редактируемого студентами текста. Вводя данный параметр, мы опирались на разработанные в философии и логике понятия части и целого. «Часть» – внешне обособленный предмет, входящий в состав другого предмета («целого») и выполняющий в нем определённую роль. «Целое» – предмет, состоящий из различных частей и обладающий в силу этого определёнными свойствами, которых нет у отдельных частей и которые присущи лишь их координации. «Суммативных» целых (то есть таких, которые целиком сводятся к свойствам своих отдельных частей) вообще не бывает.

Говоря иначе, взаимосвязь элементов произведения отражает внутреннее единство всех действий и операций в редактировании текста. Именно взаимосвязь элементов произведения является главным критерием умения редактировать тексты, поскольку общий смысл произведения несводим только к значениям его элементов, возможно, качественным самим по себе, но теряющим настоящий смысл вне связи с другими.

Взаимосвязь элементов произведения конституируется прежде всего его автором и свидетельствует о способности редактора сознательно изменять стратегию и тактику редактирования в зависимости от темы произведения, его задач, ведущей идеи, характера литературного материала. Тактикой редактирования мы называем конкретное протекание того или иного вида художественно-эстетической и интеллектуально-речевой деятельности при редактировании разных видов и типов изданий.

Особенно ярко та или иная тактика редактирования текста обнаруживается в ситуации производственной практики, когда студенту важно самостоятельно и за весьма короткое время определить, исходя из конкретной темы, главную мысль произведения и отредактировать необходимый для её раскрытия литературный материал. Естественно, что кроме чётко поставленных задач редактирования успешность данных операций определяется тем, насколько свободно он ориентируется в процедуре анализа темы, выделении ее ключевых понятий и определении отношений между ними.

Именно умением обнаружить взаимную связь всех элементов произведения объясняется тот факт, что при прочих равных условиях (одинаковых видах изданий, их сложности и объёме, одном литературном материале) опытный

учащийся редактирует текст эффективнее и быстрее. Его редакторские тексты будут отличаться цельностью, ясностью, внутренним единством, ибо разные задачи, которые может ставить тема перед пишущим, он будет раскрывать на основе разных ведущих идей, в логически обоснованной ими структуре, на не случайных литературно-художественных реалиях.

На наш взгляд, проявление взаимосвязи элементов речевого произведения зависит от того, насколько эффективно и полно сформирован у студента целевой компонент действия написания редакторских текстов, то есть насколько сознательно формулируется тот или иной тезис в зависимости от задач совершенствования произведения, в которую редактирование включено в качестве главного условия.

Наличие взаимосвязи элементов в редакторском тексте обусловлено и тем, насколько совершенно сформирован у студента предметный компонент редактирования, то есть насколько полно и тонко он ориентируется в идейно-художественном своеобразии литературного произведения, в отношениях между структурными составляющими литературного целого.

Взаимосвязь элементов речевого произведения обусловлена и полнотой ориентировки уже внутри собственной художественно-эстетической и интеллектуально-речевой деятельности. Именно поэтому такой учащийся будет сознательно писать по-разному, допустим, предисловие, в котором доминирует представление автора и его произведения среди других подобных произведений и изданий, или послесловие, построенное на осмыслении произведения в контексте современности.

Зададимся вопросом, как соотносится параметр взаимосвязи элементов произведения с другими известными параметрами, с помощью которых можно характеризовать сформированное действие.

В теории поэтапного формирования умственных действий выделяется ряд параметров для характеристики качества сформированного действия. Эти параметры делятся на первичные и вторичные. К первичным относятся форма, обобщённость, развёрнутость (автоматизированность, быстрота и др.). К вторичным параметрам относятся разумность, сознательность, критичность и некоторые другие.

Нетрудно заметить, что принятый нами термин «взаимосвязь» в отношении элементов редактируемого текста соответствует параметрам обобщённость действия, его сознательность, освоенность, автоматизированность и быстрота, то есть это понятие действительно является достаточно ёмким, полно характеризующим уровень сформированности действия редактирования.

Итак, мы предположили, что первым условием взаимосвязи элементов произведения является задание полной психологической ориентировки в художественно-эстетических и интеллектуально-речевых действиях редактирования, их приёмах и операциях, а это предполагает ориентировку в возможных целях редактирования, то есть ориентировку в структуре деятельности понима-

ния, истолкования и совершенствования текста, в которую редактирование включено в качестве главного условия.

Научившись осознавать и чётко ставить разные цели редактирования и включать в зависимости от этого приёмы и операции, учащийся тем самым начнёт редактировать и писать свои тексты целенаправленно взаимосвязанно, то есть по-разному, в зависимости от конкретных условий.

Однако возникает вопрос: достаточно ли для развития взаимосвязи элементов произведения задать ориентировку в целевом, предметном и операциональном компонентах и постепенно отрабатывать приёмы каждого из них в определённой последовательности, например от анализа темы к формулированию тезиса и структурированию текста? Может быть, необходимо приложить специальные усилия для развития взаимной обусловленности элементов редактирования, посвятив этому специальные упражнения на отработку логических связей между элементами произведения, между каждым элементом и ключевой идеей, вытекающей из анализа темы?

Нам представляется целесообразным усилить процесс становления внутреннего единства редактирования благодаря обобщённой ориентировке в способах связи ещё и специальными упражнениями на развитие взаимозависимости элементов редактирования в ходе каждого занятия.

Это определяет следующую типичную структуру занятий, начиная с седьмого: какие бы новые элементы редактирования и редакторские речевые жанры ни отрабатывались на занятии, учащимся обязательно каждый раз следует предлагать тренировочные упражнения на логику переходов от вступления к основной части, от одной части к другой, от главной части к обобщению. Важное место среди данных тренировочных упражнений должно отводиться заданиям на формулирование задачи и микровывода в каждой части речевого произведения.

Приёмы этих видов интеллектуально-речевой деятельности могут постепенно отрабатываться и совершенствоваться, но установка на то, что создавать разные редакторские речевые жанры в зависимости от разных целей речевого высказывания надо уметь по-разному, должна быть задана с первого же занятия.

Перейдём теперь к описанию результатов проведённого эксперимента, подтвердившего высказанное предположение относительно организации, методов, последовательности отработки разных видов художественно-эстетических и интеллектуально-речевых действий структурно-функционального редактирования текстов. Представляя результаты, приведём фрагменты работ студентов.

В начале обучения все участники спецкурса, в основном сильные студенты, в различной степени и только частично владели отдельными действиями. Они умели осмыслить тему: выделяли знаменательное «ключевое» слово как минимальную тему, её мотив, то есть определяли устойчивый содержательный компонент редактирования, могли сказать, о чём они будут писать, например, в предисловии. После немногочисленных упражнений стали легко нахо-

дить задачу, которую ставит тема перед пишущим. Поэтому создание аннотаций и предисловий, где необходимо определить ключевое понятие, найти собственное значение темы в результате её индивидуально-авторского осмысления и поставить перед собой задачу в виде конкретного информационного запроса, было освоено сразу и всеми.

Подтвердим этот вывод примерами.

Аннотация к воображаемой книге «Революция в поэме А. Блока “Двенадцать”». Аннотация начинается так: «Поэма “Двенадцать”, написанная А. Блоком в январе 1918 года, через два месяца после свершения Октябрьской революции, воплотила в себе отношение поэта к её драматическим событиям. Революция – это всегда резкий переворот в жизни страны, крутой излом в судьбах людей. Воссоздать в художественных образах революционную стихию, понять её влияние на нравственный мир человека стремился Александр Блок. Оценки поэмы современниками были диаметрально противоположными. Одни считали её гимном революции, другие – клеветой на неё. Чем является поэма, по мнению автора книги? Какой ему увиделась революция в образах-символах, созданных воображением гениального поэта? На этот вопрос читатель найдёт ответ в этой книге».

Другой пример. Книга А. И. Куприна «Поединок». Аннотация к ней: «Повесть “Поединок” – это звено в длинной цепи произведений Куприна, посвящённых русской армии. Работа над произведением растянулась на долгие годы, так как затронутые в нём острые социальные и моральные проблемы требовали глубокого осмысления и необычного художественного воплощения. Повесть не случайно получила название “Поединок”. Слово “поединок” отражает конфликт между общечеловеческими нормами и беспределом, творящимся в армии. Автор показывает поединок между злом и добром, насилием и гуманизмом, цинизмом и чистотой. Как, по воле автора, название отразилось в конкретных, неповторимых художественных образах, стиле, композиции произведения, читатель найдёт в этом издании».

И ещё одна аннотация, на этот раз к статье. Название – «Интерьер как средство характеристики героя (по роману Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”»». Студент конструирует следующее речевое высказывание: «В романе “Преступление и наказание”, опубликованном в 1866 году, автор ставит сложные социальные и философские вопросы, имеющие общечеловеческое значение. Достоевский – тонкий психолог, исследователь человеческой души. Для понимания человека и его характеристики писатель очень важную роль отводит интерьеру. Обстановка комнат, в которых живут герои, является символом пустоты и болезненности, невыносимой тяжести их жизни. Жилище способно ввести человека в болезненное состояние, породить преступные мысли. Каким образом интерьер служит средством характеристики героев Достоевского, автор постарался показать в своей статье».

Таким образом, мы видим, что такие интеллектуально-речевые умения, как анализ, выделение главного, постановка проблемы, к началу эксперимента были уже сформированы.

Однако формулирование главной мысли редактируемого произведения вызвало затруднения. Это показало отсутствие целевого компонента действия, неумение планировать заранее результат работы. Студенты затруднялись в выполнении интеллектуально-речевого действия обобщения, не могли кратко, но ёмко выразить суть ответа на поставленный самими же вопрос. Следовательно, бессодержательный, расплывчатый тезис не мог служить опорой для структурирования высказывания.

Освоение умения выделять главную мысль, идейный стержень произведения, потребовало значительно больше времени. Здесь на первый план вышло формирование целевого компонента действия. Наконец и это действие было усвоено. Докажем данное утверждение, приведя несколько тезисов, отразивших результат целенаправленных усилий авторов текстов по совершению аналитико-синтетических речевых действий.

Редакторский анализ научной статьи «Роль художественной детали в пьесе А. П. Чехова “Вишневый сад”». Тезис (главная мысль): «Деталь для Чехова является важнейшим изобразительным средством в передаче психологии героев, их взаимоотношений, драматургического конфликта. Детали в репликах помогают автору раскрыть характеры персонажей: “Все свое имение проел на леденцах” (о Гаеве); “Он занят делом, он богатеет, ему не до меня” (о Лопухине). Звуковые эффекты подчёркивают настроение действующих лиц и всей пьесы (звук лопнувшей струны, стук топора). Речевой характеристикой героев Чехов передаёт их особенности и недостатки (речь Гаева насыщена бильярдными терминами, речь Епиходова заполнена словами-паразитами). Рисуя детали пейзажа и обстановки, писатель показывает границу между прошлым и настоящим, изменения, которые происходят или произойдут».

Другое обобщение. Тема статьи «Анализ финальной сцены драмы А. Н. Островского “Гроза”». Будущий редактор пишет: «Главную роль в финальной сцене играют Тихон, Кабаниха и Кулигин. Гибель Катерины заставляет героев драмы посмотреть на жизнь с другой стороны. В семье Кабановых рушатся привычные устои и отношения. Тихон осознаёт ненужность своей жизни и обвиняет во всем свою мать. Бегут в другие края Кудряш и Варвара. Началась борьба нового со старым. Протест состоялся, и он будет продолжаться. Смерть главной героини – это открытый вызов деспотизму и произволу, жадности и самодурству, это “протест против кабановских понятий о нравственности”».

Последний пример. Тема редактируемой студенческой статьи – «На батарее Тушина (анализ эпизода из романа Л. Н. Толстого “Война и мир”)». Вот главная мысль редакторского анализа, сформулированная его автором: «Капитан Тушин – главный герой этого эпизода. Он обладает заурядной внешностью, но огромной силой духа. Героизм Тушина основан на уверенности в силе и мужестве своих солдат, на вере в победу. Тушин близок к народу, в его образе сочетаются “малое и великое”, “скромное и героическое”. На примере батареи Тушина Толстой показывает военные будни рядовых солдат и их тяжёлый повседневный труд».

Испытуемым удалось в данных речевых конструкциях добиться ёмкости содержания при предельной краткости высказывания, тем самым создав основу для дальнейшего редактирования текста, далеко не всегда совершенного. Такие тезисы могут служить опорой для выявления элементов целого и связей между ними, ибо являются достаточно информативными. Это очень важно, так как наибольшее затруднение у студентов вызывала именно взаимосвязь элементов произведения при редактировании целостного текста.

Умение видеть не только элементы произведения, их расположение, но и их взаимоотношение, внутренние связи, далось не сразу. С ростом сложности структурных элементов возрастала объём и сложность передаваемой ими информации. Для отдельных студентов целостный текст для редактирования явился структурой сверхсложной. Только неоднократное, до трёх-четырёх раз, совместное редактирование, взаиморедактирование и саморедактирование текстов привело к тому, что каждый участник курса осмыслил функцию, которую выполняет любой элемент произведения.

Самостоятельное редактирование литературного произведения, с пониманием всех его структурно-функциональных особенностей, с гибким переносом сформированных умений в новую ситуацию в соответствии с собственными потребностями и целями самовыражения создавало глубокую увлечённость и заинтересованность творческой деятельностью. Из тяжёлой и утомительной работа по редактированию и написанию редакторских речевых произведений превратилась в увлекательную и радостную, потому что стала осмысленной и протекала в условиях совместной продуктивной деятельности (Мосунова, 2011). Совершенствование чужого и построение собственного текста явилось, говоря словами философа М. К. Мамардашвили, «орудием преобразования себя», «орудием свободы».

Таким образом, экспериментальное обучение подтвердило следующее:

1. Обучение редактированию идет гораздо эффективнее на основе сформированных приёмов анализа темы, постановки задачи, формулировании тезиса, которые в свою очередь формируются на основе логико-лингвистических знаний о редактировании.

2. Особое значение для развития умения выделять главную мысль, идейный стержень редактируемого произведения имеет формирование целевого компонента действия с помощью методики формулирования информационного запроса и его перевода на уровень обобщённого ответа.

3. Сформированное действие редактирования становится полноценным по следующим причинам: методологические и информационные ориентировки влияют на формирование целевого компонента данного действия; логико-лингвистическая – предметного, а психологическая оказывает решающее влияние на становление операционального состава действия редактирования.

4. Предлагаемая методика обучения редактированию развивает отношения взаимозависимости элементов произведения, следовательно, взаимосвязанное порождение текста можно формировать на основе полной ориентировочной основы данного действия, включающей как описание основных приёмов структурно-функционального редактирования, так и системы знаний, на которых они базируются.

Отдельные звенья разработанной обучающей программы отрабатывались в ситуации индивидуального, рамках дипломных и курсовых проектов, экспериментального обучения.

Проведённое теоретико-экспериментальное моделирование обучения редактированию в составе деятельности понимания, интерпретации, совершенствования произведений и апробирование обучающей программы в процессе преподавания дисциплины «Методика обучения редактированию текстов» (читается у магистрантов), а также частично в дисциплинах, читаемых у бакалавров издательского дела («Введение в книгоиздательскую деятельность», «Психология речевого произведения», «Технология редакционно-издательского процесса», «Теория текста»), позволило сделать следующие выводы в отношении целей, содержания и методов обучения редактированию.

1. Целью обучения редактированию в вузе должно стать овладение возможными способами редакторского анализа произведения, проникновения в его смыслы.

2. Содержание данного обучения включает следующую систему знаний, направленных на формирование целевого, предметного и операционального компонентов действия редактирования: методологическую, информационную, логико-лингвистическую и психологическую.

3. Формировать умение редактировать издания различных видов и типов следует в составе ведущей деятельности, в которую редактирование входит в качестве действия, например, в процессе специально организованных занятий в период подготовки к написанию дипломных и курсовых работ. Особенно эффективные результаты обучения получаются на основе использования метода поэтапного формирования действия редактирования, предполагающего предъявление учащимся полной и обобщённой ориентировки в виде учебных заданий и организации поэтапного усвоения с контролем по необходимым на выходе параметрам формируемого действия.

Идеи структурно-функционального подхода к редактированию текстов и детальная методика их воплощения на практике были представлены студентам магистратуры и одобрены ими. Знакомство с обновлённой теорией и практикой обучения редактированию происходило как фронтально, на специальных курсах образовательных программ, так и более углублённо, в рамках учебной и производственной практик.

В течение десяти лет на кафедре издательского дела и редактирования ВятГГУ апробировалась эта инновационная методика, осуществлялся педагогический эксперимент со студентами разных курсов. Интерес к инновационному обучению редактированию текстов проявили и педагоги-словесники средней школы. Перенос методики со студенческой аудитории на профессиональную не выявил существенных различий в ходе и результатах обучения. Конкретизация и детализация структурно-функционального подхода к редактированию в индивидуальном опыте преподавателей словесности обогатила данную методику новыми идеями (Мосунова, 2013).

ГЛАВА IV. НОВЕЙШИЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

4.1. Анализ феномена фан-фикшн

Понятие фан-фикшн (*фан фикшен, фанфикшен*, от англ. *fan fiction, fanfiction*) появилось в русскоязычном литературном и научном пространстве в последнее десятилетие и связано с активным распространением Интернета в молодёжных субкультурах.

Явление достаточно успешно рассматривалось методами социологии и на данном этапе изучения прочно ассоциируется с понятиями фанатства, молодёжных субкультур и подобных им явлений современной культуры. Особый аспект изучения фан-фикшн – гендерные исследования сюжетов и трактовки образов произведений.

Англо-американская традиция изучения фан-фикшн представляет концепции вписывания произведений в культуру фанатства, акцентирования социальных и гендерных аспектов фандома (см. исследования дискурса фанатов в сфере телеискусства и компьютерных игр Г. Дженкинса: (Jenkins, 2006; 2013). Социологический аспект исследования фан-фикшн выявляет их связь с дискурсом протеста. Культурологическая парадигма осмысления фан-фикшн выявляет его связи с мировоззрением, ценностями и мифологемами романтизма (Lamb P., Veith D, 1986), а также устанавливает близость фан-фикшн фольклорному (ритуально-мифологическому) мышлению (Baum, 1993). Закономерно исследование фан-фикшн в контексте интернет-коммуникации (Internet Culture, 1997).

К. А. Прасолова отмечает, что большинство зарубежных исследователей «сходятся в том, что фан-фикшн следует рассматривать скорее как интерпретативную стратегию, которая позволяет больше узнать о тексте источника, нежели как самостоятельное явление» (Прасолова, 2009, с. 6).

Немногие российские исследования фан-фикшн (диссертации К. А. Прасоловой, С. Н. Поповой (Прасолова, 2009; Попова, 2009), статьи в научных, научно-популярных, литературных и других журналах и сборниках) также ориентированы прежде всего на описание связи произведений и контекста субкультуры (толкиенисты и др.), существующие филологические разыскания почти не затрагивают русскоязычный материал. Малочисленны как исследования русскоязычных фан-фикшн, так и собственно произведения на русскоязычном материале: основная часть текстов основана на иноязычных и инокультурных произведениях литературы и массового искусства.

Редакторский и книгоиздательский аспект в рефлексии нового жанрового явления можно представить рядом вопросов, сформулированных главным редактором журнала «Publishing Perspectives» Эдвардом Навоткой (Edward Nawotka): «But is fanfiction a legitimate genre? Copyright infringement? Or something altogether unique?», «when is so-called legitimate fiction actually a variation fanfiction?» (Nawotka, 2012). И заключает, что нельзя игнорировать популярное среди читателей явление. Как редактор, Навотка оправдывает то, что вдохновляет на

чтение и творчество: «One thing that's certain: it's impossible to ignore something so very popular. And if it inspires people to read and write more, then all the better» (там же).

При этом количество фан-фикшн и других «вторичных текстов» (М. В. Вербицкая) неуклонно растёт, они все чаще становятся объектом издательского внимания. Так, безусловно успешными издательскими проектами стали публикации повестей «Пятьдесят оттенков серого» Э. Л. Джеймс, многочисленные современные рассказы и повести о Шерлоке Холмсе, «Соблазнение Джейн Эйр» Синклер Ив («Jane Eyre Laid Bare», вышла в 2012 г. в издательстве «Pan Macmillan» как e-book), в основе сюжета и стиля которых лежит известный, ранее опубликованный, получивший читательскую популярность сюжет («Сумерки» С. Майерс, цикл новелл и романов о Холмсе А. Конан Дойля, роман Ш. Бронте).

С классическими, популярными в массовой культуре текстами связано и формирование дискурса фан-фикшн. В 1930-е годы в Англии возникает одно из первых сообществ авторов фан-фикшн – «Литературное общество Шерлока Холмса», целью деятельности которого было продолжение цикла произведений А. Конан Дойля, причём свои рассказы и романы участники общества издавали в собственном журнале. Впоследствии такие журналы, посвящённые известному явлению искусства или личности, получили название fan magazine, fanzine (фанзин). Данная лексема зафиксирована в Оксфордском словаре английского языка, причём в качестве контекста приведена цитата из журнала «Life» от 21 мая 1951 года: «'Fanzines' or fan magazines, wich are usually shall mimeographed publications devoted to amateur STF (имеется в виду «Star Trek». – Ю. Б.), criticism and gossip» (The Oxford English Dictionary, 1989, p. 711).

В 1967 году выходит в свет журнал любителей телесериала «Star Trek» («Звездный путь»), названный в честь одного из ключевых персонажей серии – Спока – «Споканалия». В журнале помимо статей, зрительских отзывов и сплетен об актёрах сериала было представлено и художественное творчество поклонников сериала – собственно фан-фикшн. В 1974 году журнал «Grup», также созданный фанатами «Звёздного пути», публикует фан-фикшн в стилистике *slash* – эротическую прозу о не существующих в оригинальном тексте отношениях двух главных героев Керка и Спока. Идея настолько скандальна, что автор рассказа пользуется крайне завуалированным языком и не называет персонажей по именам. Таким образом, исторически эротический сюжет первичен, эту характеристику можно считать основой для складывания жанрового содержания фан-фикшн.

С развитием фанзинов и переходом их в электронный формат фандома происходит и осмысление практики и дискурса фан-фикшн, в частности сохранение авторских прав. В конце 1990-х годов было обосновано использование оригинального сюжета и персонажей в фан-фикшн как «надлежащее» – то есть некоммерческое и не вводящее читателя в заблуждение относительно автора общей концепции фан-фикшн. Это представление отражено и в деятельности современных фандомов, где авторы, как правило, указывают на отсутствие коммерческой выгоды от создания произведения и устанавливают принадлежность идеи, концепции сюжета, героев и т. д. автору оригинального произведения.

Очевидно, что фан-фикшн – явление литературного и издательского процесса, закономерно возникшее с формированием массовой постмодернистской культуры. Для понимания специфики и тенденций развития современной беллетристики и книгоиздания необходимо изучение разнообразия эстетических, ценностных, профессиональных фактов этой реальности.

Один из концептуальных вопросов в понимании фан-фикшн – определение *степени самостоятельности данного явления* в контексте существующих представлений о жанре и стиле.

Жанрово-стилевые характеристики фан-фикшн определяются его близостью к игровым и ритуально-мифологическими практикам, обращением к эстетически преднамеренным текстам (причём не только литературным; фан-фикшн может основываться и на произведениях кино- и телеискусства, компьютерных играх и PR-стратегиях – в случае написания произведений о реальных личностях, как правило, о популярных актёрах, музыкантах и т. д., чьи биография и сценический образ выстраиваются по законам маркетинга и рекламы и часто используют художественные принципы).

Генетическая близость фан-фикшн «вторичным текстам» определяется присутствием во всех произведениях фан-фикшн связи с протословом, которая реализуется «в коде узнаваемости исходного произведения» (Попова, 2009, с. 11). Потенциал интерпретации фан-фикшн как «вторичного» феномена раскрывается в концепциях диалога (его полифонического прочтения) и интертекстуальных отношений фан-фикшн с оригинальным произведением, которые позволяют установить специфику дискурса фан-фикшн.

Дискурс фан-фикшн и других «вторичных текстов» близок бытованию фольклорных произведений: это подчёркнутая маргинальная природа текста, синкретизм жанров и родов, потенциальное трансформирование и сотворчество, коллективное (и анонимное) авторство.

Лингвостилистическая и жанровая неоднородность, маргинальность, «дериватная», порождающая, заимствующая природа фан-фикшн (Прасолова, 2009, с. 81) определяют специфику их содержания, формы и бытования.

Факторами появления фан-фикшн являются художественные достоинства произведений (их несовершенство), которые хочется дополнить, и открытость сюжетных линий для продолжения или параллельного развития, а также недостаточная разработанность образов. Как отмечают авторы фан-фикшн, это «феномен, порождённый любовью к произведению, помноженной на чувство острой неудовлетворённости. Нам мало настоящих книг – мы читаем творчество фанов <...> Нас раздражает несправедливость в сюжете – мы исправляем её, создавая свою историю» (Chiara, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=174>); «Я, например, люблю брать героев со слабо описанными характерами. Или ставить главных героев в ситуации, в которых они не были по книге, чтоб они могли как-то по-новому проявиться... Но последнее хуже» (Мери-Сью, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531>).

Относительно завершённый, но способный к развитию элемент сюжета, обладающий целостностью и продуманный (даже детально), получает развитие в контексте тем и мотивов, наиболее интересующих читателя. Но это текст не-

дописанный или забытый автором, текст, находящийся в контексте гиперссылок и комментариев, и даже тесно с ними связанный (обычно сюжетно, когда история пишется в соавторстве со многими участниками сайта, читателями, дающими оценку), и потому – принципиально открытый.

Принадлежность фан-фикшн и «вторичных текстов» к категории жанра объясняется наличием тематического и жанрового содержания: общими – шаблонными – принципами развития и достраивания сюжета и героев; использованием типичных сюжетно-композиционных моделей (романтической поэмы, новеллы, эротического и порнографического романа, кольцевой и зеркальной композиции). Наиболее яркие жанровые черты фан-фикшн представлены на уровне содержания: это романтизированный герой-одиночка (байронический герой), любовный сюжет, гомосексуальная тематика.

Поскольку фан-фикшн – явление неоднородное как в жанровом, так и стилевом отношении, закономерно формирование разработанной *типологии* на разных уровнях рефлексии данного феномена (профессиональном, научном – и дилетантском, или автометаописательном, то есть читательском). Формирование типологии отличает филологический (жанровый, стилистический) подход к пониманию фан-фикшн, характерный для российской традиции изучения феномена. К. А. Прасолова, автор одного из первых диссертационных исследований фан-фикшн, выделяет два «полярных модуса» (Прасолова, 2009, с. 122) интерпретации оригинального текста (*канона*): протестный, то есть отрицающий и искажающий *канон*, и компенсаторный, восполняющий и подтверждающий оригинальный текст. На практике в произведениях встречаются черты обоих модусов (Прасолова, 2009). На концептуальном уровне, характеризуя понятие *канон* в дискурсе фандома, К. А. Прасолова отмечает его системную целостность, называет его «интерпретативно-референтным полем, на фоне которого разворачивается творческая активность фандома» (там же, с. 122).

Отмечая факторы интерпретации и значимости выбора текста для интерпретации, *канона*, исследовательница представляет его чем-то внешним, параллельным существованию фандома и фан-фикшн на его основе. Тем не менее *канон* является одним из ведущих интертекстов в эстетическом пространстве фан-фикшн, определяет принципы оценки качества текста, героев, композиции, мотивировки; *канон* не случайно воспринимается как образец, сравнение с ним служит основой читательской оценки фан-фикшн.

Возможна и *более подробная классификация*.

По жанровому содержанию: псевдодокументальные (основаны на реальных событиях, реальных судьбах) и художественные (на материале художественных произведений).

По принципу автора: автодокументальные (феномен *Мэри Сью*), традиционные (тип автора, который является творцом своего художественного мира и определяет схемы его развития; это образ автора-повествователя, имеющий богатую историю в развитии литературы) и повествование от лица персонажа (прием *POV*, от англ. point of view).

По отношению к интертексту: развивающие (продолжающие, восстанавливающие) устоявшийся сюжет и систему образов оригинала (большинство представленных на сайтах фан-фикшн); создающие альтернативную реальность, зачастую имеющую аллюзивную связь с оригиналом (*AU, original*); кроссоверы (соединение нескольких оригинальных художественных текстов).

Псевдодокументальные фан-фикшн, по-видимому появившиеся в последнее десятилетие, посвящены жизни реально существующих лиц. Это фан-фикшн, основанные на фактах биографии популярных личностей (актеры кино, певцы, музыканты), значимых в молодёжных субкультурах. Здесь можно выделить специфически фанатское творчество (поклонники той или иной персоны распространяют фан-фикшн в узком кругу, и эти произведения интересны только «посвящённым») и фан-фикшн, хотя и связанные с биографией реального лица, но имеющие настолько архетипический сюжет или образы, что могут привлекать абсолютно любую, близкую по возрасту, читательскую аудиторию. Оба случая псевдодокументальных фан-фикшн имеют общие черты: мифологичность, любовный и насыщенный эротизмом (зачастую нетрадиционный, эпатирующий, порнографический) сюжет, идеализация кумира и одновременно шаблонность образа (обычно кумиром является мужчина). Как правило, объектом фан-фикшн становится не личность, а имидж или художественный образ: персонажи и ситуации фан-фикшн тяготеют к мифологичности и шаблонности – они изначально ориентированы на шаблон и архетип. Наиболее частотный эстетический образец – романтический. В контексте байронического образа развивается, например, образ главного героя: «У стойки бара сидел молодой человек. Одет он был довольно небрежно, потертые джинсы, старая футболка, хотя и чистая, но явно повидавшая не одну стирку, кожаная куртка, вроде той, что носит почти каждый представитель мужского пола от 15 до 40 лет, на голове черная кепка. Парень почти не поднимал головы, разглядывая свой стакан с пивом, и казалось, о чем-то напряжённо думал»; «Кто? – Варя повернула голову и застыла. С экрана на неё смотрели яркие серые глаза из сна. Все мысли разом улетучились, и лишь одна фраза молоточком отбивала ритм» (katya1315, [http:// www.popcornnews.ru/persons/Robert-Pattinson/fanfics/1906](http://www.popcornnews.ru/persons/Robert-Pattinson/fanfics/1906)); «там стояло 2 лимузина и мальчик, к которому никого не подпускали. По ходу его мама и папа, маленькая сестрёнка, все держали друг друга за руки, я не понимала, что они там делают» (Lawsky, <http://www.popcornnews.ru/persons/Justin-Bieber/fanfics/1984>).

Акцентируется таинственность героя, его противопоставленность окружающему миру, напряжённая духовная (интеллектуальная) жизнь, особенности портрета (в частности, глаза, взгляд), ассоциирующиеся с имиджем прототипа.

Не менее значимы в интерпретации фан-фикшн и читательские (автотеаописательные) высказывания. Создатели произведений, участники фандомов, разрабатывают собственную стилевую классификацию текстов, называемую *жанрами* (под влиянием семантики английского *genre* – вид, тип, а не только *жанр* в российской литературоведческой терминологии). Как отмечают участники фандома, «графа “жанр” в описании фанфика дает понять, какое настроение преобладает в фанфике» (Entrery, http://yuri.teinon.net/library/shapka_fanfika).

Обычно произведения маркируются несколькими стилевыми характеристиками. Тяготение понятия фан-фикшн к явлению стиля подтверждается, например, произведениями *original*, использующими черты дискурса фан-фикшн и типичные черты повествования, коммуникацию на сайте фандома, но при этом не основанные на оригинальном (каноническом) тексте, то есть «первичные». В содержании фан-фикшн преобладает разработка любовного сюжета, поэтому наиболее популярна стилистика любовного и эротического рассказа (повести, романа). Стилистические разновидности любовного сюжета представлены «жанрами» *romance*, *slash (femslash)*, *PWP*.

Другая распространенная стилевая разновидность фан-фикшн – *angst (drama)*, *трагедийный сюжет*. Как правило, это произведение с печальным финалом, гибелью главного героя оригинала (традиционно авторы предупреждают читателя об этом) или нескольких участников сюжета. Авторов и читателей привлекает художественно значимая, романтическая ситуация смерти героя, традиционная в классической литературе. Близкий по тематике и стилистике вид – *darkfic* («мрачный» фанфик). В отличие от *angst*, в данном типе произведений используются традиционные для романтических «готических» новелл приёмы: предупреждения, предчувствия, нагнетание атмосферы тревоги, мрачный депрессивный пейзаж (например, с использованием психологического параллелизма, «оссиановского» пейзажа). Зачастую это немотивированные сцены насилия, физиологичное изображение телесных страданий и смерти. Противопоставлена им стилистика *fluff* (флаф) фан-фикшн, зачастую ориентированного на бытописание. Драматические отношения персонажей также присутствуют в произведениях *hurt/comfort*, где сюжет строится на спасении героя и последующей счастливой развязке; как правило, так строятся романтические и любовные сюжеты.

Специфическая часть фан-фикшн произведений связана с созданием более или менее самостоятельного текста, косвенно (аллюзивно) связанного с текстом-основой. К таким стилевым формам относится *crossover (кроссовер)*, соединение нескольких оригинальных сюжетов или героев. Известны несколько приёмов построения кроссовера: герои одного произведения попадают в другой мир (ситуация, близкая «альтернативной реальности», но этот мир и его художественные законы также знакомы читателю); в одной художественной реальности действуют герои из двух или более оригинальных произведений. Зачастую в подобных текстах внимание автора к сюжетной ситуации или типу героя, характеру приводит к логическим и эстетическим просчётам.

Еще более самостоятельное явление – *alternate universe* (альтернативная вселенная, AU, A/U, AУ), то есть создание сюжета и пространства, параллельного оригиналу, не связанного с ним. Это может быть и фантастическая реальность. Неизменными обычно остаются персонажи первоисточника и их взаимоотношения. Сюжетные линии, конфликт, мотивы героев отличаются от оригинала либо отсутствуют в нём.

Помимо восприятия художественного пространства возможно и изменение образа героя. В этом случае своеобразие композиции и стилистики фан-фикшн определяется понятиями *point of view (POV)* и *out of character (ООС)*,

в первом случае повествование идёт от первого лица, представляя конфликт и оценку событий с позиции избранного автором героя; во втором случае трактовка автором образа героя отличается от оригинального. При этом фандом как достаточно закрытое пространство для общения, как правило, негативно воспринимает нарушения как оригинального сюжета (*канона*), так и трансформации стилистики фан-фикшн, его жанровых черт: «привычные места и привычные сюжеты зачастую милее сердцу читателя» (Chiara, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=174>), так же, как и характеры и мотивировки персонажей. Но в ряде случаев читательский интерес к альтернативной реальности основан на популярности сюжета, который начинается в привычном хронотопе. Фан-фикшн Constance Ice «Гарри Поттер и Лес Теней» (Constance Ice, http://www.samlib.ru/b/bog_p_b/les_teney.shtml), в котором автор, продолжая сюжетную линию с оригинальными персонажами и новой главной героиней Валери Эвергрин, постепенно выстраивает сюжет вокруг неё. В результате формируется оригинальное художественное пространство, в данном случае – из-за смещения внимания автора от знакомых образов к новому действующему лицу, его переживаниям, мотивировкам, его судьбе. Подобное качество текста – эстетическая и содержательная самостоятельность – является важным фактором его читательской популярности (именно поэтому публикуются фан-фикшн, о которых было сказано ранее): произведение Constance Ice (под псевдонимом) представлено на нескольких книжных сайтах и электронных библиотеках (imhonet.ru) и доступно для читателя.

Традиционные «вторичные тексты» также широко представлены на сайтах фандомов. Это продолжения (*continuation, sequel, сиквел*), предыстории (*prequel, приквел*), пародии. Тексты продолжений более частотны, чем предыстории, и, как правило, обозначаются *sequel*, интерес к ним определяется как характеристиками оригинального текста, так и успехом у читателей фан-фикшн. Стилистические различия также определяются и дискурсом фан-фикшн, практикой коммуникации авторов и читателей фан-фикшн. К таким характеристикам относятся *challenge* (вызов), построенный на идеях существующего фан-фикшн или в процессе организованного на сайте фандома конкурса, либо предложения читателей, и произведения *round robin*, написанные в соавторстве.

Таким образом, закономерность классификации фан-фикшн определяется как спецификой жанра (разнородностью), так и особенностями дискурса (потребность чёткого соответствия *жанру*, необходимость адекватного научного осмысления нового явления современного литературно-издательского и культурного процесса).

Особый персонаж в дискурсе фан-фикшн – автор. В автометаописательных комментариях и текстах отмечается, что «часто “фанфикоманию” приписывают фанатикам, которые не способны отличать реальный мир от своих иллюзий и пытаются материализовать эти иллюзии путем изощёренного графоманства. С этим мнением можно (и нужно) поспорить» (Chiara, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=174>).

В качестве неотъемлемой черты фан-фикшн называется его принадлежность художественной литературе: «На пороге новосозданного фика с грозным видом встанут господа Сюжет и Стил. Одержимости мало, чтобы написать фик». При этом редакторы фандомов признают, что «на многочисленных форумах оседают откровенно безграмотные тексты; и их тоже читают», поскольку стилистика, поэтика и дискурс фан-фикшн «доступен и демократичен», а авторы фан-фикшн, фанфикеры, – «вольные художники» (Chiara, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=174>).

Очевидно, что вокруг фан-фикшн формируется особый дискурс, связывающий как текстовые структуры, поэтику жанра, так и поведение авторов, редакторов и читателей.

Одна из ярких жанрово-стилевых черт фан-фикшн – образы-*Мэри Сью*, ставшие одной из популярных автометаописательных стратегий фан-фикшн.

Большинство произведений фан-фикшн, публикуемых на сайтах фандомов, имеют определяемый стилистикой и жанровыми категориями набор характеристик, среди которых и указание на автобиографичность сюжета и образов произведений. Образ главного героя, который является альтер-эго автора, получил обозначение *Мэри Сью*. Это персонаж, сочетающий некоторые автобиографические черты автора произведения и типизированные идеальные качества, сближающие героя со сверхчеловеком. Это, как правило, повышенная сексуальность, растиражированная массмедиа внешность, нравственность, тяга к героизму и самопожертвованию. Поскольку персонаж автобиографичен, то типичным развитием сюжета является чудесное спасение либо романтизированная гибель: «Персонаж получается слишком идеальный, чтобы быть похожим на человека, да и с сюжетом всё понятно: внутренняя логика не нужна, щас придёт Мэри Сью и всех осчастливит» (Толли, <http://www.maggiesmith.narod.ru/tolli.htm>).

Источник персонажа *Мэри Сью* – фан-фикшн Полы Смит (Paula Smith) по сериалу «Звездный путь» «A Trekkie's tale» (1973), где пародируется стремление авторов фан-фикшн создать автобиографический персонаж, который проявляет идеальные качества, как общечеловеческие, так и для художественного пространства источника. Как отмечалось выше, это гиперсексуальность, стандартизованная красота, жертвенность, героизм. Так, Лейтенант Мэри Сью в рассказе Полы Смит – юная красавица, инженерный гений, так как действие оригинала происходит на космическом корабле, и по сюжету оригинального произведения героям приходится решать разного рода технические и военные задачи, – которая ценой своей жизни спасает экипаж и всё человечество во время нападения инопланетян. Интересно, что Пола Смит довольно обобщённо рисует внешность лейтенанта Мэри Сью, подчеркивая её молодость и исключительность: «the youngest lieutenant in the fleet – only fifteen and a half years old», «her beautiful youth and youthful beauty» (Smith, [http://www.fanhistory.com/wiki/A_Trekkie%27s_Tale_\(the_story\)](http://www.fanhistory.com/wiki/A_Trekkie%27s_Tale_(the_story))).

Подобное сочетание качеств близко романтическим типам героев (таких, как Миньона и Лотхен И.-В. Гёте, Моцарт в трактовке А. С. Пушкина): талант не обоснован опытом и трудом, они юны и чисты, обладают высокими нравственными ценностями, мудростью, их красота одновременно целомудренна и сексуальна. Литературные и культурные интертексты образа говорят, с одной стороны, о типичности подобных персонажей, а с другой стороны, указывают на романтическую традицию произведений и фан-фикшн, и источников творчества фанатов.

При этом цель создания произведения – добиться читательского восхищения *Мэри Сью* и, следовательно, самим автором, т. е. самолюбование вместо восхищения произведением-источником. Гипертрофированные положительные черты *Мэри Сью* вскоре сделали персонаж символом пошлости и бездарности автора фан-фикшн, «предающего» идеологию фан-фикшн: «если пытаешься с Гарри что-то сделать, как-то не так его раскрыть, поднимаются ТАКИЕ вопли на предмет того, что “Ты сделала из Гарри!!!” и всё такое»; «вроде ничего особенного или оригинального не написала, а начинаются упрёки в том, что ты извратила характер, что Гарри не такой и близко, и всё в таком духе» (Мэри-Сью, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531>).

Рефлексия авторами фан-фикшн своего творчества, представленная в интернет-энциклопедии «Википедия», описывает феномен *Мэри Сью* как «принятое в англоязычной среде (с недавних пор – и в русскоязычной) обозначение персонажа (в зависимости от пола), которого автор наделил гипертрофированными способностями»; «Вокруг “Мэри Сью” вертится весь мир, а угрожающие человечеству проблемы она разрешает одним махом» (Wikipedia, http://ru.wikipedia.org/wiki/Мэри_Сью). Это представление дополняют и высказывания авторов фан-фикшн, участников обсуждения феномена на форумах фандомов: «Он само совершенство, но и потому, что все повествование преломляется через него» (Мэри-Сью, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531>).

Обычно автор ассоциирует себя с персонажем, что расценивается читателями фан-фикшн как эстетический недостаток произведения: «Почти всегда некоторые детали биографии “Мэри Сью” (например, родной город или любимая музыкальная группа) взяты из жизни самого автора» (Wikipedia, http://ru.wikipedia.org/wiki/Мэри_Сью).

Гипербола как основа построения образа *Мэри Сью* наряду с авторской идеализацией персонажа создает гротесковое наполнение, когда «положительные качества “Мэри Сью” противоречат друг другу и сменяют друг друга в зависимости от ситуации – на ходу в повествовании может меняться внешность, характер, производимое персонажем впечатление и так далее» (Wikipedia, http://ru.wikipedia.org/wiki/Мэри_Сью).

Как правило, это персонаж, не принадлежащий произведению-источнику, либо второстепенный персонаж источника, художественная концепция которого значительно трансформирована в сознании автора фан-фикшн.

Образы-*Мэри Сью*, по данным «Википедии», типичны для произведений в жанре фан-фикшн и наделяются рядом инвариантных качеств; более того, образ выполняет определенные функции в структуре сюжета. «МС (Мэри Сью. – Ю. Б.) – если уж она/оно/он есть – именно для этого и должны служить. Они своим совершенством должны оттенять героев, чтобы их черты ярче выделялись» (Мери-Сью, [http:// www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531](http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531)).

Появление героя неожиданно, представлено в традиционной романтической ситуации. *Мэри Сью* вызывает восхищение и признание и положительных, и отрицательных персонажей: «Девушка-красавица с интеллектом суперкомпьютера, никем не понятая и всеми обиженная сирота, неожиданно падает с неба, вокруг неё тут же заворачивается скандал-интрига, и в конце она благополучно удаляется навстречу восходящему солнцу» (Мери-Сью, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531>).

Главный принцип построения образа – избыточность. Этот принцип проявляется и в портрете, и в характере героя (как правило, это женский образ), и в сюжетных мотивировках. Наиболее частотное гиперболическое и детализированное описание героини: «МС (Мэри Сью. – Ю. Б.) это разбитная красавица <...> которая задвигает на второй план всех главных героев» (Мери-Сью, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531>); «...редкостная красавица с глазами и волосами дивных цветов и стройной фигуркой» (Толли, <http://www.maggiesmith.narod.ru/tolli.htm>); «Там такие раскрасавицы... <...> Там такие рыжие гривы и копны волос... такие ОГРОМНЕЙШИЕ сверкающие всеми цветами радуги изумрудные глаза... ТАКОЙ стан... опис. Если б это не было смешно, это развило бы комплекс неполноценности в любой читательнице» (Мери-Сью, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531>).

Зачастую подобные портреты героинь вызывают сатирическую насмешку, становятся символом пошлости: «...малиновые капри с чёрной шнуровкой» (Мери-Сью, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531>), эпигонства, бездарности: парадоксально, что при стремлении соответствовать художественной концепции оригинального произведения, авторы фан-фикшн стремятся к творческой состоятельности, собственному стилю.

Излишняя декоративность, множественность смыслов демонстрирует длинное и красивое, значащее имя, вызывающее яркие культурные ассоциации (имена мифологических героев, исторических персонажей). Приём значащего имени упоминается и в так называемых *тестах на «мерисьюшность»*, которые размещены самими авторами фан-фикшн на сайтах фандомов. Сам факт подобного самоконтроля и помощи начинающим *фанфикерам* (а большинство тестов предназначены для авторов, желающих улучшить свои произведения) показывает отношение к феномену *Мэри Сью* как к недостатку произведения, а также ценность персонажей, выписанных в рамках канонической системы образов: «Чем более ваш персонаж похож на Мэри Сью, тем менее он реалистичен, оригинален, интересен» (Тест на Мэри-Сьюшность, <http://aeterna.qip.ru/test/view/85790>).

Рефлексия существующих тенденций выбора имени героя *Мэри Сью* показывает ироничное восприятие попыток автора подчеркнуть исключитель-

ность персонажа: «В имени вашего персонажа фигурируют ненужные апострофы, тире или иные знаки (например, М'хаил, Глория-Анжелика)? Имя вашего персонажа необычно, учитывая время и место его рождения?» (Тест на Мэри-Сьюшность, <http://aeterna.qip.ru/test/view/85790>).

Значащее имя главного героя произведения, мало связанное с построением сюжета и художественными закономерностями, которые заданы текстом-источником, не принимается из-за несоответствия его стратегиям рекламных компаний оригинальных произведений. Как правило, имя главного героя максимально простое, короткое, запоминающееся: его удобно использовать при оформлении товаров (значков, брелоков, тетрадей, шоколада и др.), афиш, такое имя легко представить как бренд (особенно если оригинальное произведение является частью рекламной кампании, рассчитанной на подростковую и молодёжную аудиторию).

Сравним, например, распределение главных и второстепенных героев цикла повестей Дж. Роулинг. Традиционные английские имена и (или) фамилии, привычные читателям-подросткам, сложно объяснить логикой художественного мира: Гарри Поттер, Рон Уизли (и вся семья Уизли), Гермиона Грейнджер, Лили Эванс, Джеймс Поттер, Невилл – главные положительные персонажи противопоставлены странным, значащим именам «Драко Малфой», «Северус Снейп», «Нарцисса», «Люциус», «Беллатриса», «Сириус», «Люпин», а также именам второстепенных и эпизодических героев «Полумна Лавгуд», «Скиттер», «Рубеус» (своеобразное исключение – имена профессоров и волшебников, необходимые для создания мистического антуража). В этом отношении гораздо более совершенно сопоставимое с миром Хогвардса художественное пространство Средиземья (цикл романов Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», эпопея «Сильмариллион»), где лишь имена хоббитов напоминают англосаксонские.

Наибольшая гиперболизация образов-*Мэри Сью* наблюдается в описании внешности, которой уделяется значительная часть повествования. Ряд фанфикшн вообще можно свести к портрету главного персонажа (в этом случае, как правило, это девушка) и его внешнему виду – одежде, причёске, выражению лица – в той или иной ситуации.

Исключительность персонажей *Мэри Сью* подчёркивается их близостью романтическому (байроническому) герою. Это и ситуация представления героя, и подчёркнутая таинственность (например, загадочное происхождение, связь с главными героями произведения-источника), акцентирование в портрете глаз, взгляда, волос. Таково, например, типичное описание *Мэри Сью*: «Я видел только силуэт: тонкая фигура, длинные волосы, изящные ноги, плавные движения. <...> В противоположном окне все еще танцевала девушка. Красивая тонкая фигура. Отчётливая и пышная грудь. Красивый контур попы. Стройные ноги. Длинные волосы. Я засмотрелся. Я стоял до тех пор, пока не выключили свет в доме напротив» (Andrek, <http://www.popcornnews.ru/persons/Justin-Bieber/fanfics/1986>).

Описание глаз и взгляда позволяет автору фан-фикшн показать связь героя с другими персонажами произведения-источника либо намекнуть на мис-

тическое (нечеловеческое) происхождение *Мэри Сью*. Согласно романтической традиции, автор, описывая взгляд героя, указывает на его трагическое прошлое и необычную для его возраста и положения мудрость: «У персонажа необычный цвет глаз (или другая особенность, делающая взгляд исключительным)?» (Тест на Мэри-Сьюшность, <http://aeterna.qip.ru/test/view/85790>). Не менее значимо описание волос, прически: «Облик вашего персонажа не соответствует времени и месту (великолепные, блестящие волосы до изобретения шампуня, девушка в брюках ранее 1805-го года и т. д.)?»; «У вашего персонажа необычная или исключительная причёска, или же описанию его волос отводится несоответственно много места по сравнению с остальными персонажами?» (Тест на Мэри-Сьюшность, <http://aeterna.qip.ru/test/view/85790>). Присутствие физических недостатков: «Вашего персонажа можно описать как: тощ, что кощей (анорексия), но вы считаете это комплиментом?» (Тест на Мэри-Сьюшность, <http://aeterna.qip.ru/test/view/85790>). Много внимания уделяется одежде: «Ваш персонаж большой модник (касается любого стиля от школьной формы до готики, от Дикого Запада до Эльфийства)?» (Тест на Мэри-Сьюшность, <http://aeterna.qip.ru/test/view/85790>).

Мотив отчуждения – один из наиболее частых приёмов разработки характера и построения сюжета фан-фикшн с образами-*Мэри Сью*, что также соответствует романтическому принципу создания художественного текста: «Сейчас появилось такое понятие, как “ангстовая МС”, то есть поначалу её никто не любит, не понимает, вообще не обращает на неё внимание, она толстая, в очках, или ходит во всём чёрном (типа гот), её дразнят, прикалываются над ней, учителя никак её имя запомнить и выговорить не могут... И всё это продолжается довольно долго, когда, наконец, годам к 16–17 (главные герои. – Ю. Б.) вдруг чуть ли не одновременно случайно обращают на неё внимание... и пошло-поехало...» (Мэри Сью, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531>). Распространен и сатирический сюжет появления *Мэри Сью*, при этом характеристики персонажа доводятся до абсурда, он может встречаться с другими персонажами, созданными в стилистике *Мэри Сью* (в ряде произведений это близкие родственники главных персонажей).

В образах-*Мэри Сью* важно не просто автобиографическое начало (это традиционный приём художественного повествования, не создающий эффекта, подобного *Мэри Сью*), а идеализация и романтизация героя: участники фандомов с неприязнью пишут «не о Мэри Сью – персонаже, чьими глазами мы смотрим на всё происходящее, а о Мэри Сью – мисс Совершенство» (Мэри Сью, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531>); «МС (Мэри Сью. – Ю. Б.) обязательно выберется на первый план, растолкает всех, затопчет и прорвётся вперёд – вот она – я, единственная и неповторимая, и не важно, красавица и умница или страшенькая и непризнанная, всё равно впереди планеты всей» (Мэри Сью, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531>).

Тожественность автора герою наблюдалась в ряде литературных эпох, например в литературе романтизма, причём поэт-романтик не просто прототип своего персонажа, он создает свой идеальный романтический образ, соответст-

вующий сложившимся стандартам. Следствием таких автобиографических произведений, поэтических дневников становятся и поведенческие модели – складывается типичный облик человека эпохи романтизма. Влияние шаблонов и архетипов в построении и выборе сюжета отражается на типологии героя, при этом не всегда речь идет о приёме *Мэри Сью*. Романтическая эстетика воплощается в узнаваемой биографии героя (отчуждение, одиночество), портрете (духовность, интеллектуализм, значащие детали), мотивировке появления в сюжете (тайна, загадка): «Девочка всегда чувствовала себя одинокой, хотя её даже устраивало такое положение вещей <...> Варя росла, словно дикое растение»; «Все дело было в её лице. Оно было словно из другой эпохи – гладкое, бледное, одухотворённое <...> мысли её витали далеко» (katya1315, <http://www.popcornnews.ru/persons/Robert-Pattinson/fanfics/> 1906).

Отсутствие «оригинальных ходов» появления нового персонажа: как правило, это родственник, друг, и т. д. главного героя, поскольку это позволяет активно включить персонажа в развитие сюжета. Шаблоны, по мнению авторов фан-фикшн, и романтизированные черты характера, исключительность *Мэри Сью*, которая позволяет акцентировать на ней развитие сюжета. В частности, участники фандомов осуждают неожиданное, немотивированное появление нового персонажа: «Изначально просто новый, невесть откуда взявшийся персонаж, сразу или почти сразу ставший одним (вернее, одной) из ключевых действующих лиц»; исключительность героини: «гениальная ученица либо озорница, каких мало (может совмещать)», знает «что-то очень необычное», «в ней скрыты огромные силы» (Толли, <http://www.maggiesmith.narod.ru/tolli.htm>); «15-летняя девушка Дарина, семья которой разбилась в автокатастрофе, вынуждена скрываться с младшими сёстрами от законов властей, так как это грозит ей потерять семью» (Lawsky, <http://www.popcornnews.ru/persons/Justin-Bieber/fanfics/>1984).

Для понимания специфики жанра, стиля и дискурса фан-фикшн необходимо выявить отношение самих авторов, редакторов и читателей фан-фикшн, участников фандома к появлению новых персонажей, основы для образов-*Мэри Сью*. Традицией написания, размещения на сайте фандома и чтения фан-фикшн является создание аннотаций (*шапки*), по которым читатель ориентируется в выборе фан-фикшн; в такой аннотации определяются рассмотренные выше жанрово-стилевые характеристики фан-фикшн (жанр). Появление новых персонажей (особенно женских) и указание авторов на присутствие в сюжете *Мэри Сью* в дискурсе фан-фикшн должно быть представлено в аннотации, в так называемом *дисклеймере*. Поэтому в дискурсе фан-фикшн живо обсуждаются достоинства и недостатки введения нового персонажа, под которым подразумевается *Мэри Сью*: «Идея сама по себе совсем не порочна, но <...> появляется штамп <...> Просто это именно та почва, на которой, к несчастью, цветёт и благоухает всякая дребедень» (Толли, <http://www.maggiesmith.narod.ru/tolli.htm>); «большую грань между МС (*Мэри Сью*. – Ю. Б.) и новым персонажам. <...> МС – это отношение фикрайтера к персонажам. Точнее, воплощение этого отношения»; «Новый персонаж – это нововведённое существо (чаще всего человек). Вокруг него не вертится сюжет. Он сам часть этого сюжета. Но, я думаю,

те фики, которые не пишутся про Гарри Поттера, а про какого-то определённого персонажа, нельзя назвать Мерисьюшными. Если конечно НП (новый персонаж. – Ю. Б.) не всеильный полубог» (Мери Сью, [http:// www. hogwartsnet.ru/hf2/ index.php? showtopic=531](http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531)).

Указывается на возможность возникновения персонажа, отражающего авторский взгляд на оригинальное произведение, причём именно исключительность понимается как недостаток. Но при этом подтверждается необходимость дополнений образной системы героями, которые не присутствуют в оригинальном произведении: «Я почти ничего не имею против Мери-Сью, если <...> она не главная героиня»; «Я думаю, новые персонажи в фиках должны быть... наблюдателями, а не действующими лицами. <...> Ведь бывает так, что герои поступают как-то, в соответствии со своими характерами, а у автора на этот счёт своё мнение. Для таких случаев и нужен НП (новый персонаж. – Ю. Б.) – он подумает или выскажет точку зрения автора, даст героям совет или что-то в этом духе» (Мери Сью, [http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php? showtopic=531](http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531)).

В большинстве остальных случаев появление нового героя расценивается как приём Мэри Сью и вызывает негативное восприятие, так как они нарушают художественный мир оригинального произведения, свидетельствуют о дилетантизме автора: «Я лично к Мери-Сьям отношусь плохо. Исключительно потому, что если я хочу почитать фанфик, то я хочу почитать про любимых мне героев, а если бы я хотела почитать про каких-то новых героев, то взяла бы другую художественную литературу»; «К Мери-Сьям отношусь крайне отрицательно <...> обычно они являются, так сказать, инородными телами в данном мире <...> персонажи просты и предсказуемы до безобразия» (Мери Сью, [http:// www. hogwartsnet.ru/ hf2/ index.php? showtopic=531](http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531)).

Следовательно, в дискурсе фан-фикшн важное место занимают вопросы творчества, художественной индивидуальности, мастерства соблюдения гармонии между потребностью в самовыражении и читательскими ожиданиями. Осмыслиется взаимосвязь между художественными, жанровыми чертами фан-фикшн и уровнем писательского опыта и дарования автора, то есть в дискурсе значимы не только читательские, автометаписательные рефлексии, но и редакторский анализ произведений: «Ещё я заметила, что Мери-Сью вводят обычно молодые авторы, кому лет 13–16, да ещё писать начали только что»; «Или становись мастером и пиши хорошую и интересную по всем параметрам героиню, воображая себя на её месте, или сочини Мэри Сью» (Мери Сью, <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531>).

Таким образом, фан-фикшн как жанрово-стилевая разновидность «вторичных текстов» закономерно вызывает не только читательский интерес, соотносимый с потреблением массовой литературы, но и редакторский, и в перспективе издательский: в связи с потенциалом эстетического развития фан-фикшн как самостоятельного жанрового явления.

И современное книгоиздание откликается на читательские запросы: массово появляются публикации ремейков, сиквелов и приквелов популярных произведений литературы XIX–XX веков. Один из ярких примеров освоения современной издательской практикой «вторичного текста» – *произведения о Шерлоке Холмсе*.

Поскольку дополнение и трансформации оригинала являются базовыми чертами «вторичного текста», исследование опирается на анализ содержания фандома Шерлока Холмса и последующий отбор характерных примеров интерпретации оригинального образа. В ходе сопоставления материала текстов Интернета (Lawliet, <http://www.fanfiction.net>) и современных романов и рассказов о Холмсе (King, 1994), опубликованных в последние десятилетия различными авторами, были выявлены структуры образа и сюжета, которые определяют читательское восприятие образа Холмса.

Трансформация оригинала в ремейках и фан-фикшн основана на интерпретации образа героя и сюжета. Структура характера дополняется информацией о биографии героя, углублённой психологической мотивацией поступков. Авторы подчеркивают романтические детали в портрете героя, а также и в сюжете произведения. Развёртывание образа от хорошо известного, знакомого – к усложнению оригинала, его дальнейшей субъективной интерпретации, определяет и особенности повествования, и черты издательских проектов. Образ героя дополняется различными уровнями интерпретации. Так, читатель знает некоторые общие факты о жизни Холмса, но хочет представить детали биографии и характера. Фан-фикшн в представленных примерах тяготеет к шаблонным проявлениям эмоций и в целом к избыточной экспрессивности героя, что нарушает художественную цельность образа. И подобные замечания являются отправной точкой в создании образа во «вторичном тексте». Сюжеты «вторичных текстов» развиваются в традициях триллеров и (или) любовных историй, отсутствующих в оригинале. Авторы ремейков и фан-фикшн о Шерлоке Холмсе описывают всё более кровавые и таинственные преступления: детектив противостоит маньякам, знаменитым преступникам, таким, как Джек Потрошитель. Авторы выбирают не только реальные исторические лица, но и героев других произведений массового искусства (литературы, кино, телевидения).

Трансформации образа Холмса (как примера персонажа «вторичного текста») происходит в соответствии с желанием массового читателя увидеть глубины личности героя. Общая причина возникновения «вторичных текстов» – пробелы в сюжете, слишком однозначная трактовка образа, его шаблонное поведение в оригинальном сюжете. Читателю важно представить потенциальное развитие образа героя, найти более сложные психологические мотивировки его действий. Проанализированные авторы подчеркивают романтические черты образа и сюжета, Холмс предстает личностью, испытывающей сильные чувства, причём они играют значительную роль в его жизни. Более того, Холмс не просто переживает страстную любовь, но знаком и с меланхолией, и с сомнениями в своих силах (в повести Кинг он рассказывает о своих поражениях, неудачных и нераскрытых преступлениях). Этот аспект развития образа противоречит концепции характера героя в новеллах А. Конан Дойля, но придаёт герою большую психологическую достоверность.

Анализ издательской практики представления «вторичных текстов» выявил устойчивый интерес всех участников литературно-издательского процесса к различным видам «вторичных текстов»: фан-фикшн, ремейкам, пародиям, подражаниям. Более того, художественная структура, жанровые и дискурсивные черты фан-фикшн и ремейка в сознании массового читателя сближаются.

Не менее значима для понимания закономерностей редактирования и публикации «вторичных текстов» их связь с автодокументальными жанрами интернет-словесности: это игровое начало, диалогизация текста, его дискурсивность, поэтика двойничества, субъект-объектная организация текста. Формирование образной системы текстов основывается на принципах группировки действующих лиц (уровень фиксации) или акцентирования ассоциативно-символической образности текста (уровень осмысления).

Активное включение «вторичных» текстов в массовую литературу, массовую художественную культуру, в том числе и в форме читательских высказываний, творчества читателей, указывает на потенциал развития этих феноменов, потенциал дальнейшего изучения их в контексте современной книжной культуры.

4.2. Учебный словарь поэтического языка для младших школьников – новый вид школьного словаря

Современные научные исследования, и в частности, гуманитарные, как правило, проводятся на стыке нескольких отраслей знаний. Комплексный подход к решению той или иной проблемы позволяет охватить сразу все её стороны. Результаты таких исследований имеют значимость для нескольких научных направлений. Так, разработка новых моделей справочных и учебных книг для школьников охватывает такие научные отрасли, как филология, педагогика, психология, социология, издательское дело и др. Внутри данных научных областей также наблюдается интеграция исследовательских интересов. Например, создание нового типа словаря и его апробация предполагают привлечение исследовательских сфер целого ряда наук. Перечислим наиболее важные направления исследований в рамках названной задачи:

– социологические исследования читательских предпочтений (социология книги, социология литературы);

– психологические особенности восприятия младшими школьниками художественных текстов и развития воображения на их базе (психология личности, психология искусства);

– педагогические особенности социализации личности – усвоение знаний, умений, навыков (педагогика);

– принципы отбора словарного материала, исследование особенностей аппарата такого издания (теория и практика редактирования) и др.

Таким образом, только опора на достижения и познавательные возможности сразу нескольких наук позволит создать совершенно новую модель учебной

книги, например учебного словаря поэтического языка для младших школьников.

Период конца XX – начала XXI века в издательской сфере – как и в филологии – характеризуется так называемым лексикографическим бумом. В связи с быстрым темпом жизни и развитием информационного общества, из-за роста потребности читателей в оперативном получении информации возникает необходимость подготовки различного рода словарей и справочников. Бурное развитие информационных технологий позволяет реализовать крупномасштабные лексикографические проекты в относительно короткие сроки.

Отличительная черта всей современной лексикографии – это, по мнению Ю. Д. Апресяна, «синтез филологии и культуры в широком смысле слова. Значительная часть культуры любого народа реализуется через его язык, а язык во всем его богатстве закрепляется в словаре» (Апресян, 1993, с. 6). Развивая эту мысль, Л. Л. Шестакова пишет, «что часть культуры реализуется через язык мастеров слова (писателей, философов, публицистов и т. п.), а этот последний предстает – во всё большем объёме – в авторских словарях» (Шестакова, 2012, с. 3).

Русская *авторская* лексикография в настоящее время включает в себя два направления: теоретическое и практическое. Теоретическое направление отражает специфику развития науки о словарях в лингвистике. Практическое направление представлено конкретными изданиями – словарями и справочниками, отражающими язык писателей. Примечательно, что одно направление немыслимо без другого. Достаточно точно и полно характеризует авторскую лексикографию Л. Л. Шестакова: «Авторская лексикография – это теория и практика составления словарей языка отдельных авторов или групп авторов, а также изучение таких словарей и выявление возможностей их использования. Авторская лексикография может трактоваться и как совокупность созданных в разное время словарей языка писателей, философов, учёных, политиков и т. п. Под авторскими словарями при этом подразумеваются словари всего творчества автора/авторов, их отдельных произведений, произведений одного жанра и т. д.» (Шестакова, 2012, с. 3).

Как самостоятельное лексикографическое направление авторская лексикография начала оформляться в последней трети XIX века. Возникновение и развитие авторской (в то время – «писательской») лексикографии характеризуется выходом в свет «Словаря к стихотворениям Державина» Я. К. Грота, вошедшего в девятый том собрания сочинений Державина. В целом это полное собрание сочинений Г. Р. Державина (1864–1883) послужило образцом для всех академических полных собраний сочинений писателей (Приемышева, 2012). Это первый опыт издания подобных словарей. После выхода этой фундаментальной работы о языке Державина Я. К. Грот фактически стал основателем русской писательской, а в дальнейшем – авторской лексикографии.

После первых попыток издания авторских словарей появилась потребность в создании полного словаря-справочника языка писателя. Наиболее полным теоретически проработанным толковым словарём писателя является четырёхтомный «Словарь языка Пушкина» под редакцией В. В. Виноградова, кото-

рый создан Институтом русского языка АН СССР. Основным замыслом этого словаря было создание пособия для углублённого изучения истории русского языка. Создатели словаря хотели на фоне языка писателя отразить современное А. С. Пушкину состояние русского литературного языка, и «Словарь языка Пушкина» стал первым историческим словарём языка писателя (Дубичинский, 2008).

Практика показала продуктивность лексикографической модели «Словаря языка Пушкина», послужившей образцом для ряда новых словарных начинаний («Словарь автобиографической трилогии М. Горького», «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”» и др.). Таким образом, в обиход стали входить словари как всего творчества отдельного писателя, так и словари языка отдельного произведения.

Практическая писательская лексикография второй половины XX века представлена большим сводом *объяснительных* словарей разных жанров (к произведениям И. Тургенева, С. Есенина и других авторов) и *региструющей* словарей (к произведениям Л. Толстого, Д. Мамина-Сибиряка, А. Блока, А. Ахматовой и др.). Значительным трудом является такая лексикографическая работа, как «Поэт и слово. Опыт словаря» В. П. Григорьева (М., 1973), посвящённая анализу лексических средств русской советской поэзии и предлагающая своеобразный способ лексикографической интерпретации художественных текстов.

В этот же период разрабатывается концепция «Словаря поэтического языка М. Цветаевой» (руководитель проекта О. Г. Ревзина). Данный проект был реализован в 1996–2004 годах. Выдающимся явлением в авторской лексикографии стал проект «Словаря языка Достоевского», осуществлённый под руководством Ю. Н. Караулова. Выходят в свет частотные словари, словари ключевых слов и словари-конкордансы к отдельным художественным произведениям и стихотворным сборникам («Война и мир» Л. Н. Толстого, «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока, «Камень» О. Мандельштама, «Сестра моя жизнь» Б. Пастернака) (Белякова, 2008).

Авторские словари в основной своей массе призваны описывать, интерпретировать стиль языка конкретного писателя, группы писателей, отдельного произведения или жанров произведений. Основная функция таких словарей – научно-описательная. В соответствии с этой функцией, основной адресат авторских словарей – специалисты-филологи, лексикографы. Тем не менее создатели некоторых словарей адресуют их широкому кругу читателей, интересующихся описанием языка творческой личности, языка жанра, языка отдельного произведения (см., например, [15]).

В структуре авторской лексикографии иногда отдельно выделяют *словари поэтического языка*, которые призваны отражать стиль письма отдельного поэта, группы поэтов, особенности той или иной эпохи в поэзии и т. д. Следует отметить, что термин «поэтическая лексикография» характерен именно для русской авторской лексикографии, опирающейся на богатые традиции в изучении языка стихотворных текстов. Так, в её русле был разработан новый тип – тип сводного («многоавторского») словаря поэтического языка. Среди словарей

языка поэзии можно выделить «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой», созданный авторским коллективом из трёх человек (И. Ю. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина) под руководством О. Г. Ревзиной.

Новым, заслуживающим внимания исследованием произведением авторской лексикографии можно считать пробный выпуск «Словаря русской поэзии XX века “Самовитое слово”» В. П. Григорьева, Л. И. Колодяжной, Л. Л. Шестаковой и других (М., 1998). Идея-мечта составителей словаря – представить русский поэтический мир XX века через необыкновенный язык русской поэзии. Продолжением исследований поэтического слова можно считать «Словарь языка русской поэзии XX века» (Словарь..., 2001, 2003). Каждая из статей словаря представляет собой собрание стихотворных строк из произведений десяти выдающихся поэтов Серебряного века: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Эти строки дают возможность судить и о ритмике окружения заглавного слова, и о «приращении смысла» в нём самом, и об истории слова в поэтическом языке эпохи. Словарь демонстрирует разнообразие и выразительность языка поэзии, «художественную память» его слов.

Как правило, адресат данных словарей – широкий круг читателей, включающий как специалистов в области филологии, психологии, культурологии, профессиональных литераторов, студентов, школьников, так и всех ценителей поэзии.

Среди функций таких словарей можно выделить познавательную, информационную, научно-описательную, учебную, эстетическую. *Познавательная* функция поэтических словарей, благодаря систематизации в них информации о поэтическом языке, позволяет изучать стиль и расшифровывать образы той или иной поэтической эпохи, поэта, поэтического жанра (при пользовании словарями широким кругом читателей). *Информационная* функция, реализуемая и в частотных поэтических словарях, позволяет получить требуемую информацию об употреблении конкретного слова-образа конкретным автором в определённый поэтический период времени, что особенно важно для узкопрофильных специалистов. *Научно-описательная* функция реализуется, во-первых, в процессе подготовке словаря поэтического языка, так как данная работа требует больших усилий научных работников в области филологии, психологии, культурологии, издательского дела. Во-вторых, изданные лексикографические работы – это фундамент для дальнейшего исследования поэтического языка во всём его многообразии. *Учебная* функция реализуется при использовании таких словарей школьниками и студентами на занятиях по литературе, русскому языку, стилистике, истории языка. Данные словари позволяют углубляться в изучение поэзии. *Эстетическая* функция поэтических словарей основана на том, что сам материал словарного описания – поэтический язык в своем многообразии – выполняет эстетическую функцию.

Г. О. Винокур рассматривал поэтический язык с трёх сторон. Во-первых, поэтический язык можно понимать как язык, употребляемый в поэтических произведениях. В этом случае имеется в виду особая традиция языкового употребления, особый стиль речи. Во-вторых, термин «поэтический» понимается

как особое экспрессивное качество языка. В-третьих, поэтический язык – это образный язык. Здесь имеется в виду то, что художественное слово (неважно, в прозе или лирическом произведении) имеет, скорее, не прямое значение, в котором употребляется, а «несёт в себе скрытый, более глубокий, смысл» (Винокур, 1959, с. 393).

Таким образом, выделение словарей поэтического языка в отдельную особую группу словарей обусловлено тем, что поэтический язык – это особый способ выражения мысли-чувства, характеризующийся использованием экспрессивно окрашенной речи, употреблением слов-образов. Особенностью языка поэтических произведений является его мелодичность, лёгкость восприятия, запоминаемость. Поэтический язык в лексикографическом решении позволяет познать глубинную сущность образных слов и выражений, употребляемых поэтами разных литературных эпох и направлений.

Выше мы упомянули о том, что словари языка поэзии могут выполнять учебную функцию, если они используются школьниками в качестве дополнения при изучении поэтических произведений. Здесь мы можем говорить о пересечении *авторской* и *учебной* лексикографии. Действительно, существуют авторские словари, первичная функция которых заявлена как учебная. Сюда можно отнести предназначенные учащимся объяснительные словари к произведениям отдельных авторов, сопровождающие тексты данных произведений (Шестакова, 2011).

В последнее время такое направление, как учебная лексикография, стало активно развивающимся направлением в лексикографии. Это можно объяснить тем, что словарь является не только одной из самых удобных и практичных форм обобщения и фиксации знаний о языке и способом передачи картины мира, но и важнейшим средством обучения. Характер учебных словарей определяется рядом отличительных особенностей: 1) методической направленностью и строгой ориентацией на определённый этап обучения; 2) специфическим отбором языкового материала, который должен соответствовать критерию учебно-методической целесообразности; 3) нацеленностью на охват всех циклов речевого акта, обучение всем видам речевой деятельности. В учебных словарях «дидактический (обучающий) элемент наиболее обострен, так как именно предписывающий, регламентирующий момент в нем преобладает над справочным» (Рублева, 2004, с. 38–39). Учебные словари способствуют более тщательному, более глубокому изучению языкового материала любого уровня.

Однако названные выше словари языка поэзии в основной своей массе, хотя и способствуют глубокому изучению языка поэзии, но адресованы в большей степени специалистам-лингвистам, психологам, культурологам. В целом они выполняют научно-описательную и научно-объяснительную функции. Учебным целям могут служить авторские словари для школьников.

Известно, что у младших школьников ярко выражена способность схватывать и запоминать всё необычное, интересное. Литературные образы оставляют отпечаток в их духовной и языковой памяти, в дальнейшем они преобразуются и, в совокупности со знаниями, в опосредованной форме участвуют в формировании личности. В этом возрасте важно вовремя показать и объяс-

нить ребенку такие словесные образы, которые могут способствовать развитию эстетического восприятия мира ребенком. Так, современная система образования нацелена не только на усвоение человеком знаний, но и на развитие его качеств, становление человека как личности. Поэтому современные учебники, учебные пособия, словари для общеобразовательных учреждений должны реализовать не только обучающую функцию, но и развивающую.

Круг чтения младшего школьника формируется в первую очередь в школе. Для преодоления возникающих барьеров между книгой и юным читателем педагог должен уметь интерпретировать тот или иной художественный текст, особенно поэтический, так как именно он содержит в себе основу для понимания красоты окружающего мира, для развития воображения, творческого мышления, формирования нравственности, доброжелательности. Пособием для более глубокого понимания поэтических образов, заключённых в художественном тексте, как детьми, так и педагогами может стать учебный словарь поэтического языка для младших школьников.

Однако в настоящее время опыта создания учебного словаря поэтического языка для младших школьников нет, чего нельзя сказать обо всей школьной лексикографии, которая, безусловно, сейчас переживает бурное развитие. Так, в 2013–2015 годах в серии «Детский иллюстрированный словарь» издательство «Эксмо» выпустило для младших школьников «Математический словарь», «Толковый словарь», «Универсальный словарь младшего школьника», «Словарь синонимов, антонимов и омонимов», «Фразеологический словарь», «Словообразовательный словарь», «Словарь ударений». Как правило, основным принципом разработки школьных словарей является «принцип учебно-методической целесообразности, проявляющийся в учете задач обучения родному языку на определенном этапе, а также возрастных и образовательных особенностей» (Плотникова, 2012, с. 174).

Необходимо отметить, что в известных типологиях словарей авторские и учебные словари, как правило, не пересекаются. Синтез авторской и учебной лексикографии, на наш взгляд, позволяет создать ту модель учебного словаря поэтического языка, которая бы соответствовала запросам и потребностям образования. Кроме обучающей функции данный словарь способен осуществлять ещё, как минимум, три функции: развивающую, эстетическую и воспитательную.

С одной стороны, поэтический текст, со всем многообразием образных слов и выражений, содержит в себе основу для развития творческого мышления, воображения индивида, способствует обучению и воспитанию, социализации личности. Опыт описания таких слов и выражений заключён в авторских словарях, в частности в словарях поэтического языка. С другой стороны, данные словари совсем не ориентированы на использование в учебных и развивающих целях школьниками, особенно младшими. Проблема заключается в необходимости систематизации основ авторской поэтической лексикографии и учебной лексикографии для формирования модели словаря поэтического языка для младших школьников.

В соответствии с требованиями ФГОС НОО, личностные результаты освоения основной образовательной программы начального общего образования «должны отражать развитие самостоятельности и личной ответственности за свои поступки, в том числе в информационной деятельности, на основе представлений о нравственных нормах, социальной справедливости и свободе, формирование эстетических потребностей, ценностей и чувств, развитие этических чувств, доброжелательности и эмоционально-нравственной отзывчивости, понимания и сопереживания чувствам других людей...» (ФГОС, с. 5). Ни для кого не секрет, что художественное произведение, а именно поэзия, играет большую роль в формировании образного мышления, в развитии ассоциативных реакций младших школьников. Добавим, что она имеет огромное значение и при формировании у них эстетического восприятия окружающего мира. Опираясь на работы О. И. Колесниковой, рассмотрим, какой развивающий эффект заложен в поэтической сфере языка, если помочь младшему школьнику освоить семантическое пространство художественной мысли-чувства.

Во-первых, поэтическая речь обладает огромными возможностями возбуждать читательское воображение многозначностью своей образной структуры. Ребёнок при восприятии образного слова, словосочетания, предложения вынужден мыслить по-особому – как и любой, кто читает и осмысливает поэтический текст. Он должен воспринять не столько значение, сколько смысл слов.

Во-вторых, поэтический материал способствует накоплению образных представлений. Привыкая к «непростому», загадочному способу воспроизведения обычных явлений, окружающих ребёнка в мире вещей и предметов, он и сам начинает смотреть на них необычным взглядом.

В-третьих, усвоив из текстов поэзии опыт проведения семантических связей между далекими предметами авторами стихов (сугробы – «седые верблюды», полянка – «скатерть-самобранка»), ребёнок смелее «ассоциирует» в реальных речевых ситуациях, то есть сближает в мыслях то, что он называет, с тем, что напоминает ему этот предмет или явление.

Итак, прежде всего ассоциативность мысли, закрепление определённых ассоциаций и на этой основе – активное восприятие, вызывающее живые мысли в виде разных, пусть и неожиданных ассоциаций, способствуют развитию образного мышления у детей в процессе чтения поэзии.

Следует отметить, что в списке читательских предпочтений учащихся начальной школы поэзия стоит далеко не на первом месте. Так, по результатам одного из социологических исследований чтения лишь 3% опрошенных младших школьников относят поэзию к любимому виду художественной литературы (Полищук, 2010). Исследователи отмечают, что «художественные тексты, которые имеют наиболее богатые возможности влиять на становление мировоззрения обучающихся, на их духовно-нравственное развитие и воспитание, на формирование общечеловеческих и национальных ценностей, для большей части современных юных читателей не представляют значительного интереса» (Белина, 2014, с. 22). Называются следующие причины того, что тот или иной текст оказался неинтересным (в порядке убывания): «скучно», «не понятно,

трудно читать, не интересно, потому что не поучительно», «главное не красота, а ум», «должно быть реально и познавательно» (там же, с. 23).

Учитель в начальной школе играет важную роль в формировании круга чтения младшего школьника. Для преодоления возникающих барьеров между книгой и юным читателем педагог должен уметь интерпретировать тот или иной художественный текст, особенно поэтический, так как именно он содержит в себе основу для понимания красоты окружающего мира, для развития воображения, творческого мышления, для формирования нравственности, доброжелательности. Как мы уже отмечали, поэтические словари учебного типа могут помочь школьнику и учителю в интерпретации того или иного поэтического образа в различных произведениях.

Определим *основные характеристики* данного издания. В первую очередь, подчеркнём, что словарь имеет ориентацию именно на младших школьников. Наиболее яркое эстетическое восприятие художественных образов наблюдается у детей младшего школьного возраста. «Освоение художественного – как и обиходного, повседневно-приземлённого – модуса языка начинается с первых лет жизни, когда слушание и понимание стихов и песен доставляет ребенку-слушателю радость, восторг. Но окончательно способность понимать особый язык поэзии у носителя языка начинает складываться с 9–11 лет, когда маленький школьник знакомится с шедеврами поэтического словесного искусства» (Колесникова, 2009, с. 141). В словарной статье должны использоваться слова и выражения, понятные данной категории читателей. Для наглядности и достижения более полного понимания поэтического смысла необходимо включить языковые примеры и иллюстрации. Безусловно, словарь также будет полезен и интересен как учителям, так и родителям.

Главная *цель* создания учебного словаря поэтического языка – показать детям всю красоту и всё многообразие поэзии, заложить основы креативного мышления, помочь младшим школьникам познать окружающий мир через эстетическое восприятие поэтического текста.

Функциональное назначение словаря. Система современных учебных изданий в общей своей массе выполняет ряд функций, а именно: коммуникативную, информационную, познавательную, развивающую, воспитывающую, организационную, систематизирующую (Антонова, 2002). Словари же в первую очередь выполняют справочную и описательную функции. Предлагаемый нами учебный словарь поэтического языка, который гипотетически является учебным пособием, также должен выполнять данные функции или часть этих функций. Остановимся на них подробнее.

Информационная и/или познавательная функция направлена на то, чтобы через призму образов, эпитетов, используемых в поэзии, сформировать у учащегося определённый запас понятий и характеристик о различных объектах, предметах, явлениях окружающего мира, о месте человека в этом мире.

Развивающая функция. «Поэтический текст создаёт особое одухотворенное пространство в личностной сфере, и оно может предотвратить фиксируемые при взрослении индивида негативные изменения в его мироотношении» (Колесникова, 2005, с. 36). Развитие личности обеспечивает возрастание способностей, расширение возможностей совершенствования психофизических и умственных операций, образного мышления и в целом речевой деятельности ребенка.

Воспитывающая функция связана с формированием мировоззрения, с созданием и усвоением системы этических и эстетических норм ученика, направлена на выработку оценочных критериев по отношению к поступкам, явлениям, а также на социализацию индивида. «Реализация данной функции связана с воздействием на духовные потребности, эмоционально-волевою и действенно-практическую сферы обучаемого» (Антонова, 2002, с. 118). Следовательно, учебный словарь поэтического языка выполняет и *эстетическую функцию*.

Организационная и систематизирующая функции. Формирование культуры работы со словарями – это часть образовательного процесса. Систематическое использование словарей в учебной деятельности призвано способствовать формированию таких навыков, как поиск информации, а также её хранение и переработка (Методические рекомендации, 2013). Учебный словарь поэтического языка призван систематизировать, углублять получаемые знания о поэзии, использовать эти знания в решении учебных задач по литературе.

Итак, предлагаемый нами учебный словарь поэтического языка, будучи способом лексикографического описания языка детских поэтов, выполняет ряд функций, важных для формирования и развития личности ребенка. Такое пособие может занять достойное место в системе учебных словарей.

Рассмотрим на конкретных примерах элементы типовой словарной статьи учебного словаря поэтического языка.

Структура словарной статьи включает в себя шесть зон: заголовочное слово (заглавная форма слова), зона прямого значения слова, зона переносного (образного) значения слова, зона контекста, зона комментариев, иллюстративная зона.

Заголовочное слово представляет собой слово, которое подлежит разъяснению в словарной статье. Это слово, которое было употреблено в поэтическом тексте в образном смысле и может вызвать вопросы у маленьких – «наивных» (не искушённых в интерпретации поэтического образа) – читателей.

Зона прямого значения слов имеет своей целью познакомить читателей с общеупотребительным (прямым) значением слова для того, чтобы натолкнуть на понимание употребления данного слова в данном контексте. Иными словами, таким способом мы только начинаем подводить читателя к тому смыслу слова или выражения, которое придал ему автор поэтического текста.

Зона переносного значения включает описание слова в том значении, которое оно принимает в данном поэтическом контексте, предложенном автором произведения. Это одна из самых важных зон в словарной статье. От того, как

искусно будет сформулировано описание слова, зависит понимание поэтического образа читателем, а также работа его воображения.

Зона контекста – это сам поэтический текст: либо произведение целиком (если оно небольшое по объёму), либо выдержка из произведения с употреблением заголовочного слова в определённом контексте. Важность зоны контекста состоит в том, чтобы не нарушать целостность восприятия читателем поэтического текста и его значения.

Зона комментариев включает в себя справочные данные о поэтическом произведении: автор и краткие необходимые сведения о нём, а также дата создания произведения.

Иллюстративная зона имеет огромное значение в учебных словарях для данной категории читателей. Именно иллюстрации к слову помогут читателю верно создать в своём воображении тот образ, который запечатлён в данном поэтическом контексте, и в конечном счёте позволят создать завершённую картину, отражающую смысл поэтического текста.

Таким образом, каждая зона в структуре словарной статьи учебного словаря поэтического языка выполняет свою важнейшую функцию.

Здесь мы не будем останавливаться на том, каким образом будут располагаться на странице структурные элементы словарной статьи, хотя это крайне важно для детского восприятия. Остановимся на описании *содержания* словарной статьи. Приведём примеры подачи заголовочного слова, зон прямого и переносного значений, зоны контекста.

Сначала остановимся на стихотворении любимого всеми поэта Ф. И. Тютчева «Весенние воды»:

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят –
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт,
Мы молодой весны **гонцы**,
Она нас выслала вперёд!
Весна идёт, весна идёт,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»

В данном стихотворении интерес вызывают несколько слов, особенно слово «гонцы». В прямом смысле данное слово означает человека, которого посылают в другие края для того, чтобы сообщить или передать что-то. В стихотворении Тютчев называет гонцами весенние воды, которые были посланы весной для того, чтобы сообщить всем о её начале. Предложим вариант представления слова «гонцы» в структуре словарной статьи:

ГОНЦЫ [Гонец, -нца, м. в старину: человек, посылаемый куда-нибудь со срочным известием (Словарь С. И. Ожегова)]: «*Весны гонцы*» – это первая вода, которая появляется вследствие таяния первого снега, она была словно послана весной для того, чтобы сообщить о её приходе.

Итак, дети поймут, что в данном слове заключён поэтический образ первых весенних вод, которые являются первым проявлением весны.

Следующий пример приведём, обратившись к тексту стихотворения И. Бунина «Детство»:

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим *солнечным палатам!*
Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок – как шёлк...
Прильну к сосне корявой –
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол – гигант, тяжёлый, величавый.
Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

В поэтическом значении здесь выступает слово «палаты».

ПАЛАТЫ [от лат. palatium – дворец – в средневековой русской архитектуре богатое жилое каменное или деревянное здание, обычно в два и более этажа, со многими помещениями (Энциклопедический словарь)]: «*Солнечные палаты*» – просторные поляны в бору или рощи, освещённые утренним солнцем, переливающиеся разными цветами и формами («песок – как шёлк», «кора... красна»).

Заголовочным словом также может выступать и целое выражение – например, как во фрагменте стихотворения И. С. Никитина «Утро»:

...Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились,
Сняли сети с шестов, вёсла к лодкам несут...
А восток всё горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встаёт, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет – песню поёт;
По плечу молодцу всё тяжёлое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро весёлое!

Метафоры «*восток горит*», «*восток заискрился*» и так далее довольно часто употребляются в поэтических текстах. Целесообразно включить данное выражение в наш словарь.

ВОСТОК ГОРИТ-РАЗГОРАЕТСЯ [Восток – одна из четырёх частей света, на которой всходит солнце. Гореть – 1) поддаваться действию огня; 2) ярко светить. Разгораться – гореть, светить сильнее.]: всходит солнце, горизонт принимает красно-жёлтый оттенок, наступает утро, пробуждается природа.

Таким образом, заголовочное слово в учебном словаре поэтического языка для младших школьников может иметь разную форму (одно слово, словосочетание, целое предложение), главное, чтобы оно несло в себе определённый образ, требующий особой (эстетической) интерпретации.

Зона значений является определяющей в структуре словарной статьи нашего словаря. Однако целостную картину о значении, заложенном в образном слове или выражении, юный читатель может получить в случае, когда словарная статья включает все указанные нами выше структурные единицы: заголовочное слово, зоны прямого и переносного значения, зону контекста, зону комментариев, иллюстративную зону.

Безусловно, один из самых важных элементов каждого заголовочного слова словаря поэтического языка для детей – это изобразительные компоненты на каждой странице, так как словарь должен быть иллюстрированным. Этого требует возрастная специфика целевой аудитории издания, а также способность иллюстрации «подсказать» ребенку путь к интерпретации поэтического значения слова. Весь изобразительный ряд словаря поэтического языка должен образовывать художественно-стилевое единство. Мажорность или минорность эмоциональной гаммы каждой из иллюстраций определяется заложенным в авторском замысле мини-контекста художественным чувством – переживанием, определяющим звучание стиха. Отметим также необходимость цвета в иллюстрациях. У цветного изображения шире эмоциональные, познавательные и декоративные возможности, цветная иллюстрация легче воспринимается детьми, пробуждает у читателя воображение. Поэтому предпочтительнее не графические, а живописные рисунки к каждой словарной статье, причём необязательно реалистические. Существует закон: чем более однозначно может быть понят вербальный текст, тем более реалистичной должна быть иллюстрация. Поэзия не предполагает точного понимания и конкретики, поэтому некоторые иллюстрации могут иметь фантастический характер, с сохранением органической взаимосвязи рисунка и слова.

Поисково-справочный аппарат словаря поэтического языка для детей образует размещённый в конце книги указатель слов, представленных в словаре. Они расположены в алфавитном порядке. Мотивация обращения читателей (младших школьников) к той или иной словарной единице здесь моделируется особым образом и зависит от характера организации работы со словарём. Если педагог управляет работой над конкретным стихотворением в классе, то обращение к указателю поможет читателю найти комментарий в словарной статье. Если работа самостоятельная, ребенок сам может выбрать интересное для него слово, ведь словарь поэтического языка – как разновидность справочного

издания – не предназначен для сплошного чтения, хотя и это не исключено. Дело в том, что словарь предполагает ещё один вариант работы. Чтение словаря поэтического языка для детей представляется нам как знакомство со своеобразной поэтической азбукой, в которой, конечно, определённые метафорические номинации последовательно проводят читателя в Мир поэзии как страну образов и их необычных словесных «красок» – от простых, которые дети сами смогут объяснить, фантазируя, к более сложным, требующим знакомства с подготовленным специально для детей комментарием.

Итак, учебный словарь поэтического языка для младших школьников как новый вид школьного словаря обладает большим развивающим потенциалом, рассчитан как на сплошное, так и выборочное чтение, содержит систему словарных статей, раскрывающих поэтический смысл образных слов и выражений. Изобразительный ряд не просто сопровождает каждый комментарий, но и даёт возможность увидеть за словом фрагмент художественной картины мира автора. Такой словарь призван не только воспитывать чуткого к поэтическому слову читателя, но и обогащать внутренний мир ребенка, стимулировать его творческое отношение к окружающей реальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонова С. Г. Функциональная область учебных изданий [Электронный ресурс]: Редакторская подготовка изданий : учебник для вузов. – М.: МГУП, 2002. – URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook374/01/part-008.htm>.
2. Апресян Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. Т. 1. – М., 1993.
3. Архив ВятГГУ. Ф. 1148.
4. Бабенко Н. Г. Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2008. – 45 с.
5. Баёва Л. В. Образ святителя Николая Чудотворца Мир Ликийских в православной литературе Вятского края XIX-начала XX вв. // Обретение святых – 2014: сб. материалов VI межрегион. церковно-научной конференции, Киров, 18–19 октября 2014 г. – Киров: «Лобань», 2015. – С. 57–61.
6. Балыбердин А., прот. «Повесть о Великорецкой иконе» из собрания РГАДА // Сборник материалов III межрегион. церковно-научной конференции «Обретение святых». – Киров, 2011. – С. 40–50.
7. Баранцев Р. Г. Системные триады и классификации // Теория и методология биологических классификаций. – М., 1983. – С. 81–89.
8. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия : the new power elite and life after capitalism = Нетократия : Новая правящая элита и жизнь после капитализма / пер. с англ. В. Мишучкова. – СПб.: Стокгольм, 2004. – 252 с.
9. Баренбаум И. Е. Книговедение и электронная книга // Книга: исследования и материалы. Сб. 76. 1999. – М.: Наука, 1999. – С. 5–15.
10. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. – М., 1996.
11. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. – М.: «Русские словари», «Языки славянской культуры», 1996. – 732 с.
12. Белина Е. В. Читательские предпочтения современного младшего школьника // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6(36), ч. 1.
13. Беловицкая А. А. Система книговедческого метода // Книга и социальный прогресс. – М., 1986. – С. 131–139.
14. Беловицкая А. А., Омилянчук С. П. К содержанию понятия «советская книга». (Книга в процессе движения) // Советская историография книги. – М., 1979. – С. 99–137.
15. Белякова И. Ю. Русскоязычная авторская лексикография: история, типология, современный этап развития // Преподаватель XXI век. 2008. – № 4. – С. 167–175.
16. Бубнов Н. Ю., Мартынов И. Ф. Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР 1969 и 1970 гг. в Кировскую область // Сборник статей и материалов по книговедению. – Л., 1973. – С. 465–484.

17. Валеева Н. Г. Библиотечная и издательская деятельность земств Казанской и Вятской губернии : 1865–1917 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2006. – 475 с.
18. Валеева Н. Г. Земское библиотечное дело в уездах Вятской губернии. 1867–1917: дис. ... канд. пед. наук. – Казань, 2002. – 214 с.
19. Васильев В. И. Наука о книге сегодня и завтра. К итогам работы XI Международной научной конференции по проблемам книговедения «Книга и мировая цивилизация» // Книга : исследования и материалы. Сб. 83. – М., 2005. – С. 5–20.
20. Васильев В. И. О «рамках» книговедческой науки в современных условиях и развитии новых научных направлений // Наука о книге. Традиции и инновации. Ч. 1. – М. : Наука, 2009. – С. 233–235.
21. Васильев В. И., Ленский Б. В., Воропаев А. Н. Книга. Книгоиздание. Книговедение. Книжная культура (История и современность). Ч. 3 // Материалы 13-й международной научной конференции по проблемам книговедения (Москва, 28–30 апреля 2014 г.). – М.: «Наука» РАН, 2014. – 53 с.
22. Васильев В. И., Самарин А. Ю. Деятельность научного центра истории книжной культуры в 2002 г. // Научная книга. – 2003. – № 3–4. – С. 28–31.
23. Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии. XIX – начало XX в.: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1994. – 164 с.
24. Виноградова Е. Б. Электронный документ: вид или тип // Научные и технические библиотеки. – 2014. – № 12. – С. 67.
25. Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
26. Волков В. В. Основы филологии. Антропоцентризм, языковая личность и прагмастистика текста: курс лекций. – М.: Флинта, 2014. – 148 с.
27. Вятский государственный гуманитарный университет. 1914–2004 гг. Памятная книга. – Киров, 2004. – 304 с.
28. Гальперин П. Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. – М.: Изд-во МГУ, 1985.
29. Гиляревский Р. С. Электронная книга: современное состояние и перспективы развития // Книга : исследования и материалы. Сб. 74. – М., 1997. – С. 52–60.
30. Горло Е. А. Универсальная антропоцентрическая модель поэтического дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д, 2007. – 46 с.
31. Горский Д. П. Логические аспекты методологии обществознания // Вопросы философии. – 1984. – № 6. – С. 99–108.
32. ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения» // Основные стандарты по издательскому делу: сборник / сост. А. А. Джиго, С. Ю. Калинин. – М.: Издательский дом «Университетская книга», 2009. – 326 с.
33. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 170, 574, 582, 1137, Р-1266, 1345.
34. Гречихин А. А. Современные проблемы типологии книги. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 248 с.

35. Грунвальд А. От книги к компьютеру: эволюция или революция // Общество и книга : от Гутенберга до Интернета. – М.: Традиция, 2001. – С. 54–64.
36. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Электронный ресурс]. – URL: http://www.infolex.ru/Cogni.html#_ftn2. Дата обращения 18 марта 2015 г.
37. Добровольский В. В. «Книжная культура» как научная категория // Книга и мировая цивилизация: материалы Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения. – М., 2004. – Т. 1. – С. 30–57.
38. Дрогов Е. М. Книгоиздание в Кировской области: региональный аспект // Региональное книгоиздание в России / отв. ред. В. К. Солоненко. – М.: МГУП, 2010а. – С. 60–63.
39. Дрогов Е. М. Местное книгоиздание: особенность или приговор? // Вятская книга. 2008 год / редкол.: С. Н. Будашкина [и др.]. – Киров, 2010б. – С. 79–86.
40. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 432 с.
41. Дудин А., прот. Новый документ к биографии архиепископа Кировского и Слободского Вениамина (Тихоницкого) // Сборник материалов III межрегион. церковно-научной конференции «Обретение святых» – 2011. – Киров, 2011. – С. 161–163.
42. Ейгер Г. В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. – Харьков, 1990. – 184 с.
43. Ельников М. П. Феномен книги // Книга: исследования и материалы. Сб. 71. – М., 1995. – С. 60.
44. Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / под ред. Н. Н. Моисеева, С. А. Орловской; пер. с англ. Н. И. Ринго. – М.: Изд-во «Мир», 1976. – 161 с.
45. Залевская А. А. «Живое слово» и интерфейсная теория значения // Вестник ТвГУ. Сер. «Филология». – 2013. – № 24. Вып. 5. – С. 54–61.
46. Злыгостева М. Н. Православная книга Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 25 с.
47. Зорина Л. Н. Культурологическая проблематика «Повести временных лет» // Сборник материалов III межрегиональной церковно-научной конференции «Обретение святых» – 2011. – Киров, 2011. – С. 177–182.
48. Зубов Ю. С. Библиография и художественное развитие личности. – М.: «Книга», 1979. – 144 с.
49. История города Кирова (1374–1974): краткий очерк. – Киров, 1974. – 336 с.
50. Карачаров Ю. Г. В едином строю: О формах и методах руководства местной печатью в годы Великой Отечественной войны. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1974. – 59 с.
51. Книга и книжное дело в России: историко-типологический аспект: коллективная монография / под ред. Л. А. Мосуновой. – Киров: ВятГГУ, 2014.

52. Книга: энциклопедия / редкол.: И. Е. Баренбаум, А. А. Беловицкая, А. А. Говоров и др. – М., 1998. – С. 481.

53. Колесникова О. И. Освоение художественного модуса языка «наивным» читателем поэзии – ребенком // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – М., 2009. – № 6. – С. 140–147.

54. Колесникова О. И. Прагматика детского поэтического дискурса: интенции и стратегии осмысления // Прагмалингвистика и практика речевого общения : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. – Вып. 4. – С. 90–96.

55. Колесникова О. И. Прагмаэстетические способы речевого воздействия на адресата книжной рекламы // Проблемы современной русской словесности: сб. науч. трудов. – Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС», 2014. – С. 79–82.

56. Колесникова О. И. Художественный модус языка и языковая компетенция ребенка : монография. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – 275 с.

57. Колесникова О. И., Козлова Е. А. Прагмаэстетическая стратегия убеждения в деловой прессе: монография. – Саарбрюккен, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 227 с.

58. Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. – СПб. : Златоуст, 2015. – 220 с.

59. Кравченко В. Ф. Актуальные проблемы современного книгоиздания (Опыт системного исследования): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 187 с.

60. Кравченко В. Ф. Концепция современной книги. Система. Структура. Модель // Книга: исследования и материалы. Сб. 50. – М.: Изд-во «Книга», 1985. – С. 50–72.

61. Краснова Л. В. Деятельность частных типографий в Вятской губернии в XIX в. // Наука о книге. Традиции и инновации: в 4 ч. Ч. 1: к 50-летию сб. «Книга. Исследования и материалы»: материалы XII Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения, Москва, 28–30 апр. 2009 г. / [редкол.: В. И. Васильев и др.]. – М.: Наука, 2009а. – С. 152–156.

62. Краснова Л. В. Издательская деятельность Вятского педагогического института в первой половине XX в. // Книжная культура : Опыт прошлого и проблемы современности: к 250-летию вузовского книгоиздания в России : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 20–21 сентября 2006 г. – М., 2006. – С. 165–166.

63. Краснова Л. В. Региональное вузовское книгоиздание (на примере Вятского государственного гуманитарного университета) // Наука о книге. Традиции и инновации: в 4 ч. Ч. 2: к 50-летию сб. «Книга. Исследования и материалы»: материалы XII Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения, Москва, 28–30 апр. 2009 г. / [редкол.: В. И. Васильев и др.]. – М.: Наука, 2009б. – С. 365–367.

64. Кушнарченко Н. Н. Документоведение: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев: Т-во «Знання», КОО, 2000. – 460 с.

65. Леонов В. П. О гравитации печатной и электронной книги // Книга: исследования и материалы. Сб. 100. – М., 2014. – С. 61–69.

66. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969.

67. Летягова Т. В. Тысяча состояний души [Электронный ресурс]: краткий психолого-филологический словарь. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 424 с.

68. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992 [Электронный ресурс]. – URL: <http://philology.ru/literature1/lotman-92b.htm>. Дата обращения 15 марта 2015 г.

69. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970.

70. Лукаш Б. С. Деятельность Вятского Научно-Исследовательского Института Краеведения и состоящих при нём учреждений за 1923–1924 отчётный год // Труды Вятского Научно-Исследовательского Института Краеведения. Т. 1. – Вятка, 1925. – С. 85.

71. Ляудис В. Я. Инновационное обучение и наука. – М.: ИНИОН, 1992.

72. Ляхов В. Н. Очерки теории искусства книги. – М.: «Книга», 1971. – 254 с.

73. Ляхов В. Н. Структурная модель книги и перспективы её применения // Книга: исследования и материалы. Сб. 80. – М., 2002. – С. 73–96.

74. Макарихин В. П. Губернские учёные архивные комиссии и развитие исторической мысли российских провинций на рубеже XIX–XX веков // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии) : тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф. – Киров, 1994. – С. 3–7.

75. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. – Киев: «Ника-Центр», 2004. – 432 с.

76. Мерзлякова Л. В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX в.: Опыт социал.-полит. характеристики: дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1997. – 228 с.

77. Мери-Сью [обсуждение на форуме]. – URL: <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=531>. – (дата обращения: 2.02.2015).

78. Методические рекомендации по формированию культуры работы со словарями школьников и педагогов общеобразовательных учреждений в целях реализации положений ФГОС [Электронный ресурс]: письмо Минобрнауки РФ от 06.05.2013 № 08-535 «О формировании культуры работы со словарями в системе общего образования Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы Консультант-Плюс.

79. Михайлов А. И., Чёрный А. И., Гиляревский Р. С. Научные коммуникации и информатика. – М.: Наука, 1976. – 436 с.

80. Моргенштерн И. Г. Динамика и статика книги // Книга : исследования и материалы. Сб. 80. – М., 2002. – С. 147–161.

81. Мосин А. Г. Книжная культура и рукописная традиция русского населения Вятского края (XVII – середина XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1986. – 16 с.

82. Москвитин А. Ю. Основные принципы типологии и их применение к анализу типологических проблем в социальном познании: дис. ... канд. филос. наук. – Владивосток, 1999. – 197 с.
83. Мосунова Л. А. Анализ концепций понимания художественных текстов в гуманитарных исследованиях // Герменевтический подход в гуманитарном образовании: коллективная монография / под ред. Е. О. Галицких. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – С. 26–46.
84. Мосунова Л. А. К вопросу о совершенствовании подготовки редакторов: проблема понимания текстов // Известия Высших учебных заведений. Научно-технический журнал Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2009. – № 4. – С. 57–62.
85. Мосунова Л. А. Проблемы вузовской подготовки издателей // Полиграфист. – 2013. – № 2. – С. 24–31.
86. Мосунова Л. А. Редакторский анализ художественных текстов: психологические проблемы восприятия // Известия Высших учебных заведений. Научно-технический журнал Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2011. – № 4. – С. 140–149.
87. Мосунова Л. А. Структура и развитие смыслового понимания художественных текстов. – М. : ПЕР СЭ Пресс, 2006. – 336 с.
88. Мухин М. Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2011. – 43 с.
89. Мэри Сью // Wikipedia. – URL: [http:// ru.wikipedia.org/wiki/ Мэри_Сью](http://ru.wikipedia.org/wiki/Мэри_Сью). – (дата обращения: 2.02.2015).
90. Немировский Е. Л. Что такое книга // В мире книг. – 1977. – № 7. – С. 77.
91. Никитина Е. С. Семиотика : курс лекций : учеб. пособие для вузов. – М.: Академический проект: Трикста, 2006. – 528 с.
92. О детской литературе // Кировская правда. – 1939. – № 14. – С. 4.
93. Одинцов В. В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 263 с.
94. Панченко А. М. Русская литература в канун петровских реформ. – Л., 1984. – 205 с.
95. Петряев Е. Вятская копилка // Вятка. Краеведческий сборник. – Киров: Киров. отд-ние Волго-Вят. изд-ва, 1972. – С. 10–18.
96. Петряев Е. Д. Записки книголюба. – Киров, 1978. – С. 279.
97. Петряев Е. Д. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. – Киров, 1981. – С. 288.
98. Печатные работы научных работников института // Вятский педагогический институт им. В. И. Ленина. 1918–1928. – Вятка, 1928. – С. 226–249.
99. Платонов С. Лекции по Русской истории. – 1899. – Вып. II. – С. 56.
100. Плешкевич Е. А. Основы общей теории документа. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. – 244 с.

101. Плотникова С. В. О принципах составления словаря трудностей русского языка для младших школьников [Электронный ресурс]: Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал. – 2012. – № 2. – С. 1745.
102. Повесть о стране Вятской. Свод летописных известий о Вятском крае / сост. А. Спицын. – Киров: Киров. обл. тип., 1993.
103. Подкорытов Г. А. О природе научного метода. Гл. 111. Систематизация. – Л., 1988. – 224 с.
104. Полищук М. А. Чтение детей младшего школьного возраста (по результатам социологического исследования) // Библиотекосведение. – 2010. № 1. – С. 61–66.
105. Помелова Е. В. Просветительство и его роль в развитии образования в Вятской губернии со второй половины XIX века по Октябрь 1917 г.: дис. ... канд. пед. наук. – Киров, 2005. – 229 с.
106. Попова С. Н. Лингвостилистика фанфикшн (на материале англоязычных сайтов, посвящённых творчеству Дж. Р. Р. Толкина): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 184 с.
107. Прасолова К. А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века: творчество поклонников Дж. К. Роулинг : дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2009. – 261 с.
108. Приемышева М. Н. Я. К. Грот и традиции русского языкознания (к 200-летию со дня рождения ученого) // Русский язык в школе. – 2012. – № 12. – С. 64–70.
109. Психосемантика слова и лингвостатистика текста: методические рекомендации к спецкурсу / сост. А. П. Варфоломеев. – Калининград, 2000. – 37 с.
110. Репертуар печатной продукции вятского региона (1917–1945 гг.): библиографический указатель / сост. С. Н. Русских. – Киров: ИД «Герценка», 2014. – 382 с.
111. Рублева О. Л. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – 257 с.
112. Русских С. Н. Издательский репертуар Вятского региона в 1917–1945 гг. // Книга и книжное дело в России: историко-типологический аспект: коллективная монография / науч. ред. Л. А. Мосунова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. – С. 72–93.
113. Саморуков И. И. Массовая литература: проблема художественной рефлексии : дис... канд. филол. наук. – Самара, 2006. – 198 с.
114. Саутина Е. В. Теоретико-методологические основы электронной книги // Книга и книжное дело в России: историко-типологический аспект : коллективная монография / науч. ред. Л. А. Мосунова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. – С. 139–166.
115. Сгибнева Н. Ф. Рукописный сборник проповедей конца XVII века «Статир»: история открытия, итоги и перспективы изучения // Сборник материалов III межрегион. церковно-научной конференции «Обретение святых» – 2011. – Киров, 2011. – С. 59–63.

116. Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1 : А–В – 7500 статей. М., 2001; Том 2: Г–Ж – 4500 статей / В. П. Григорьев (отв. редактор), сост.: Л. Л. Шестакова и др. – М., 2003.
117. Столяров Ю. Н. Библиоковедение, библиографоведение, книговедение как единая научная специальность. – Орёл: Изд-во ОГИКИ, 2007, 2010. – С. 287.
118. Столяров Ю. Н. Материальный носитель информации как составная часть документа // Делопроизводство. – 2003. – № 3. – С. 33–35.
119. Столяров Ю. Н. Онтологический статус документа // Библиоковедение. – 1999. – № 4–6. – С. 50–59.
120. Столяров Ю. Н. Сущность информации. – М., 2000. – 120 с.
121. Тест на Мэри-Сьюшность. – URL: <http://aeterna.qip.ru/test/view/85790>. – (дата обращения: 2.02.2015).
122. Толли Майя. Мери Сью и все-все-все. – URL: <http://www.maggiesmith.narod.ru/tolli.htm>. – (дата обращения: 2.02.2015).
123. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. – М.: Академия, 2009. – 336 с.
124. Уо Д. К. История одной книги : Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. – СПб.: Дм. Буланин, 2003. – 382 с.
125. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования: утв. Приказом Минобрнауки РФ от 6.10.2009 г. № 373; в ред. приказов Минобрнауки России от 26.11.2010 №1241, от 22.09.2011 № 2357 [Электронный ресурс]: сайт Минобрнауки РФ. – URL: <http://минобрнауки.рф/документы/922>
126. Философия: учебник / под ред. О. А. Митрошенкова. – М.: Гардарики, 2002. – 655 с.
127. Фролова И. И. Вопросы регионального книговедения // Книга: Исследования и материалы. Сб. 75. – М., 1998. – С. 303–305.
128. Фролова И. И. Десятые Павленковские чтения // Книга: Исследования и материалы. Сб. 76. – М., 1999. – С. 235–242.
129. Фролова И. И. Книжная культура российской провинции второй половины XIX – начала XX века (историографический обзор) // Фёдоровские чтения. – М., 2005. – С. 628–636.
130. Чайкина Г. П. Книгоиздание // Энциклопедия земли Вятской : Культура. Искусство: в 10 т. (12 кн.). – Киров, 1994–2005. – Т. 9. – С. 178–179.
131. Червинский М., Зберский Т. Система книги. Семиотика книги / пер. с польск. Т. Я. Казавчинской. – М.: Книга, 1981. – 127 с.
132. Черняховский Г. С., Заболотский В. В. Из истории книгоиздательского дела в Кировской области. – Киров, 1964. – 27 с.
133. Четверикова О. В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2013. – 51 с.
134. Чудова Г. Ф. Библиотеки Кировской области в дни Великой Отечественной войны. – Киров, 1947. – 87 с.

135. Чудова Г. Ф. Указатель содержания «Трудов Вятской учёной архивной комиссии» 1905–1917 гг. – Киров, 1993.
136. Чурина И. О. Новые источники по истории почитания преподобного Трифона Вятского // Сборник материалов III межрегион. церковно-научной конференции «Обретение святых» – 2011. – Киров, 2011. – С. 5–9.
137. Чурина И. О. Список Жития преп. Трифона Вятского из собрания Российской Государственной Библиотеки в контексте рукописной традиции памятника // Сборник материалов III межрегион. церковно-научной конференции «Обретение святых» – 2011. – Киров, 2011. – С. 10–14.
138. Швецова-Водка Г. Н. Документ в свете ноокоммунологии : научно-практическое пособие. – М.: Литера, 2010. – 384 с.
139. Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги : учеб. пособие. – М.: Рыбари; Киев: Знания, 2009. – 488 с.
140. Швецова-Водка Г. Н. Типология книги // Книга: исследования и материалы. Сб. 46. – М., 1983. – С. 40–60.
141. Швецова-Водка Г. Н. Функциональная сущность и свойства книги // Книга : исследования и материалы. Сб. 71. – М., 1995. – С. 69–96.
142. Шеметова Е. П. Этический смысл книжной культуры // Книга: исследования и материалы. Сб. 92. – М., 2010. – С. 60–68.
143. Шестакова Л. Л. Авторская лексикография в отечественном языкознании. Часть 1 [Электронный ресурс]. – URL: www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/slovari/28_102, свободный.
144. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 464 с.
145. Шпет Г. Г. Герменевтика и её проблемы // Контекст. 1989. – М., 1989.
146. Шпет Г. Г. Герменевтика и её проблемы // Контекст. 1991. – М., 1991.
147. Шпет Г. Г. Философские этюды. – М.: Прогресс, 1994.
148. Штовба С. Д. Введение в теорию нечётких множеств и нечёткую логику. – URL: <http://matlab.exponenta.ru>. – Дата обращения: 15.04.2014.
149. Электронный каталог КОУНБ им. А. И. Герцена. – URL: <http://www.herzenlib.ru/main/ek/>
150. Энциклопедия «Книга» / под ред. Е. Л. Немировского. – URL: <http://polygraphicbook.narod.ru/>. – Дата обращения: 15.04.2014.
151. Энциклопедия земли Вятской. Откуда мы родом?: в 10 т. – Киров: Вятка, 1995. – Т. 2. Литература / сост. В. А. Поздеев. – 575 с.
152. Эрлих В. А. Новое исследование в области регионального книжного дела // Книга: Исследования и материалы. Сб. 73. – М., 1996.– С. 356–361.
153. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 102–117.
154. Яновский М. Ф. О книге: опыт анализа понятия «книга» / предисл. И. С. Маслова. – Київ: Культура, 1929. – 188 с.

1. Andrek Melissa. See you again [Electronic resource]. – URL: <http://www.popcornnews.ru/persons/Justin-Bieber/fanfics/1986>. – (дата обращения: 2.02.2015).
2. Baym N. Interpreting Soap Opera and Creating Community: Inside a Computer-mediated Fan Culture // *Journal of Folklore Research*. – 1993. – Vol. 30. – No. 2/3. – P. 143–177.
3. Chiara. FANFICTION: ЛИТЕРАТУРА ОДЕРЖИМОСТИ? // Академия Графоманства 1: Что такое фанфикшен? [Electronic resource]. – URL: <http://www.hogwartsnet.ru/hf2/index.php?showtopic=174>. – (дата обращения: 2.02.2015).
4. Constance Ice. Гарри Поттер и Лес Теней [Electronic resource]. – URL: http://www.samlib.ru/b/bog_p_b/les_teney.shtml. – (дата обращения: 2.02.2015)
5. Entrery. Жанры, рейтинги, размеры, или шапка фанфика – суп отдельно, мухи отдельно [Electronic resource]. – URL: http://yuri.teinon.net/library/shapka_fanfika. – (дата обращения: 2.02.2015).
6. Internet Culture/ ed. by D. Porter. – New York; London : Routledge, 1997. – 288 p.
7. Jenkins H. Fans, Bloggers, and Gamers: Media Consumers in a Digital Age. – N. Y. : University Press, 2006. – 279 p.
8. Jenkins H. Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture: 2 edition. – New York; London : Routledge, 2013. – 424 p.
9. katya1315 Я не фанатка [Electronic resource]. – URL: <http://www.popcornnews.ru/persons/Robert-Pattinson/fanfics/1906>. – (дата обращения: 2.02.2015).
10. King, Laurie R. Two Shabby Figures (The Beekeeper's Apprentice). – London : Macmillan, 1994 [Electronic resource]. – URL: <http://us.macmillan.com/mobile/excerpt/9781250055705>. – (дата обращения: 1.08.2014).
11. Lamb P., Veith D. Romantic Myth, Transcendence and Star Trek Zines// *Erotic Universe: Sexuality and Fantastic Literature*/ed. by Donald Palumbo. – Santa Barbara (CA) : Greenwood Press, 1986. – [Contributions to the Study of Science Fiction and Fantasy]. – № 18. – P. 235–255.
12. Lawliet, Luna. T. The Return Of Sherlock Holmes and Luanna Watson [Electronic resource]. – URL: <http://www.fanfiction.net>. – (дата обращения: 1.08.2014).
13. Lawsky Darina. Maybe Happy End?... уверена не скоро [Electronic resource]. – URL: <http://www.popcornnews.ru/persons/Justin-Bieber/fanfics/1984>. – (дата обращения: 2.02.2015).
14. Nawotka, Edward. Is Fanfiction a Legitimate Genre?// *Publishing Perspectives*. – 2012. – June 19 [Electronic resource]. – URL: <http://publishingperspectives.com/2012/06/is-fanfiction-a-legitimate-genre>. – (дата обращения: 2.02.2015).
15. Smith P. A Trekkie's tale [Electronic resource]. – URL: [http://www.fanhistory.com/wiki/A_Trekkie_%27s_Tale_\(the_story\)](http://www.fanhistory.com/wiki/A_Trekkie_%27s_Tale_(the_story)). – (дата обращения: 1.03.2013).
16. The Oxford English Dictionary / Prepared by J. A. Simpson and E. S. C. Weiner. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – 2 ed. – Vol. 5. – p. 711.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баёва Лада Владимировна, руководитель пресс-службы религиозной организации Вятская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат), аспирант кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ

Булдакова Юлия Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ

Динер Елена Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ, докторант МГУКИ

Колесникова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ

Краснова Лариса Васильевна, старший преподаватель кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ

Мосунова Людмила Александровна, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования ВятГГУ

Попова Алёна Сергеевна, документовед отдела делопроизводства ВятГГУ, аспирант кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ

Русских Светлана Николаевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ

Научное издание

**СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО:
НОВОЕ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ**

Редактор *Т. Н. Котельникова*,
Компьютерная верстка *А. А. Харунжевой*
Дизайн обложки *А. Ю. Чепурных*

Подписано в печать 22.05.2015 г.
Формат 60x84/16.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,7.
Тираж 100 экз.
Заказ № 38.

ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69–48, т. (8332) 673-674
www.raduga-press.ru

Отпечатано в полиграфическом цехе ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»
т. (8332) 26-23-90, e-mail: raduga-press@list.ru